

Книга социалистическая

А. С. ПУШКИН

П О Э М Ы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАД 1933

ПОСВЯЩЕНИЕ

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы
В часы досугов золотых,
Под шопот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ни чьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

У лукоморья¹ дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом:
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;

¹ Лукоморье — морской залив.

Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кашей над золотом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил,
У моря видел дуб зеленый,
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гриднице¹ высокой
Владимир-солнце² пировал;
Меньшую дочь он выдавал

За князя храброго Руслана,
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники¹ носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:²
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем³ свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ест, ни пьет Руслан влюбленный:
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья.
В унынии, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя младые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыли кубки круговые
И брашны⁴ неприятны им;

¹ Чашники — слуги при дворе русских князей, разливавшие вино за столом

² Баян — имя полупоэтического древнего певца.

³ Лель — славянский бог любви; Лелем свитый венец — брачный союз, свадьба

⁴ Брашны — еда, кушанья (старорусское слово).

¹ Гридница — приемная комната в княжеском дворце.
² Владимир-солнце — князь Владимир киевский, княжил с 980 по 1015 г. Память о Владимире, его пирах и дружбе с богатырями твердо вошла в сказки.

Не слышат вешего Баяна,
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надменный
В пирах никем непобежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский¹ хан Ратмир;
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.
Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от меду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;
Но с тайным, грустным умиленьем

¹ *Хазары* — народ, образовавший могущественное государство на севере Кавказа и по северному побережью Черного моря. В X веке государство хазаров пришло в упадок. Хазары управлялись каганами (Пушкин вслед за Карамзиным называет кагана ханом). Так как хазары были одного племени с турками и среди них было распространено магометанство, Пушкин придал Ратмиру черты восточных магометанских князей, известные по арабским и персидским сказкам.

Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские¹ ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопот
И поцелуев сладкий звук
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом всё смерклось, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Всё смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной...
И снова терем пуст и тих;
Встает испуганный жених,
С лица катится пот остывший;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой...
О горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмила нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

¹ *Царьград* — Константинополь, ныне Стамбул, в X веке главный город Византийской (греческой) империи; предметы роскоши проникали на Русь главным образом из Константинополя.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но после долгих, долгих лет
Обнять влюбленную подругу,
Желаний, слез, тоски предмет,
И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчастный.
Но что сказал великий князь?
Сраженный вдруг молвой ужасной,
На зятя гневом распалясь,
Его и двор он созывает:
«Где, где Людмила?» вопрошает
С ужасным, пламенным челом.
Руслан не слышит. «Дети, други!
Я помню прежние заслуги:
О, сжальтесь вы над стариком!
Скажите, кто из вас согласен
Скакать за дочерью моей?
Чей подвиг будет ненапрасен,
Тому — терзайся, плачь, злодей!
Не мог сберечь жены своей! —
Тому я дам ее в супруги
С полцарством прадедов моих.
Кто ж вызовется, дети, други?..»
— Я! молвил горестный жених.
«Я! я! воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир:
Сейчас коней своих седлаем;
Мы рады весь изъездить мир.
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся: едем за княжной». —
И с благодарностью немой
В слезах к ним простирает руки
Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе:
Руслан уныньем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых,
Вдоль берегов Днепра счастливых
Летят в клубящейся пыли,
Уже скрываются вдаль,
Уж всадников не видно боле...
Но долго всё еще глядит
Великий князь в пустое поле
И думой им во след летит.

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.
Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф
Надувшись ехал за Русланом.
Он говорит: «насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречусь с великаном?
Уж то-то крови будет течь,
Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарский хан, в уме своем
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;
В нем кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор:
То скачет он во весь озор,
То дразнит бегуна лихого,
Кружит, подьемлет на дыбы,
Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай угрюм, молчит — ни слова...
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,

Всех больше беспокоен он,
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлен.

Соперники одной дорогой
Всё вместе едут целый день.
Днепра стал темен брег отлогий;¹
С востока льется ночи тень;
Туманы над Днепром глубоким;
Пора коням их отдохнуть.
Вот под горой путем широким
Широкий пересекся путь.
«Разъедемся, пора!» сказали,
«Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчастный,
Один в пустынной тишине?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Всё, мнится, видел ты во сне.
На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.

Что вдруг пред витязем пещера;
В пещере свет. Он прямо к ней
Идет под дремлющие своды,
Ровесники самой природы.
Вошел с уныньем: что же зрит?
В пещере старец; ясный вид,

¹ Такие слова, как «отлогий, строгий, одинокий, гихий» (прилагательные на «ий», «кий», «хий»), Пушкин произносил и писал: «отлогой, строгой, одинокой, тихой» (старомосковское произношение), следовательно рифма «дорогой — отлогий» была для Пушкина совершенно точной (ср. дальше рифмы: «одинокий — глубокой», «высокий — жестоко» и др.).

Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сын!»
Сказал с улыбкой он Руслану:
«Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною.
Мы вместе сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Руслан, лишился ты Людмилы;
Твой твердый дух теряет силы;
Но зла промчится быстрый миг:
На время рок тебя постиг.
С надеждой, верою веселой
Иди на всё, не унывай;
Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных¹ обладатель гор.
Еще ничей в его обитель
Не проникал доныне взор;
Но ты, злых козней истребитель,
В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей.
Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам,
И в радости лобзает руку.
Светлеет мир его очам,
И сердце позабыло муку.

¹ Полнощных — северных.

Вновь ожил он; и вдруг опять
На вспыхнувшем лице кручина...
«Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не трудно разогнать,
Сказал старик: тебе ужасна
Любовь седого колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной деве не страшна.
Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокруг нее он молча бродит,
Клянет жестокий жребий свой...
Но, добрый витязь, день проходит,
А нужен для тебя покой».

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник¹ непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

¹ *Наперсник* — здесь в значении: знающий тайны; вообще же — друг, выслушивающий секретные рассказы.

Вздыхнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальней
Угрюмый край. Природный фин,
В долинах, нам одним известных,
Гоняя стадо сел окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал,
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

«Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотой.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волюнку надувая;
Передо мной шумел поток.
Одна, красавица младая
На берегу плела венки.
Меня влекла моя судьбина...
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней — и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

«Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
Пастух, я не люблю тебя!

«И всё мне дико, мрачно стало:
Родная куца, тень дубров,
Веселы игры пастухов —
Ничто тоски не утешало.
В уныньи сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными сажались
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал — и весла зашумели;
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

«Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг;
Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным;
Но дева скрылась от меня,
Примолвля с видом равнодушным:
Герой, я не люблю тебя!

«Руслан, не знаешь ты мученья
Любви, отверженной на век.
Увы! ты не сносил презренья.
И что же, странный человек!
И ты ж тоскою сердце губишь.
Счастливец! ты любим, как любишь.

«К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится.

«Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбаей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;

Всё слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

«И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спешил в объятия свободы,
В уединенный мрак лесов;
И там, в ученьи колдунов,
Провел невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша! думал я.
Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

«В надежде сладостных наград,
В восторге пылкого желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов — и виноват! —
Безумный, дерзостный грабитель,
Достойный Черномора брат,
Я стал Наины похититель.
Лишь загадал — во тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,

Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненьи всё еще не верил,
И вдруг заплакал, закричал:
Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?.. «Ровно сорок лет»,
Был девы роковой ответ:
«Сегодня семьдесят мне било.
Что делать», мне пищит она,
«Толпою годы пролетели,
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что встарину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья),
Открою тайну: я колдунья!»

«И было в самом деле так.
Немой, недвижимый перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

«Но вот ужасно! колдовство
Вполне свершилось по несчастью.
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод

Бормочет мне любви признание.
Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор:
«Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю...»

«И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем — я обмирал,
От ужаса, зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: «о недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный,
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вот мужчины!
Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!»

«Так мы расстались. С этих пор
Живу в моем уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зовет меня могила;

Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая конечно
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».

Наш витязь с жадностью внимал
Рассказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкал
И тихого полета ночи
В глубокой думе не слышал.
Но день блистает лучезарный...
Со вздохом витязь благодарный
Объемлет старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня;
В седле оправился, присвистнул.
«Отец мой, не оставь меня».
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит во след: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Советов старца не забудь!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Соперники в искусстве брани,¹
Не знайте мира меж собой;
Несите мрачной славе дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивясь грозным торжествам:

¹ Брань — война (славянское слово), отсюда «бранный» — боевой, военный.

Никто эб вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасских¹ гор,
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь — только осторожно.
Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою непременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил на зло вселенной;
Сердиться глупо и грешно.
Ужели бог нам дал одно
В подлунном мире наслажденье?
Вам остаются в утешенье
Война и Музы² и вино.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставя спутников своих,
Пустился в край уединенный
И ехал меж пустынь лесных,
В глубокую думу погруженный —
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шептал:
«Убью!.. преграды все разрушу..
Руслан!.. узнаешь ты меня..
Теперь-то девица поплачет...»
И вдруг, поворотив коня,
Во весь опор назад он скачет.

¹ *Парнас* — гора в древней Греции; считалась местопребыванием бога искусств Аполлона и муз, вдохновлявших поэтов и художников. *Рыцари парнасских гор* — писатели. Пушкин имеет в виду журнальную полемику.

² *Музы* — в греко-римской мифологии божества — девять сестер, покровительниц искусств и наук; Пушкин это слово употребляет в значении — поэзия, поэтическое вдохновение.

В то время доблестный Фарлаф,
Всё утро сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных,
У ручейка, наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине.
Как вдруг, он видит: кто-то в поле,
Как буря, мчится на коне;
И, времени не тратя боле,
Фарлаф, покинув свой обед,
Копье, кольчугу, шлем, перчатки,
Вскочил в седло, и без оглядки
Летит — а тот за ним вослед.
«Остановись, беглец бесчестный!»
Кричит Фарлафу неизвестный.
«Презренный, дай себя догнать!
Дай голову с тебя сорвать!»
Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал,
И, верной смерти ожидая,
Коня еще быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды¹ стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тязко в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами,
И смерть принять уж был готов.

¹ *Бразды* — удила.

Рогдай к оврагу подлетает;
Жестокий меч уж занесен;
«Погибни, трус! умри!» вещает...
Вдруг узнает Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя¹ зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою
Скорей отъехав ото рва,
Бесился... но едва, едва
Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожную клюкой
Ему на север указала.
«Ты там найдешь его», сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался
Дохнуть не смея; про себя
Он, лежа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался?
Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
«Встань, молодец; всё тихо в поле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня».

Смущенный витязь поневоле
Ползком оставил грязный ров;
Окрестность робко озирая,

¹ Скрыпя — старинная форма вместо «скрипя», соответствовавшая произношению Пушкина. Пушкин также говорил и писал «скрып», «скрыпка».

Вздыхнул и молвил оживая:
«Ну, слава богу, я здоров!»

«Поверь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забежала;
Не нам с тобой ее достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету,
Ступай тихохонько назад.
Под Киевом, в уединенье,
В своем наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдет».

Сказав, исчезла. В нетерпенье
Благоразумный наш герой
Тотчас отправился домой,
Сердечно позабыв о славе
И даже о княжне младой;
И шум малейший по дубраве,
Полет синицы, ропот вод
Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далеко мчится;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей,
И говорит: «найду ли друга?
Где ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой светлый взор?
Услышу ль нежный разговор?
Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была,
И, скорбной девою старея,
В темнице мрачной отцвела?
Или соперник дерзновенный
Придет?.. Нет, нет, мой друг бесценный:

Еще при мне мой верный меч,
Еще глава не пала с плеч».

Однажды, темною порою,
По камням берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою.
Всё утихало. Вдруг за ним
Стрелы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звон и крик и ржанье
И топот по полю глухой.
«Стой!» грянул голос громовой.
Он оглянулся: в поле чистом,
Подняв копьё, летит со свистом
Свирепый всадник, и грозой
Помчался князь ему навстречу.
«Ага! догнал тебя! постой!»
Кричит наездник удалой:
«Готовься, друг, на смертну сечу;
Теперь ложись средь здешних мест;
А там ищи своих невест».
Руслан вспылал, вздрогнул от гнева;
Он узнает сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева?
Оставим витязей на час;
Об них опять я вспомню вскоре.
А то давно пора бы мне
Подумать о молодой княжне
И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,
Я рассказал, как ночью темной
Людмилы нежной красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана.
Несчастливая! когда злодей,
Рукою мощною своей
Тебя сорвав с постели брачной,

Взвился, как вихорь, к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный,
И вдруг умчал к своим горам —
Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна.
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновение очутилась.

С порога хижины моей
Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал, —
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый,
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно, горестью своей
И хладным страхом пораженный,
Зовет любовницу петух...
Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостным забвеньем,
Как будто страшным сновиденьем,
Объята — наконец она
Очнулась, пламенным волненьем
И смутным ужасом полна;
Душой летит за наслажденьем,
Кого-то ищет с упоеньем;
Где ж милый, шепчет, где супруг?
Зовет и помертвела вдруг.

Глядит с боязнию вокруг.
Людмила, где твоя светлица?
Где ложе радости молодой?
Одна, с ужасной тишиной,
Лежит несчастная девица
Среди подушек пуховых,
Под гордой сенью балдахина;
Завесы, пышная перина
В кистях, в узорах дорогих;
Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар;
Кругом курильницы златые
Подъемлют ароматный пар;
Довольно... благо мне не надо
Описывать волшебный дом:
Уже давно Шехеразада¹
Меня предупредила в том.
Но светлый терем не отрада,
Когда не видим друга в нем.

Вы знаете, что наша дева
Была одета в эту ночь,
По обстоятельствам, точь в точь
Как наша прабабушка Ева. —
Наряд невинный и простой!
Наряд Амура² и природы!
Как жаль, что вышел он из моды!
Пред изумленною княжной
Три девы красоты чудесной.
В одежде легкой и прелестной
Явились, молча подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжне воздушными перстами

¹ Шехеразада — героиня арабского сборника сказок «Тысяча и одна ночь»; она рассказывает входящие в сборник сказки.

² Амур — древне-римский бог любви.

Златую косу заплела
С искусством, в наши дни не новым,
И обвила венцом перловым¹
Окружность бледного чела.
За нею, скромно взор склоняя,
Потом приблизилась другая,
Лазурный, пышный сарафан
Одел Людмилы стройный стан;
Покрылись кудри золотые,
И грудь, и плечи молодые
Фатой, прозрачной как туман.
Покров завистливый лобзает
Красы, достойные небес,
И обувь легкая сжимает
Две ножки, чудо из чудес.
Княжне последняя девица
Жемчужный пояс подает.
Меж тем незримая певица
Веселы песни ей поет.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафан, ни перлов ряд,
Ни песни лести и веселья
Ее души не веселят;
Напрасно зеркало рисует
Ее красоты, ее наряд;
Потупя неподвижный взгляд,
Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя,
На темном сердца дне читали,
Конечно знают про себя,
Что если женщина в печали
Сквозь слез, украдкой, как-нибудь,
На зло привычке и рассудку,
Забудет в зеркало взглянуть —
То грустно ей уж не на шутку.

¹ Перловый — жемчужный (от «перл» — жемчуг).

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К окну решетчату подходит,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Всё мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне,
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах,
И звонкий рог веселой ловли
В пустынных не трубит горах;
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом,
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес.

В слезах отчаянья, Людмила
От ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждет ее теперь?
Бежит в серебряную дверь;
Она с музыкой¹ отворилась,
И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:²
Прекраснее садов Армиды³
И тех, которыми владел
Царь Соломон,⁴ иль князь Тавриды.⁵

¹ Музыка — слово это, проникшее в русский язык через польский, долгое время сохраняло польское ударение на втором слоге.

² Предел — здесь в значении «место, страна».

³ Армида — одна из героинь поэмы Тассо (1575 г.) «Освобожденный Иерусалим», описание ее волшебных садов послужило образцом для других поэтов. Сады Черномора в некоторых отношениях напоминают сады Армиды.

⁴ Соломон — царь древней Иудеи, царствовал в Иерусалиме с 1020 по 980 г. до нашей эры. Двор Соломона отличался пышностью.

⁵ Князь Тавриды — Потемкин, фаворит Екатерины II,

Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы,
Алеи пальм и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом¹ вод отражены;
Пригорки, роши и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мураке трепетных ветвей;
Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам;
Под ними блещут истуканы,
И, мнится, живы; Фидий² сам,
Питомец Феба³ и Паллады,⁴
Любуясь ими, наконец
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валяются, плещут водопады;
И ручейки в тени лесной
Чуть выются сонною волной.
Приют покоя и прохлады,
Сквозь вечну зелень здесь и там

обладатель богатых дворцов и садов; Потемкин, обладая неограниченными полномочиями, содействовал колонизации юга России и захвату Крыма, за что получил в 1787 г. титул светлейшего князя Таврического (Таврида — древнее название Крыма).

¹ Зерцало — зеркало (славянское слово).

² Фидий — знаменитый древнегреческий скульптор (V в. до нашей эры).

³ Феб — другое наименование бога Аполлона. Питомец Феба — искусный художник.

⁴ Паллада, или Афина — у древних греков богиня мудрости, покровительница искусств и наук.

Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам.
Но безутешная Людмила
Идет, идет и не глядит;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустен неги светлый вид;
Куда, сама не зная, бродит,
Волшебный сад кругом обходит,
Свободу горьким дав слезам,
И взоры мрачные возводит
К неумолимым небесам.
Вдруг осветился взор прекрасный:
К устам она прижала перст;
Казалось, умысел ужасный
Рождался... Страшный путь отверст:
Высокий мостик над потоком
Пред ней висит на двух скалах;
В унынии тяжком и глубоком
Она подходит — и в слезах
На воды шумные взглянула,
Ударила, рыдая, в грудь,
В волнах решила утонуть —
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь.

О люди, странные создания,
Меж тем как тяжкие страданья
Тревожат, убивают вас,
Обеда лишь наступит час —
И в миг вам жалобно доносит
Пустой желудок о себе,
И им заняться тайно просит.
Что скажем о такой судьбе?

И ты, прекрасная Людмила,
По солнцу бегая с утра,
Устала, слезы осушила.
В душе подумала: пора!

На травку села, оглянулась —
И вдруг над нею сень шатра,
Шумя, с прохладой развернулась;
Обед роскошный перед ней;
Прибор из яркого кристала;
И в тишине из-за ветвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится пленная княжна,
Но втайне думает она:
«Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров.
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встает, и вмиг шатёр,
И пышной роскоши прибор,
И звуки арфы... всё пропало;
Попрежнему всё тихо стало;
Людмила вновь одна в садах
Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в лазурных небесах
Плывет луна, царица ночи,¹
Находит мгла со всех сторон
И тихо на холмах почила;
Княжну невольно клонит сон,
И вдруг неведомая сила
Нежней, чем вешний ветерок,
Ее на воздух поднимает,
Несет по воздуху в чертог,
И осторожно опускает

¹ *Ночь* — славянская форма слова *ночь*.

Сквозь фимиам вечерних роз
На ложе грусти, ложе слез.
Три девы вмиг опять явились
И вокруг ее засуетились,
Чтоб на ночь пышный снять убор;
Но их унылый, смутный взор
И принужденное молчанье
Являли втайне состраданье
И немощный судьбам укор.
Но поспешим: рукой их нежной
Раздета сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
В одной сорочке белоснежной
Ложится почивать она.
Со вздохом девы поклонились,
Скорей как можно удалились,
И тихо притворили дверь.
Что ж наша пленница теперь!
Дрожит как лист, дохнуть не смеет;
Хладеют перси,¹ взор темнеет;
Мгновенный сон от глаз бежит;
Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит...
Всё мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышит трепетанье...
И мнится... шепчет тишина;
Идут — идут к ее постеле;
В подушки прячется княжна —
И вдруг... о страх!.. и в самом деле
Раздался шум; озарена
Мгновенным блеском тьма ночная.
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно

¹ Перси — грудь (славянское слово)

Седую бороду несет;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,
Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.
Уж он приблизился:¹ тогда
Княжна с постели соскочила,
Седого карлу за колпак
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащий занесла кулак,
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.
Трепеща, скорчился бедняк,
Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,
Хотел бежать, но в бороде
Запутался, упал и бьется;
Встает, упал; в такой беде
Арапов черный рой мятется;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охапку,
И вон распутывать несут,
Оставя у Людмилы шапку

Но что-то добрый витязь наш?
Вы помните ль неждану встречу?
Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский,² ночь и сечу!
При свете трепетном луны,
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копыя брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,

¹ Приблизился — вместо «приблизился», старинная форма, употребительная у Пушкина.

² Орловский (1777 — 1832) — рисовальщик, известный рисунками сражений.

Кольчуги кровию покрыты,
 Щиты трещат, в куски разбиты...
 Они схватились на конях;
 Взрывая к небу черный прах,
 Под ними борзые кони бьются;
 Борцы, недвижно сплетены,
 Друг друга стиснув, остаются,
 Как бы к седлу пригвождены;
 Их члены злобой сведены;
 Переплелись и костенеют;
 По жилам быстрый огонь бежит;
 На вражьей груди грудь дрожит —
 И вот колеблются, слабеют —
 Кому-то пасть... вдруг витязь мой,
 Вскипев, железною рукой
 С седла наездника срывает,
 Подъемлет, держит над собой
 И в волны с берега бросает.
 «Погибни!» грозно восклицает;
 «Умри, завистник злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
 С кем бился доблестный Руслан:
 То был кровавых битв искатель,
 Рогдай, надежда киевлян,
 Людмилы мрачный обожатель.
 Он вдоль днепровских берегов
 Искал соперника следов;
 Нашел, настиг, но прежняя сила
 Питомцу битвы изменила,
 И Руси древний удалец¹
 В пустыне свой нашел конец.
 И слышно было, что Рогдай
 Тех вод русалка молодая
 На хладны перси приняла,

¹ Рогдай — историческое лицо; в истории Карамзина он упоминается в числе богатырей, живших при Владимире, под именем «Рахдай». Этим объясняются слова Пушкина «Руси древний удалец».

И, жадно витязя лобзая,
 На дно со смехом увлекла.
 И долго после, ночью темной,
 Бродя близ тихих берегов,
 Богатыря призрак¹ огромный
 Пугал пустынных рыбаков.

ПЕСНЬ ТРЕТЯЯ

Напрасно вы в тени таились
 Для мирных, счастливых друзей,
 Стихи мои! вы не сокрылись
 От гневных зависти очей.
 Уж бледный критик, ей в услугу,
 Вопрос мне сделал роковой:
 Зачем Русланову подругу,
 Как бы на смех ее супругу,
 Зову и девой и княжной?
 Ты видишь, добрый мой читатель,
 Тут злобы черную печать!
 Скажи, Зоил,² скажи, предатель,
 Ну как и что мне отвечать?
 Красней, несчастный, бог с тобою!
 Красней, я спорить не хочу;
 Довольный тем, что прав душою,
 В смиренной кротости молчу.
 Но ты поймешь меня, Климена,
 Потупишь томные глаза
 Ты, жертва скучного Гимена...³
 Я вижу: тайная слеза

¹ Призрак — прежде ударение в этом слове ставилось на последнем слоге.

² Зоил — строгий и несправедливый критик. По имени древнегреческого критика Зоила (IV в. до нашей эры), придирчиво критиковавшего Гомера.

³ Гимен — древнегреческий бог брака. Жертва Гимена — замужняя женщина, жена нелюбимого мужа. Климена — условное имя женщины, к которой будто бы обращается Пушкин.

Падет на стих мой, сердцу внятный;
Ты покраснела, взор погас;
Вздохнула, молча... вздох понятный!
Ревнивец: бойся, близок час;
Амур с Досадой своенравной
Вступили в смелый заговор,
И для главы твоей бесславной
Готов уж мстительный убор.¹

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке всё молчало.
В досаде скрытой Черномор,
Без шапки в утреннем халате,
Зевал сердито на кровати.
Вокруг браны его седой
Рабы толпились молчаливы,
И нежно гребень костяной
Расчесывал ее извивы;
Меж тем, для пользы и красы,
На бесконечные усы
Лились восточны ароматы;
И кудри хитрые вились;
Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый:
Гремя железной чешуей,
Он в кольца быстрые согнулся,
И вдруг Наиной обернулся
Пред изумленною толпой.
«Приветствую тебя, сказала.
Собрат, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рок соединяет
Теперь нас общею враждой;
Тебе опасность угрожает,

¹ Мстительный убор — «рога», намек на мужа, обманутого женой, изменившей ему с любовником.

Нависла туча над тобой;
И голос оскорбленной чести
Меня к отмщению зовет».

Со взором, полным хитрой лести,
Ей карла руку подает,
Вещая: «дивная Наина!
Мне драгоценен твой союз.
Мы посрадим коварство Фина;
Но мрачных козней не боюсь:
Противник слабый мне не страшен,
Узнай чудесный жребий мой:
Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов ее седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих;
Моею будет век Людмила,
Руслан же гробу обречен!»
И мрачно ведьма повторила:
«Погибнет он! погибнет он!»
Потом три раза прошипела,
Три раза топнула ногой,
И черным змием улетела.
Блестая в ризе¹ парчевой,
Колдун, колдуньей ободренный,
Развеселясь, решил вновь
Нести к ногам девицы пленной
Усы, покорность и любовь.
Разряжен карлик бородатый,
Опять идет в ее палаты;
Проходит длинный комнат ряд:
Княжны в них нет. Он дале, в сад,
В лавровый лес, к решетке сада,
Вдоль озера, вокруг водопада,

¹ Риза — одежда, рубашка (славянское слово)

Под мостики, в беседки... нет!
Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье,
И рев, и трепет испуленья?
С досады дня не взвидел он.
Раздался карлы дикий стон:
«Сюда, невольники, бегите!
Сюда, надеюсь я на вас!
Сейчас Людмилу мне сыщите!
Скорее, слышите ль? сейчас!
Не то — шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бородою!»

Читатель, расскажу ль тебе,
Куда красавица девалась?
Всю ночь она своей судьбе
В слезах дивилась и — смеялась
Ее пугала борода,
Но Черномор уж был известен,
И был смешон, а никогда
Со смехом ужас несовместен.
Навстречу утренним лучам
Постель оставила Людмила,
И взор невольный обратила
К высоким, чистым зеркалам;
Невольню кудри золотые
С лилейных плеч приподняла;
Невольню волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашние наряды
Нечаянно в углу нашла:
Вздыхнув, оделась и с досады
Тихонько плакать начала;
Однако с верного стекла
Вздыхая не сводила взора,
И девице пришло на ум,
В волненьи своенравных дум,
Примерить шапку Черномора.
Всё тихо, никого здесь нет;

Никто на девушку не взглянет...
А девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет!
Рядиться никогда не лень:
Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень,
И задом наперед надела.
И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале! «Прекрасно!
Добро, колдун, добро, мой свет!
Теперь мне здесь уж безопасно;
Теперь избавлюсь от хлопот!»
И шапку старого злодея
Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперед.

Но возвратимся же к герою.
Не стыдно ль заниматься нам
Так долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбам?
Свершив с Рогдаем бой жестокий,
Проехал он дремучий лес;
Пред ним открылся дол широкий,
При блеске утренних небес.
Трепещет витязь поневоле:
Он видит старой битвы поле.
Вдали всё пусто; здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где сбруя, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит;
Травой оброс там шлем косматый
И старый череп тлеет в нем,
Богатыря там остов целый
С его поверженным конем

Лежит недвижный; копыя, стрелы
В сырую землю вонзены,
И мирный плющ их обвивает...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущает,
И солнце с ясной вышины
Долину смерти озаряет.

Со вздохом витязь вокруг себя
Взирает грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!
Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить об нем!»

Но вскоре вспомнил витязь мой,
Что добрый меч герою нужен
И даже панцырь; а герой
С последней битвы безоружен.
Обходит поле он вокруг;
В кустах, среди костей забвенных,
В громаде глеющих кольчуг,
Мечей и шлемов раздробленных
Себе доспехов ищет он.
Проснулись гул и степь немая,
Поднялся в поле треск и звон;
Он поднял щит, не выбирая,
Нашел и шлем и звонкий рог;
Но лишь меча сыскать не мог.

Долину брани объезжая,
Он видит множество мечей,
Но все легки да слишком малы,
А князь красавец был не вялый,
Не то, что витязь наших дней.
Чтоб чем-нибудь играть от скуки,
Копье стальное взял он в руки,
Кольчугу он надел на грудь,
И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленную землей;
Дымятся синие туманы
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан,
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный
И что-то страшное храпит.
Он ближе к холму, ближе — слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясет упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь
В своей ужасной красоте;
Над мрачной степью возвыняясь

Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безмянныи,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменьи хочет он
Таинственный рузрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом,
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилась пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад; я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»
Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня,
И с гордым видом усмехнулся.
«Чего ты хочешь от меня?»
Нахмурясь, голова вскричала.
«Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
— Молчи, пустая голова!
Слышал я истину бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу! —

Тогда, от ярости немея,
Стесненной злобой пламеня,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напенься, губы задрожали;
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмура очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь:
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражен, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясет его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела.
В спокойном духе горячась,

Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,¹
Внезапным свистом оглушен;
Уж ничего не видит он,
Бледнеет, ролю² забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И заикаясь умолкает
Перед насмешливой толпой.
Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С поднятой, грозною десницей,³
И в щеку тяжелой рукавицей
С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете веселом
Его схватил, и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумленный, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падет

¹ Мельпомена — по древней мифологии муза — покровительница трагедии. Питомец Мельпомены — актер.

² Роля — старинная форма слова «роль».

³ Десница — правая рука (славянское слово)

В душе, молением усмиренной:
Так на долине тает лед,
Лучом полудня пораженный.

«Ты вразумил меня, герой,
Со вздохом голова сказала:
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!
В кровавых битвах супостата¹
Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рожденный карлой, с бородою,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть,
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умен как бес — и зол ужасно.
Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, всё на свете презирая —
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.
Вот он однажды с видом дружбы,
Послушай, хитро мне сказал,
Не откажись от важной службы:

¹ Супостат — враг, противник (славянское слово).

Я в черных книгах¹ отыскал,
Что за восточными горами
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же? страх!
Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих² погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретенье
Сего создання злых духов!
«Ну что же? где тут затрудненье?»
Сказал я карле, «я готов;
Иду, хоть за пределы света».
И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея-брата посадил;
Пустился в дальнюю дорогу,
Шагал, шагал и, слава богу,
Как бы пророчеству на зло,
Всё счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками,
И потаенный меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Бранились долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
— Оставим бесполезный спор,

Сказал мне важно Черномор:
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.
К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба. —
Сказал и лег на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся,
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов тернием оброс;
Вдали, в стране, людьми забвенной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! ты храним судьбою,
Возьми его, и бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карлу-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощечину забуду».

¹ Черные — волшебные книги заклинаний, предсказаний.

² Обоих — прежде это слово произносилось с ударением на последнем слого.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же — честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны...
Мужьям, девицам молодым
Их замыслы не так ужасны.
Не прав Фернейский злой крикун!¹
Всё к лучшему: теперь колдун
Иль магнетизмом² лечит бедных
И девушек худых и бледных,
Пророчит, издает журнал —
Дела достойные похвал!
Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый — о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшиться, подражая мне,
Их упоительной отравы,
И почивайте в тишине.

¹ *Фернейский злой крикун* — Вольтер (1694 — 1778), французский мыслитель, пользовавшийся славой первого писателя Франции. Последние годы жизни провел в Фернее, откуда вел ожесточенную борьбу с властью католического духовенства и пропагандировал идеи прогресса и свободы личности. Взгляды Вольтера, отражавшие идеологию буржуазии, подготовили идеологов Великой Французской революции (умеренного направления). Пушкин имеет в виду борьбу Вольтера с философией «оптимизма» (Лейбница), утверждавшей, что «всё к лучшему в сем лучшем из миров». В своем романе «Кандид» Вольтер, сатирически вскрывая недостатки современного ему социального и политического строя, обличал эту формулу примирения с действительностью. Возражения Пушкина имеют иронический характер.

² *Животный магнетизм* — шарлатанское учение, пущенное в оборот немецким доктором Месмером в конце XVIII в. Животный магнетизм пользовался долгое время успехом у неосведомленной публики.

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель,
И музы ветреной моей
Наперсник, пестун¹ и хранитель!
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь во след тебе лечу,
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слышали,³
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали,
А там и души дочерей;
Как после щедрым подаяньем.
Молитвой, верой и постом,
И непритворным покаяньем
Снискал заступника в святом;
Как умер он, и как заснули
Его двенадцать дочерей;
И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,
Сии чудесные виденья,
Сей мрачный бес, сей божий гнев,
Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.

¹ *Пестун* — воспитатель.

² *Северный Орфей* — Жуковский (1783 — 1852), поэт сентиментально-романтического направления, оказавший большое влияние на ранние произведения Пушкина. *Орфей* — легендарный поэт древней Греции; по преданию деревья и камни сдвигались с места, чтобы слушать его игру на лире.

³ Далее Пушкин вкратце излагает содержание фантастической стихотворной повести Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1810 г.). В этой повести двенадцать очарованных спящих девушек ожидают освободителя. Освобождает их новгородский витязь Вадим. После освобождения девушки живут как инокини (монахини).

Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен,
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели их,
И часто инокинь святых
На гроб отцовский провожали.
И что ж, возможно ль? .. нам солгали!
Дерзну ли истину вещать?
Дерзну ли ясно описать
Не монастырь уединенный,
Не робких инокинь собор,
Но... трепещу! в душе смущенный
Дивлюсь — и потупляю взор.

Младой Ратмир, направля к югу
Нетерпеливый бег коня,
Уж думал пред закатом дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою
В туманы дальние смотрел:
Всё было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко-позлащенным бором.
Наш витязь мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает,
И видит: замок на скалах
Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идет, зарей освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.¹

«Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер холодный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

«Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум и пируваньё.
Приди на дружное призваньё,
Приди, о путник молодой!

«У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призваньё,
Приди, о путник молодой!

«Тебе мы с утренней зарей
Наполним кубок на прощанье.
Приди на мирное призваньё,
Приди, о путник молодой!

«Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер холодный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный».

Она манит, она поет:
И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девы красные толпою;
При шуме ласковых речей
Он окружен; с него не сводят
Они пленительных очей;
Две девы коня уводят;
В чертоги входит хан молодой,
За ним отшельниц милых рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берет, та пыльный щит;

кой долины») объясняется тем, что стих заимствован Пушкиным из известной в свое время оды Ломоносова на взятие Хотина (1739): «В долине тишина глубокой».

¹ Неправильная расстановка слов (см. «в тишине глубо-

Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.
Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковер; -
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубится;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает,
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые волосы.
Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блеснит,
И, полный страстным ожиданьем,
Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани.
Одетый в бархатные ткани,
В кругу прелестных дев, Ратмир
Садится за богатый пир.
Я не Гомер:¹ в стихах высоких

¹ Гомер — легендарный автор древнегреческих поэм «Илиады» и «Одиссеи» (X и IX вв. до н. л.). В этих поэмах, воспевавших Троянскую войну (эпизод из ранней колонизации греками Малой Азии), часто описываются пиры.

Он может воспевать один
Обеды греческих дружин
И звон и пену чаш глубоких.
Милее, по следам Парни,¹
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
И поцелуй любви нежной!
Луною замок озарен;
Я вижу терем отдаленный,
Где витязь томный, воспаленный
Вкушает одинокий сон;
Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыхает,
Он видит их — и в пылком сне
Покровы к сердцу прижимает.
Но вот в глубокой тишине
Дверь отворилась; пол ревнивый
Скрыпит под ножкой торопливой,
И при серебряной луне
Мелькнула дева. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснись — дорог миг утраты!..
Она подходит, он лежит,
И в сладострастной неге дремлет;
Покров его с одра скользит,
И жаркий пух чело объемлет.
В молчаньи дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,

¹ Парни (1753—1814) — французский поэт, автор сборника «Эротические стихотворения». Стихи Парни, воспевавшие сильное чувство и природу, вытеснили стихи его французских предшественников, отличавшиеся рассудочностью и словесным остроумием, и оказали сильное влияние на дальнейшее развитие европейской поэзии. Пушкин сильно увлекался элегиями Парни и подражал им в ранний период своей деятельности.

Как лицемерная Диана¹
Пред милым пастырем своим:
И вот она, на ложе хана
Коленом опершись одним
Вздыхнув, лицо к нему склоняет
С томленьем, с трепетом живым,
И сон счастливец прерывает
Лобзаньем страстным и немым...

Но, други, девственная лира
Умолкла под моей рукой;
Слабеет робкий голос мой —
Оставим юного Ратмира;
Не смею песней² продолжать:
Руслан нас должен занимать,
Руслан, сей витязь беспримерный,
В душе герой, любовник верный.
Упорным боем утомлен,
Под богатырской головою
Он сладостный вкушает сон.
Но вот уж раннею зарею
Сияет тихий небосклон;
Всё ясно: утра луч игривый
Главы косматый лоб златит.
Руслан встает, и конь ретивый
Уж витязя стрелюю мчит.

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певец пернатых заглушает;
Тяжелый, пасмурный туман
Нагие холмы обвивает;
Зима приблизилась — Руслан

¹ Диана — в мифологии греков и римлян богиня луны и охоты. Она полюбила пастуха Эндимiona и посещала его во время его сна. Лицемерной названа потому, что по другим мифам считалась суровой девственницей.

² Песней — вместо песен — старинная форма.

Свой путь отважно продолжает
На дальный север; с каждым днем
Преграды новые встречает:
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя младого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова...
Но тайным промыслом храним
Бесстрашный витязь невредим;
В его душе желанье дремлет,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем незрима,
От нападений колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что делает моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам,
О друге мыслит и вздыхает,
Иль, волю дав своим мечтам,
К родимым киевским полям
В забвеньи сердца улетает;
Отца и братьев обнимает,
Подружек видит молодых
И старых мамушек своих —
Забыты плен и разлученье!
Но вскоре бедная княжна
Свое теряет заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодея,
И день и ночь, сидеть не смея,
Меж тем по замку, по садам

Прелестной пленницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако всё по пустякам.
Людмила ими забавлялась:
В волшебных рощах иногда
Без шапки вдруг она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И все бросались к ней толпою;
Но в сторону — незрима вдруг —
Она неслышную стопою
От хищных убегала рук.
Везде всечасно замечали
Ее минутные следы:
То позлащенные плоды
На шумных ветвях исчезали,
То капли ключевой воды
На луг измятый упали:
Тогда наверно в замке знали,
Что пьет иль кушает княжна.
На ветвях кедра иль березы
Скрываясь по ночам, она
Минутного искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зевотой,
И редко, редко пред зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва редела ночи мгла,
Людмила к водопаду шла
Умыться хладною струею:
Сам карла утренней порою
Однажды видел из палат,
Как под невидимой рукою
Плескал и брызгал водопад.
С своей обычною тоскою
До новой ночи, здесь и там,
Она бродила по садам;
Нередко под вечер слыхали

Ее приятный голосок;
Нередко в рощах поднимали
Иль ею брошенный венок,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платок.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдун решился наконец
Поймать Людмилу непременно.
Так Лемноса хромой кузнец,¹
Прияв супружеский венец
Из рук прелестной Цитереи,²
Раскинул сеть ее красам,
Открыв насмешливым богам
Киприды³ нежные затей...

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна,
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг.
Вдруг слышит — кличут: «милый друг!»
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;
Но бледен он, в очах туман
И на бедре живая рана —
В ней сердце дрогнуло. «Руслан!
Руслан!.. он точно!» И стрелою
К супругу пленница летит,

¹ Лемноса хромой кузнец — по греко-римской мифологии бог Вулкан, безобразный муж богини любви Венеры. Когда он узнал, что жена изменяет ему с богом Марсом, он сковал тонкие металлические сети, в которые запутал любовников во время их сна, после чего позвал других богов, чтобы они убедились в неверности Венеры; увидев это, боги стали смеяться над Вулканом.

² Цитерея — одно из прозвищ Венеры.

³ Киприда — другое имя Венеры.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

В слезах, трепеща, говорит:
«Ты здесь... ты ранен... что с тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужас... призрак исчезает!
Княжна в сетях; с ее чела
На землю шапка упадает.
Хладея, слышит грозный крик:
«Она моя!» и в тот же миг
Зрит колдуна перед очами.
Раздался девы жалкий стон,
Падет¹ без чувств — и дивный сон
Объял несчастную крылами.

Что будет с бедною княжной?
О страшный вид: волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой
Младые прелести Людмилы;
К ее пленительным устам
Прильнув увядшими устами,
Он, вопреки своим годам,
Уж мыслит хладными трудами
Сорвать сей нежный, тайный цвет,
Хранимый Лелем для другого;
Уже... но бремя поздних лет
Тягчит бесстыдника седого —
Стоная, дряхлый чародей
В бессильной дерзости своей
Пред сонной девой упадает;
В нем сердце ноет, плачет он,
Но вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.
В смятении, бледный чародей
На деву шапку надевает;
Трубят опять; звучней, звучней,
И он летит к безвестной встрече,
Закинув бороду за плечи.

¹ Падет — в языке Пушкина значило: падает (форма настоящего времени, а не будущего, как теперь)

Ах, как мила моя княжна!
Мне нрав ее всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна,
Немножко ветрена... так что же?
Еще милее тем она.
Всечасно прелестию новой
Умеет нас она пленить;
Скажите: можно ли сравнить
Ее с Дельфиною¹ суровой?
Одной — судьба послала дар
Обворожать сердца и взоры;
Ее улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар.
А та — под юбку гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блажен, кого под вечерок
В уединенный уголок
Моя Людмила поджидает
И другом сердца назовет:
Но, верьте мне, блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.
Да впрочем дело не о том!
Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Кто колдуна перепугал?
Руслан. Он, мстью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воеет,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.
Князь карлу ждет. Внезапно он
По шлему крепкому стальному

¹ Дельфира — условное имя.

Рукой незримой поражен;
Удар упал подобно грому;
Руслан подьѐмлет смутный взор,
И видит — прямо над главою —
С подъятой, страшной булавою¹
Летает карла Черномор.
Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;
Но тот взвился под облака;
На миг исчез — и свысока
Шумя летит на князя снова.
Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал — да там и сел;
Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кричит,
И вдруг с Русланом улетает...
Ретивый конь во след глядит;
Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костеня,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.
Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду всё, прощу тебя,
Спускаюсь — но только с уговором...»

¹ Булава — древнее оружие, окованная дубинка с утолщением на конце.

«Молчи, коварный чародей!»
Прервал наш витязь: «с Черномором,
С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!
Сей грозный меч накажет вора:
Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!»
Боязнь объѐмлет Черномора;
В досаде, в горести немой
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясает:
Руслан ее не выпускает
И шиплет волосы порой
Два дни колдун героя носит,
На третий он пощады просит:
«О рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу; нет мочи боле;
Оставь мне жизнь, в твоей я воле;
Скажи — спущусь, куда велишь...»
— Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле. —

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;
Летит — и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.
Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сраженной головы,
И, бороду схватив другою,
Отсек ее, как горсть травы.
«Знай наших!» молвил он жестоко,
«Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?» и на шлем высокий
Седые вяжет волоса;
Свистя зовет коня лихого;
Веселый конь летит и ржет;
Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет,

А сам, боясь мгновенья траты,
Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.
Вдали завидя шлем бородатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон
Бегут — и скрылись. Ходит он
Один средь храмин¹ горделивых,
Супругу милую зовет —
Лишь эхо сводов молчаливых
Руслану голос подает;
В волненьи чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад —
Идет, идет — и не находит;
Кругом смущенный взор обводит —
Всё мертво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,
Вдоль берегов ручья, в долинах,
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.
Внезапный князя хлад объекает,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы...
«Быть может, горесть... плен угрюмый...
Минута... волны...» В сих мечтах
Он погружен. С немою тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх;
Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.
Казалось — тень княжны прекрасной
Коснулась трепетным устам...

¹ Храмини — комнаты, залы (старинное слово).

И вдруг, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садам;
Людмилу с воплем призывает,
С холмов утесы отрывает,
Всё рушит, всё крушит мечом —
Беседки, рощи упадают,
Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далеко гулы повторяют
И рев, и треск, и шум, и гром;
Повсюду меч звенит и свищет,
Прелестный край опустошен —
Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он
Пустынный воздух рассекает...
И вдруг — нечаянный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар...
Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданном счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет ее — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ее подъемлет.
Руслан с нее не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина...
Но вдруг знакомый слышит глас,
Глаз добродетельного Фина:

«Мужайся, князь! В обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верен будь.»

Небесный гром на злобу грянет,
И воцарится тишина —
И в светлом Киеве княжна
Перед Владимиром восстанет
От очарованного сна».

Руслан, сим гласом оживленный,
Берет в объятия жену,
И тихо с ношей драгоценной
Он оставляет вышину,
И сходит в дол уединенный.

В молчаньи, с карлой за седлом,
Поехал он своим путем;
В его руках лежит Людмила
Свежа, как вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми в кольцо,
Пустынный ветерок играет;
Как часто грудь ее вздыхает!
Как часто тихое лицо
Мгновенной розою пылает!
Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,
И с томным шопотом уста
Супруга имя произносят...
В забвеньи сладком ловит он
Ее волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нежный стон
И сонных персей волнованье...

Меж тем, по долам, по горам,
И в белый день, и по ночам,
Наш витязь едет непрестанно.
Еще далек предел желанный,
А дева спит. Но юный князь,
Бесплодным пламенем томясь,
Ужель, страдалец постоянный,

Супругу только сторожил,
И в целомудренном мечтанье,
Смирив нескромное желанье,
Свое блаженство находил?
Монах,¹ который сохранил
Потомству верное преданье
О славном витязе моем,
Нас уверяет смело в том;
И верю я! Без разделенья
Унылы, грубы наслажденья;
Мы прямо счастливы вдвоем.
Пастушки, сон княжны прелестной
Не походил на ваши сны,
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый...
Ах, первый поцелуй любви
Дрожащий; легкий, торопливый
Не разогнал, друзья мои,
Ее дремоты терпеливой...
Но полно, я болтаю вздор!
К чему любви воспоминанье?
Ее утеха и страданье
Забыты мною с давних пор;
Теперь влекут мое вниманье
Княжна, Руслан и Черномор.

Пред ними стелется равнина,
Где ели изредка взошли;
И грозного холма вдали
Чернеет круглая вершина
Небес на яркой синеве.

¹ Пушкин имеет в виду монахов летписцев, записывавших современные им события. Здесь он ссылается на несуществующие летописи, из которых будто бы заимствует свои сведения.

Руслан глядит — и догадался,
Что подъезжает к голове;
Быстрее борзый конь помчался;
Уж видно чудо из чудес;
Она глядит недвижным оком;
Власы ее как черный лес,
Поросший на челе высоком;
Ланиты¹ жизни лишены;
Свинцовой бледностью покрыты,
Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены...
Над полумертвой головою
Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел
С Людмилой, с карлой за спиною.
Он крикнул: «здравствуй, голова!
Я здесь! наказан твой изменник!
Гляди: вот он, злодей наш пленник!»
И князя гордые слова
Ее внезапно оживили,
На миг в ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,
И брата с ужасом узнала.
Надулись ноздри; на щеках
Багровый огонь еще родился,
И в умирающих глазах
Последний гнев изобразился.
В смятении, в бешенстве немом
Она зубами скрежетала,
И брату холодным языком
Укор невнятный лепетала...
Уже ее в тот самый час
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гас,
Слабело тяжкое дыханье,

¹ Ланиты — щеки (славянское слово).

Огромный закатился взор,
И вскоре князь и Черномор
Узрели смерти содроганье...
Она почила вечным сном.
В молчаньи витязь удалился,
Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился,
И чернокнижным¹ языком
Усердно демонам молился.

На склоне темных берегов*
Какой-то речки баяминой,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчанный.
В теченье медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала,
И вокруг него едва журчала
При легком шуме ветерка.
Долина в сих местах таилась,
Уединенна и темна;
И там, казалось, тишина
С начала мира воцарилась.
Руслан остановил коня.
Всё было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немых;
И вдруг он видит пред собою
Смиренный парус челнока,
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,

¹ Чернокнижник — волшебник, колдун.

Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко берегу приплывает;
Из темной хаты выбегает
Младая дева; стройный стан,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Всё мило, всё пленяет в ней.
И вот они, обняв друг друга,
Садятся у прохладных вод,
И час беспечного досуга
Для них с любовью настает.
Но в изумленьи молчаливом
Кого же в рыбаке счастливом
Наш юный витязь узнает?
Хазарский хан, избранный славой,
Ратмир, в любви, в войне кровавой
Его соперник молодой,
Ратмир, в пустыне безмятежной
Людмилу, славу позабыл,
И им навеки изменил
В объятиях подруги нежной.

Герой приблизился, и вмиг
Отшельник узнает Руслана,
Встает, летит. Раздался крик...
И обнял князь младого хана.
«Что вижу я!» спросил герой,
«Зачем ты здесь, зачем оставил
Тревоги жизни боевой,
И меч, который ты прославил?»
«Мой друг, ответственал рыбак,
Душе наскучил бранной славы
Пустой и гибельный призра́к.
Поверь: невинные забавы,
Любовь и мирные дубравы

Милес сердцу во сто крат —
Теперь, утратив жажду брани,
Престал платить безумству данн,
И, верным счастьем богат,
Я всё забыл, товарищ милый,
Всё, даже прелести Людмилы».
— Любезный хан, я очень рад!
Сказал Руслан: она со мною. —
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она с тобою, где ж она?
Позволь... но нет, боюсь измены;
Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
Она виновницей была;
Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.
Напрасно счастье мне сулили
Уста волшебниц молодых;
Двенадцать дев меня любили:
Я для нее покинул их;
Оставил терем их веселый,
В тени хранительных дубров;
Сложил и меч и шлем тяжелый,
Забыл и славу и врагов.
Отшельник мирный и безвестный,
Остался в счастливой¹ глуши
С тобой, друг милый, друг прелестный,
С тобою, свет моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор.
И, устремив на хана взор,
И улыбалась и вздыхала.

¹ Счастливый — прежде ударение в этом слове ставилось преимущественно на первом слоге

Рыбак и витязь на берегах
До темной ночи просидели
С душой и сердцем на устах —
Часы невидимо летели.
Чернеет лес, темна гора;
Встает луна — всё тихо стало;
Герою в путь давно пора —
Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан
Идет и на коня садится;
Задумчиво безмолвный хан
Душой вослед ему стремится,
Руслану счастья, побед
И славы и любви желает...
И думы гордых, юных лет
Невольной грустью оживляет...

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно,
И с ним (незнаемые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать,
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту к славе потеряв,
Никем незнаемый Фарлаф
В пустыне дальней и спокойной
Скрывался и Нанны ждал.
И час торжественный настал.
К нему волшебница явилась,
Вещая: «знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!»
И ведьма кошкой обратилась;
Оседлан конь, она пустилась;

Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебегала
Из тучи в тучу, и курган
Мгновенным блеском озаряла.
Под ним в безмолвии Руслан
Сидел с обычною тоскою
Пред усыпленною княжною.
Глубоку думу думал он,
Мечты летели за мечтами,
И неприметно веял сон
Над ним холодными крылами.
На деву смутными очами
В дремоте томной он взглянул,
И, утомленною главою
Склонясь к ногам ее, заснул.

И снится вещий сон герою.
Он видит, будто бы княжна
Над страшной бездны глубиною
Стоит недвижна и бледна...
И вдруг Людмила исчезает,
Стоит один над бездной он...
Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает...
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубокой...
И видит вдруг перед собой:
Владимир, в гриднице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за бранными столами.
И так же гневен старый князь,
Как в день ужасный расставанья,
И все сидят не шевелясь,

Не смея перервать молчанья.
Утих веселый шум гостей,
Не ходит чаша круговая...
И видит он, среди гостей,
В бою сраженного Рогдая:
Убитый, как живой, сидит;
Из опененного стакана
Он, весел, пьет и не глядит
На изумленного Руслана.
Князь видит и младого хана,
Друзей и недругов... и вдруг
Раздался гуслей беглый звук
И голос вещего Баяна,
Певца героев и забав.
Вступает в гридницу Фарлаф,
Ведет он за руку Людмилу;
Но старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу,
Князья, бояре — все молчат,
Душевныя движенья кроя.
И всё исчезло — смертный хлад
Объемлет спящего героя.
В дремоту тяжело погружен,
Он льет мучительные слезы,
В волненьи мыслит: это сон!
Томится, но зловещей грезы,
Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою;
Объяты рощи темнотою,
Долина в мертвой тишине...
Изменник едет на коне.

Пред ним открылася поляна;
Он видит сумрачный курган;
У ног Людмилы спит Руслан,
И ходит конь кругом кургана.
Фарлаф с боязнию глядит;
В тумане ведьма исчезает,

В нем сердце замерло, дрожит,
Из хладных рук узду роняет,
Тихонько обнажает меч,
Готовясь витязя без боя
С размаха надвое рассечь...
К нему подъехал. Конь героя,
Врага почуя, закипел,
Заржал и топнул. Знак напрасный!
Руслан не внемлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..
Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукою презренной
Вонзает трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной.

Всю ночь бесчувственный Руслан
Лежал во мраке под горою.
Часы летели. Кровь рекою
Текла из воспаленных ран.
Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,
С усиьем приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной —
И пал недвижимый, бездыханный.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ты мне ведишь, о друг мой нежный,
На лире¹ легкой и небрежной
Старинны были напевать,
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорюсь с ветреной молвой,

¹ На лире — здесь в значении «в стихах»: древнегреческие поэты читали свои стихи нараспев, сопровождая игрой на лире (струнный инструмент, вроде небольшой арфы). Отсюда лира в значении «поэзия, стихи».

Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я; негой упоен, отвык...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!
Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.
Но ты велишь, но ты любила
Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор,
И Фина верные печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкий вздор,
С улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...
Решусь; влюбленный говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих, и снова
Бренчу про витязя младого.

Но что сказал я? Где Руслан?
Лежит он мертвый в чистом поле;
Уж кровь его не льется боле,
Над ним летает жадный вран,
Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится шлем косматый!

Вокруг Руслана ходит конь,
Поникнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!
Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он,

И ждет, когда Руслан воспрянет...
Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грянет.

А Черномор? Он за седлом,
В котомке, ведьюмо забытый,
Еще не знает ни о чем;
Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранил от скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебник выглянул — о диво!
Он видит, богатырь убит;
В крови потоплейный лежит;
Людмилы нет, всё пусто в поле;
Злодей от радости дрожит
И мнит: свершилось, я на воле.
Но старый карла был неправ.

Меж тем, Наиной осененный,
С Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится к Киеву Фарлаф:
Легит, надежды, страха полный;
Пред ним уже днепровски волны
В знакомых пажитях шумят;
Уж видит златоверхий град;
Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогах восстает;
В волненьи радостном народ
Валит за всадником, теснится;
Бегут обрадовать отца;
И вот изменник у крыльца.

Влача в душе печали бремя,
Владимир-солнышко в то время
В высоком тереме своем
Сидел, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругом
Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг внемлет он: перед крыльцом

Волненье, крики, шум чудесный;
Дверь отворилась; перед ним
Явился воин неизвестный;
Все встали с шопотом глухим,
И вдруг смутились, зашумели:
«Людмила здесь! Фарлаф... ужели?»
В лице печальном изменяясь,
Встает со стула старый князь,
Спешит тяжелыми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками
Он хочет прикоснуться к ней;
Но дева милая не внемлет,
И очарованная дремлет
В руках убийцы — все глядят
На князя в смутном ожиданьи;
И старец беспокойный взгляд
Вперил на витязя в молчаньи.
Но, хитро перст к устам прижав,
«Людмила спит», сказал Фарлаф:
«Я так нашел ее недавно
В пустынных Муромских лесах
У злого лешего в руках;
Там совершилось дело славно;
Три дня мы бились; луна
Над боем трижды подымалась;
Он пал, а юная княжна
Мне в руки сонною досталась;
И кто прервет сей дивный сон?
Когда настанет пробужденье?
Не знаю — скрыт судьбы закон!
А нам надежда и терпенье
Одни остались в утешенье».

И вскоре с вестью роковой
Молва по граду полетела;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипела;
Печальный терем всем открыт;

Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоком;
Князя и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
К ногам Людмилы сединами
Приник с безмолвными слезами;
И бледный близ него Фарлаф
В немом раскаяньи, в досаде,
Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде
Очей бессонных не смыкал;
Шумя, теснились все друг к другу;
О чуде всякий толковал;
Младой супруг свою супругу
В светлице скромной забывал.
Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новою трезвой
Смутился. Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают;
В полях наездники мелькают,
Вдали подъямля черный прах;¹
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!²

¹ Прах — пыль.

² Печенеги — кочевое племя, занимавшее в IX—X вв. южно-русские степи. В княжение Владимира Киевская Русь неоднократно подвергалась опустошительным набегам печенегов.

Но в это время вещей Фин,
Духов могучий властелин,
В своей пустыне безмятежной,
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

В немой глуши степей горячих,
За дальней цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боится,
Долина чудная таится,
И в той долине два ключа:
Один течет волной живою,
По камням весело журча,
Тот льется мертвою водою;
Кругом всё тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных вод;
Чета духов с начала мира,
Безмолвная на лоне мира,
Дремучий берег стережет...
С двумя кувшинами пустыми
Предстал отшельник перед ними;
Прервали духи давний сон,
И удалились страха полны.
Склонившись, погружает он
Сосуды в девственные воды;
Наполнил, в воздухе пропал,
И очутился в два мгновенья
В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движенья;
И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мертвою водою,
И раны засияли вмиг,
И групп чудесной красотою

Процвел; тогда водой живою
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодую,
Встает Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Пред ним минувшее мелькает.
Но где Людмила? Он один!
В нем сердце вспыхнув замирает.
Вдруг витязь вспрыгнул; вещей Фин
Его зовет и обнимает:
«Судьба свершилась, о мой сын!
Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовет кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грянет;
На Киев снидет кроткий мир,
И там она тебе предстанет.
Возьми заветное кольцо,
Коснися им чела Людмилы,
И тайных чар исчезнут силы,
Врагов смутит твое лицо,
Настанет мир, погибнет злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... там, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся с тобой!»
Сказал, исчезнул. Упоенный
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним...
Но ничего не слышно боле!
Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,
Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржет, махая гривой;
Уж князь готов, уж он верхом.
Уж он летит живой и здоровый
Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный?
Там, устремив на нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,
Стоит на башнях и стенах,
И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах,
На стогнах¹ тишина боязни;
Один, близ дочери своей,
Владимир в горестной молитве,
И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей
Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов
С зарею двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась.
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;
Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там пеший бьется;
Там конь испуганный несется;
Там русский пал, там печенег;
Там клики битвы, там побег;
Тот опрокинут булавою;
Тот легкой поражен стрелою;

Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конем...
И длился бой до темной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За горами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;
Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный стон,
И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень,
Волна сребрилась в потоке;
Сомнительный рождался день
На отуманенном востоке.
Яснили холмы и леса,
И просыпались небеса...
Еще в бездейственном покое
Дремало поле боевое;
Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами,
Блистая в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несется, колет, рубит,
В ревуший рог, летая, трубит...
То был Руслан. Как божий гром
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана.
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч,
И с воплем строй на строй валится;
В одно мгновенье бранный луг
Покрыт холмами тел кровавых,

¹ Стогны — улицы, площади (славянское слово).

Живых, раздавленных, безглавых,
Громадой копий, стрел, кольчуг.
На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле,
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,
Обречены на жертву аду;
Их сонмы¹ русский меч казнит;
Ликует Киев... Но по граду
Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет как звезда;
Струится кровь с кольчуги медной;
На шлеме вьется борода;
Летит, надеждой окриленный,²
По стогнам шумным в княжий дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила.
В безмолвный терем входит он,
Где дремлет чудным сном Людмила;
Владимир, в думу погружен,
У ног ее стоял унылый.
Он был один. Его друзей
Война влекла в поля кровавы.
Но с ним Фарлаф, чуждаясь славы,
Вдали от вражеских мечей,
В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей.

¹ Сонм — толпа, сборище (славянское слово).

² Окриленный — вместо окрыленный — славянская форма слова.

Едва злодей узнал Руслана,
В нем кровь остыла, взор погас,
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена...
Достойной казни ждет измена!
Но, помня тайный дар кольца,
Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздыхнув, открыла светлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилась столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Ее томил мечтой неясной,
И вдруг узнала — это он!
И князь в объятиях прекрасной.
Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает,
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.

Чем кончу длинный мой рассказ?
Ты угадаешь, друг мой милый!
Неправый старца гнев погас;
Фарлаф пред ним и пред Людмилой
У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливый князь ему простил;
Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец;
И, бедствий празднуя конец,
Владимир в гриднице высокой
Запировав в семье своей.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой

ЭПИЛОГ

Так, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины,
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пел — и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды,¹
И сплетни шумные глупцов.
На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибал... Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир;
Ты сохранила мне свободу,
Кипящей младости кумир!
Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,²
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:

Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений... .

¹ Дорида — условное имя.

² Берега Невы — Петербург. Эпил로그 писан во время ссылки Пушкина на юг, когда он с семейством генерала Раевского посетил Кавказ.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

ПОВЕСТЬ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье:
Тебе я посвятил изгнанной лиры пенью
И вдохновенный свой досуг.
Когда я погибал безвинный, безотрадный
И шопот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство находил;
Я сердцем отдыхал — друг друга мы любили:
И бури надо мной свирепость утомили,
Я в мирной пристани богов благословил.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, ⁽¹⁾ пустынный величавый,¹
Аулов ⁽²⁾ и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.²
Забуду ли кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной

¹ К словам, отмеченным цифрами в скобках, даны примечания самим Пушкиным. Эти примечания помещены после текста поэмы.

² «Кавказский Пленник» написан во время ссылки Пушкина на юг. Поэтому Пушкин называет Кавказ своим новым Парнасом (т. е. местом поэтического вдохновения).

Делил души молодые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой!
Ты здесь найдешь воспоминанья
Быть может милых сердцу дней,
Противоречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые страданья
И тайный глас души моей.
Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, как верный цвет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных исвежд;
Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.

ЧАСТЬ I

В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных,¹ гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги,
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей,⁽³⁾
Удары шашек ⁽⁴⁾ их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разоренных сел,
И ласки пленник чернооких.

¹ Бранный — военный, боевой.

Текут беседы в тишине;
Луна плывет в ночном тумане:
И вдруг пред ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влечил.
Вот русский! хищник возопил.
Аул на крик его сбежался
Ожесточенною толпой;
Но пленник хладный и немой,
С обезображенной главой,
Как труп, недвижим оставался.
Лица врагов не видит он,
Угроз и криков он не слышит;
Над ним летает смертный сон
И холодом тлетворным дышит.

И долго пленник молодой
Лежал в забвении тяжелом.
Уж полдень над его главой
Пылал в сиянии веселом;
И жизни дух проснулся в нем,
Невнятный стон в устах раздался;
Согретый солнечным лучом,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругом обводит слабый взор...
И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада,
Гнездо разбойничьих племен,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг
Его закованные ноги...
Всё, всё сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб.

За саклями (*) лежит
Он у колючего забора.

Черкесы в поле, нет надзора,
В пустом ауле всё молчит.
Пред ним пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой;
Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины;
Меж их уединенный путь
В дали теряется угрюмой:
И пленника младого грудь
Тяжелой взволновалась думой...

В Россию дальний путь ведет,
В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье,
Где бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье,
И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил.

.....
.....

Людей и свет изведаль он,
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашёл измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двузвучной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.

Свобода! он одной тебя
Ещё искал в пустынном мире.

Страстями чувства истребя
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою;
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

Свершилось... целью упованья
Не зрит он в мире ничего.
И вы, последние мечтанья,
И вы сокрылись от него.
Он раб. Склонясь главой на камень,
Он ждет, чтоб с сумрачной зарей
Погас печальной жизни пламень,
И жаждет сени гробовой.

Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул,
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли; в домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный
Умолкнул; всё в ночной тени
Объято негою спокойной;
Вдали сверкает горный ключ,
Сбегая с каменной стремнины,
Оделись пеленою туч
Кавказа спящие вершины...
Но кто, в сиянии луны,
Среди глубокой тишины
Идет, украдкою ступая?
Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.
На деву, молча, смотрит он,
И мыслит: это лживый сон,
Усталых чувств игра пустая.
Луною чуть озарена,
С улыбкой жалости отрадной

Колена преклонив, она
К его устам кумыс (6) прохладный
Подносит тихую рукой.
Но он забыл сосуд целебный;
Он ловит жадною душой
Приятной речи звук волшебный
И взоры девы молодой.
Он чуждых слов не понимает;
Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.
И он, собрав остаток сил,
Веленью милому покорный,
Привстал, и чашей благотворной
Томленья жажды утолил.
Потом на камень вновь склонился
Отягощенною главой;
Но всё к черкешенке младой
Угасший взор его стремился.
И долго, долго перед ним
Она, задумчива, сидела;
Как бы участием немым
Утешить пленника хотела;
Уста невольно каждый час
С начатой речью отрывались;
Она вздыхала, и не раз
Слезамы очи наполнялись.

За днями дни прошли как тень.
В горах, окованный, у стада
Проводит пленник каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрывает в летний зной;
Когда же рог луны серебристой
Блеснет за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тенистой,
Приносит пленнику вино,
Кумыс, и улыев сот душистый,
И белоснежное пшено,

С ним тайный ужин разделяет,
На нем покоит нежный взор,
С неясной речью сливает
Очей и знаков разговор,
Поет ему и песни гор,
И песни Грузии счастливой,⁽¹⁾
И памяти нетерпеливой
Передаёт язык чужой.

Впервые девственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье:
Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой, открытой —
Быть может, сон любви забытой
Боялся он вспоминать.

Не вдруг увянет наша младость,
Не вдруг восторги бросят нас,
И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз:
Но вы, живые впечатленья,
Первоначальная любовь,
Небесный пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, пленник безнадежный
К унылой жизни привыкал.
Тоску неволи, жар мятежный
В душе глубоко он скрывал.
Влачась меж угрюмых скал,
В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины

Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.⁽²⁾
Когда, с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!
У ног его дымились тучи,
В степи взвивался прах летучий;
Уже приюта между скал
Елень¹ испуганный искал;
Орлы с утесов подымались
И в небесах перекликались;
Шум табунов, мычанье стад
Уж гласом бури заглушались...
И вдруг на доли дождь и град
Из туч сквозь молний извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вековые,
Текли потоки дождевые —
А пленник, с горной вышины,
Один, за тучей громовой,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал.

Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;²

¹ Елени — олень (славянская форма).

² Длань — ладонь; здесь в значении — рука:

Смотрел по целым он часам,
 Как иногда черкес проворный,
 Широкой степью, по горам,
 В косматой шапке, в бурке черной,
 К луке склоняясь, на стремяна
 Ногою стройной опираясь,
 Летал по воле скакуна,
 К войне заране приучаясь.
 Он любовался красотой
 Одежды бранной и простой.
 Черкес оружием обвешен;
 Он им гордится, им утешен:
 На нем броня, пищаль,¹ колчан,²
 Кубанский лук, кинжал, аркан,
 И шашка, вечная подруга
 Его трудов, его досуга.
 Ничто его не тяготит,
 Ничто небрякнет: пеший, конный —
 Всё тот же он; всё тот же вид
 Непобедимый, непреклонный.
 Гроза беспечных казаков,
 Его богатство — конь ретивый,
 Питомец горских табунов,
 Товарищ верный, терпеливый.
 В пещере иль траве глухой
 Коварный хищник с ним таится,
 И вдруг, внезапною стрелой,
 Завидя путника, стремится;
 В одно мгновенье верный бой
 Решит³ удар его могучий,
 И странника в ущелья гор
 Уже влечет аркан летучий.
 Стремится конь во весь опор,
 Исполнен огненной отваги:
 Всё путь ему: болото, бор,

¹ Пищаль — ружье.

² Колчан — футляр для стрел.

³ Решит — в употреблении Пушкина значит решает (исходящее время, а не будущее).

Кусты, утесы и овраги;
 Кровавый след за ним бежит,
 В пустыне топот раздаётся;
 Седой поток пред ним шумит —
 Он в глубь кипящую несётся;
 И путник, брошенный ко дну,
 Глокает мутную волну,
 Изнемогая смерти просит
 И зрит ее перед собой...
 Но мощный конь его — стрелой
 На берег пенистый выносит.

Иль ухватив рогатый пень,
 В реку низверженный грозою,
 Когда на холмах пеленою
 Лежит безлунной ночи тень,
 Черкес на корни вековые,
 На ветви вешает кругом
 Свои доспехи боевые,
 Щит, бурку, панцырь и шелом,¹
 Колчан и лук — и в быстры волны
 За ним бросается потом
 Неутомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Река ревет;
 Могучий ток его несет
 Вдоль берегов уединенных,
 Где на курганах возвышенных,
 Склонясь на копыта, казаки
 Глядят на темный бег реки —
 И мимо их, во мгле чернея,
 Плышет оружие злодея...
 О чем ты думаешь, казак?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смертном поле свой бивак,
 Полков хвалебные молитвы
 И родину?.. Коварный сон!
 Простите, вольные станицы,

¹ Шелом — шлем.

И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,
Стрела выходит из колчана —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.

Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастною порой
И тлеют угли в пепелище;
И спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает,
И гостю в чаше благовонной
Чихирь⁽⁹⁾ отрадный подает.
Под влажной буркой, в сакле дымной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный.⁽¹⁰⁾

Бывало, в светлый Баиран⁽¹¹⁾
Сберутся юноши толпою;
Игра сменяется игрою:
То полный разобрал колчан,
Они крылатыми стрелами
Пронзают в облаках орлов;
То с высоты крутых холмов
Нетерпеливыми рядами,
При данном знаке, вдруг падут,
Как лани землю поражают,
Равнину пылью покрывают
И с дружным топотом бегут.

Но скучен мир однообразный
Сердцам, рожденным для войны,
И часто игры воли праздной

Игрой жестокой смущены.
Нередко шашки грозно блещут
В безумной резвости пиров,
И в прах летят главы рабов,
И в радости младенцы плещут.

Но русский равнодушно зрел
Сии кровавые забавы.
Любил он прежде игры славы
И жаждой гибели горел.
Невольник чести беспощадной,
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.
Быть может, в думу погруженный,
Он время то воспоминал,
Когда, друзьями окруженный,
Он с ними шумно пировал...
Жалел ли он с дней минувших,
О днях надежду обманувших,
Иль, любопытный, созерцал
Суровой простоты забавы,
И дикого народа нравы
В сем верном зеркале читал —
Таил в молчаньи он глубоко
Движенья сердца своего,
И на челе его высоко
Не изменялось ничего.
Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили век его молодой
И шопотом между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ II

Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный невинный взор

Высказывал любовь и радость.
Когда твой друг во тьме ночной
Тебя лобзал немим лобзаньем,
Сгорая негой и желаньем,
Ты забывала мир земной,
Ты говорила: «пленник милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись главой ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я в пустыне
С тобою, царь души моей!
Люби меня; никто доньше
Не целовал моих очей;
К моей постели одинокой
Черкес молодой и черноокий
Не крался в тишине ночной;
Слышу я девою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребий мне готовый:
Меня отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата;
Но умолю отца и брата;
Не то — найду кинжал иль яд.
Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена...»

Но он с безмолвным сожаленьем
На деву страстную взирал,
И полный тяжким размышленьем
Словам любви ее внимал.
Он забывался: в нем теснились
Воспоминая прошлых дней,
И даже слезы из очей
Однажды градом покатались.
Лежала в сердце как свинец
Тоска любви без упованья.

Пред юной девою наконец
Он изливал свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви,
Твоих восторгов я не стою.
Бесценных дней не трать со мною;
Другого юношу зови.
Его любовь тебе заменит
Моей души печальный хлад;
Он будет верен, он оценит
Твою красу, твой милый взгляд,
И жар младенческих лобзаний,
И нежность пламенных речей;
Без упоенья, без желаний
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь след любви несчастной,
Душевной бури след ужасный;
Оставь меня; но пожалей
О скорбной участи моей!
Несчастный друг, зачем не прежде
Явилась ты моим очам,
В те дни, как верил я надежде
И упоительным мечтам!
Но поздно: умер я для счастья,
Надежды призрак улетел;
Твой друг отвык от сладострастья,
Для нежных чувств окаменел...»

«Как тяжко мертвыми устами
Живым лобзаньям отвечать,
И очи полные слезами
Улыбкой хладною встречать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснув бесчувственной душой,
В объятиях подруги страстной,
Как тяжко мыслить о другой!..»

«Когда так медленно, так нежно,
Ты пьешь лобзания мои,

И для тебя часы любви
Проходят быстро, безмятежно; —
Снедая слезы в тишине,
Тогда, рассеянный, унылый,
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебе в забвеньи предаюсь
И тайный призраок обнимаю;
О нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую¹ мою.

«Оставь же мне мои железы,²
Уединенные мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Их разделить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости... дай руку — на прощанье.
Не долго женскую любовь
Печалит хладная разлука:
Пройдет любовь, настанет скука,
Красавица полюбит вновь».

Раскрыв уста, без слез рыдая,
Сидела дева молодая:
Туманный, неподвижный взор
Безмолвный выражал укор;
Бледна как тень, она дрожала;
В руках любовника лежала
Ее холодная рука;
И наконец любви тоска
В печальной речи излилася.

«Ах, русский, русский, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебе навек я предалася!
Недолго на груди твоей
В забвеньи дева отдыхала;
Немного радостных ночей
Судьба на долю ей послала!
Придут ли вновь когда-нибудь?
Ужель навек погибла радость?...
Ты мог бы, пленник, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя б из жалости одной,
Молчаньем, ласкою притворной;
Я услаждала б жребий¹ твой
Заботой нежной и покорной;
Я стерегла б минуты сна,
Покой тоскующего друга;
Ты не хотел... Но кто ж она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? ты любишь...
Понятны мне твои страданья...
Прости ж и ты мои рыданья,
Не смейся горестям моим».

Умолкла. Слезы и стенанья
Стеснили бедной девы грудь.
Уста без слов роптали пени.²
Без чувств, обняв его колени,
Она едва могла дохнуть.
И пленник, тихою рукою
Подняв несчастную, сказал:
«Не плачь: и я гоним судьбою,
И муки сердца испытал.
Нет, я не знал любви взаимной:
Любил один, страдал один,
И гасну я, как пламень дымный,

¹ Сирый — сиротливый, одинокий

² Железы — цепи, кандалы, переносно — плен.

¹ Жребий — здесь в значении судьба, жизнь, участь

² Пени — жалобы, упреки.

Забытый средь пустых долин.
Умру вдали берегов желанных;
Мне будет гробом эта степь;
Здесь на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь. . .».

Светила ночи затмевались;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор;
Главу склонив, потупя взор,
Они в безмолвии расстались.

Унылый пленник с этих пор
Один окрест аула бродит.
Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит;
За ночью ночь вослед уходит;
Вотще свободы жаждет он.
Мелькнет ли серна меж кустами
Проскачет ли во мгле сайгак:¹
Он, вспыхнув, загремит цепями,
Он ждет, не крадется ль казак,
Ночной аулов разоритель,
Рабов отважный избавитель.
Зовет. . . но всё кругом молчит;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человека зверь почуя
В пустыню темную бежит.

Однажды слышит русский пленный,
В горах раздался клик военный:
«В табун, в табун!» Бегут, шумят;
Уздечки медные гремят,
Чернеют бурки, блещут брони,
Кипят оседланные кони,
К набегу весь аул готов,
И дикие питомцы брани
Рекою хлынули с холмов,

¹ Сайгак — род диких коз.

И скачут по берегам Кубани
Сбирать насильственные данн.

Утих аул; на солнце спят
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагие
В свободной резвости шумят;
Их прадеды в кругу сидят:
Из трубок дым внясь синее.
Они безмолвно юных див
Знакомый слушают припев,
И старцев сердце молодеет.

ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

1

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копье стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

2

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

3

На берегу заветных¹ вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.

¹ Заветный — запретный; Пушкин имеет в виду Кубань, являвшуюся границей и кордонной линией, вдоль которой происходила непрерывная партизанская война. При этом Пушкин допустил ошибку, упоминая чеченцев: за Кубанью жили черкесские племена.

Бегите, русские певицы;
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

Так пели девы. Сев на берегу,
Мечтает русский о побеге;
Но цепь невольника тяжка,
Быстра глубокая река...
Меж тем, померкнув, степь уснула.
Вершины скал омрачены.
По белым хижинам аула
Мелькает бледный свет луны;
Елени дремлют над водами,
Умолкнул поздний крик орлов.
И глухо вторится горами
Далекий топот табунов.

Тогда кого-то слышно стало.
Мелькнуло девы покрывало,
И вот — печальна и бледна
К нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищут речи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падают волной
Ее власы на грудь и плечи.
В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный:
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг ратный

На пленника возведши взор,
«Беги сказала дева гор:
Нигде черкес тебя не встретит.
Спешу, не трать ночных часов;
Возьми кинжал: твоих следов
Никто во мраке не заметит».

Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась.

Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цепь распалась и гремит.
«Ты волен, дева говорит,
Беги!» Но взгляд ее безумный
Любви порыв изобразил.
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил.
«О друг мой! — русский возопил. —
Я твой навек, я твой до гроба.
Ужасный край оставим оба,
Беги со мной.» — Нет, русский, нет!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала всё, я знала радость,
И всё прошло, пропал и след.
Возможно ль? ты любил другую!..
Найди ее, люби ее;
О чем же я еще тоскую?
О чем уныние мое?..
Прости! любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мне... в последний раз. —

К черкешенке простер он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел.
Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу в тишине —
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных¹ скал достиг,
Уже хватается за них...
Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...

¹ Противный — здесь противоположный, расположенный на другом берегу.

На дикий берег выходит он,
Глядит назад... берега яснили
И опененные белели;
Но нет черкешенки младой
Ни у берегов, ни под горой...
Всё мертво... на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкий звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Всё понял он...

Прощальным взором

Объемлет он в последний раз
Пустой аул с его забором,
Поля, где пленный стадо пас,
Стремнины, где влачил оковы,
Ручей, где в полдень отдыхал,
Когда в горах черкес суровый
Свободы песню запевал.

Редел на небе мрак глубокий,
Ложился день на темный дол,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный пленник шел,
И перед ним уже в туманах
Сверкали русские штыки,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки.

ЭПИЛОГ

Так муза, легкий друг мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.
Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,

И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;
Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов.
Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава⁽¹²⁾ древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок:
И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;¹
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов,²
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский,³ бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,

¹ Двуглавый орел — в значении Российская империя.

² Цицианов (1754—1806) — главнокомандующий в Грузии с 1802 г., расширил русские владения в Закавказье, опираясь на военную силу. В 1806 г. Цицианов был убит в Баку.

³ Котляревский (1782—1852) — генерал, один из главных завоевателей Закавказья. В 1813 г. вышел в отставку и поселился в своем имении около Бахмуга.

Тубил, ничтожил племена...
 Ты днесь¹ покинул саблю мести.
 Тебя не радует война;
 Скучая миром, в язвах чести,²
 Вкушашь праздный ты покой
 И тишину домашних долов...
 Но се³ — восток подьѣмлет вой!
 Поникни снежною главой,
 Смирись, Кавказ: идет Ермолов!⁴

И смолкнул ярый крик войны:
 Всё русскому мечу подвластно.
 Кавказа гордые сыны,
 Сражались, гибли вы ужасно;
 Но не спасла вас наша кровь,
 Ни очарованные брони,
 Ни горы, ни дикие кони,
 Ни дикой вольности любовь!
 Подобно племени Батыя,⁵
 Изменит прадедам Кавказ,
 Забудет алчной брани глас,
 Оставит стрелы боевые.
 К ущельям, где гнездились вы,
 Подъѣдет путник без боязни,
 И возвестят об вашей казни
 Преданья темные молвы.

¹ Днесь — теперь (славянское слово)

² Язвы чести — раны, полученные на войне.

³ Се — вот (славянское слово).

⁴ Ермолов (1772—1861) — генерал, с 1817 г. главноуправляющий Грузии, где вел политику жестокой расправы с покоряемыми горскими племенами. Ермолов был популярен среди оппозиционного офицерства и в кругах, близких к тайным обществам. Впоследствии он был удален и заменен Паскевичем.

⁵ Батый — татарский хан, покоривший Русь в XIII в. Племя Батыя — татары. Пушкин имеет в виду современных ему татар, являвшихся покоренным оседлым народом в составе Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ ПУШКИНА

(¹) Бешту, или, правильнее, Бештау, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории.

(²) Аул — так называются деревни кавказских народов.

(³) Уздень — начальник или князь.

(⁴) Шашка — черкесская сабля.

(⁵) Сакля — хижина.

(⁶) Кумыс — делается из кобыльего молока: напиток сей в большом употреблении между всеми горскими и кочующими народами Азии. Он довольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым.

(⁷) Счастливым климат Грузии не вознаграждает сей прекрасной страны за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина¹ и Цицианова — измены, убийства, иногда любовь и наслаждения.

(⁸) Державин,² в превосходной своей оде графу Зубову, первый изобразил в следующих строфах дикое картины Кавказа:

О юный вожь, сверша походы,
 Прошел ты с воинством Кавказ.
 Зрел ужасы, красы природы:
 Как с ребр там страшных гор лиясь,
 Режут в мрак бездн сердиты реки;
 Как с чел их с грохотом снега
 Падут, лежавши целы веки;
 Как серны, вниз склонив рога,
 Зрят в мгле покойно под собою
 Рожденье молний и громов.
 Ты зрел, как ясною порою
 Там солнечны лучи, средь льдов,
 Средь вод, играя, отражаясь,

¹ Бакунин Ив. Мих., подполковник, убитый в 1796 г. во время персидского похода, в сражении с татарами при Олтоне.

² Пушкин приводит две строфы из оды, написанной Державиным (1743—1816), «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797). Граф В. А. Зубов (1771—1804) командовал русскими войсками, посланными Екатериной II в Персию с завоевательной целью; после смерти Екатерины войска были отозваны Павлом, а Зубов принужден выйти в отставку. Ода, обращенная к опальному вельможе, не могла быть напечатана и стала известна в печати только после смерти Зубова, в 1804 г.

Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеялся
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизоянтарна,
Навесясь, смотрит в темный бор;
А там заря златобагряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Жуковский в своем послании к г-ну Воейкову¹ также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа:

Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где, часто притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел,
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый.

Ужасною и величавой
Там всё блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни елени,
Орла послышав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями,
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там всё является очам
Великолепие творенья!
Но там среди уединенья
Долин, таящихся в горах,
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камуцинец,
И корбулак, и албазинец,
И чечерец, и шапсук.

Пищаль, кольчуга, сабля, лук,
И конь, соратник быстрогой --
Их и сокровища и боги;
Как серны скачут по горам,
Бросают смерть из-за уеса;
Или по топким берегам,
В траве высокой в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут.
Скалы свободы их приют.
Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени:
Там жизнь их — сон; стеснясь в кружок,
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят;
Иль хвалят меткие пищали,
Иль коих деды их стреляли,
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы.

⁽⁹⁾ Чихирь — красное грузинское вино.

⁽¹⁰⁾ Черкесы, как и все дикие народы,¹ отличаются перед нами гостеприимством. Гость становится для них свяще-ною особою. Предать его или не защищать почитается меж ими за величайшее бесчестье. Кунак (т. е. приятель, знакомец) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину Кабардинских гор.

⁽¹¹⁾ Баиран, или Байрам — праздник розговенья. Рамазан — мусульманский пост.

⁽¹²⁾ Мстислав, сын св. Владимира,² прозванный Удалим, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. «История Государства Российского». Том II.

¹ Слова «дикие народы» в значении «не подвергавшиеся влиянию европейской цивилизации» были употребительны в начале XIX века. Эти слова очень характерны для великодержавного шовинизма, процветавшего в царской России. В них колонизаторские, завоевательные тенденции прикрываются мнимо-цивилизаторскими задачами «культурной» России по отношению к народам, стоящим на низшей ступени развития.

² Владимир, князь Киевский (см. примеч. на стр. 4) за введение христианства на Руси был призван православной церковью «святным».

¹ Послание Жуковского адресовано А. Ф. Воейкову (1779—1839), второстепенному поэту, по случаю его возвращения из армии в 1813 г.

Воистину еврейки молодой
 Мне дорого душевное спасенье.
 Приди ко мне, прелестный ангел мой,
 И мирное прими благословенье.
 Спасти хочу земную красоту!
 Любезных уст улыбкою довольный.
 Царю небес и господу-Христу
 Пою стихи на лире богомольной.
 Смиранных струн, быть может, наконец
 Ее пленят церковные напевы;
 И дух святой сойдет на сердце девы;
 Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смирение,
 Бровь темная, двух девственных холмов
 Под плотном упругом движенье,
 Нога любви, жемчужный ряд зубов...
 Зачем же ты, еврейка,¹ улыбнулась,
 И по лицу румянец пробежал?
 Нет, милая, ты право обманулась:
 Я не тебя, Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
 Вдали забав и юных волокит
 (Которых бес для гибели хранит),
 Красавица, никем еще не зрима,
 Без прихотей вела спокойный век.

¹ Начальные стихи «Гавриилиады» обращены к одной из кишиневских жительниц, знакомых Пушкина.

Ее супруг, почтенный человек,
 Седой старик, плохой столяр и плотник,
 В селенье был единственный работник.
 И день и ночь, имея много дел
 То с уровнем, то с верною пилою,
 То с топором, не много он смотрел
 На прелести, которыми владел,
 И тайный цвет, которому судьбою
 Назначена была иная честь,
 На стебельке не смел еще процвести.
 Ленивый муж своею старой лейкой
 В час утренний не орошал его;
 Он как отец с невинной жил еврейкой,
 Ее кормил — и больше ничего.

Но, братие,¹ с небес во время оно²
 Всевышний бог склонил приветный взор
 На стройный стан, на девственное лонг
 Рабы своей — и, чувствуя задор,
 Он положил в премудрости глубокой
 Благословить достойный вертоград,³
 Сей вертоград забытый, одинокий,
 Щедротою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;
 В своем углу Мария сладко дремлет.
 Всевышний рек, — и деве снится сон
 Пред нею вдруг открылся небосклон:
 Во глубине небес необозримой,
 В сиянии и славе нестерпимой
 Тьмы ангелов волнуются, кипят,
 Бесчисленны летают серафимы,
 Струнами арф бряцают херувимы,
 Архангелы в безмолвии сидят,

¹ Братие — братья (церковно-славянское слово, употребительное, как обращение проповедника к слушателям).

² Во время оно (церковно-слав.) — в то время.

³ Вертоград — сад (церковно-слав.), здесь в переносном смысле.

Главы закрыв лазурными крылами, —
И, яркими одеян¹ облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы звон.
Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит:
«Краса земных, любезных дочерей,
Израиля² надежда молодая!
Зову тебя, любовью пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готовь себя к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне».

Вновь облаком оделся божий трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы звуки...
Открыв уста, сложив умильно руки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взгляды?
Кто сей в толпе придворных молодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные наряды,
Сиянье крыл и локонов золотых,
Высокий стан, взор томный и стыдливый —
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало всё. Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной лени.

¹ *Одеян* — одет (церковно-слав.).

² *Израиль* — еврейский народ (так он часто называется в Библии).

³ Последние слова являются подражанием церковным песнопениям.

Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленитны она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала, —
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Не смыслю я другого разговора).
В те дни, когда от огненного зора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать, —
Чтоб оживить об ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моленье, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертье влачу...»

Где крылья? К Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»
И прочее... всё, что придумать мог. —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии¹ архангела избрал,
Заметь в нем и ум и дарованье —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по-земному сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.
Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в унынии сладком.
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него всё шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своем саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга

¹ Меркурий — в римской мифологии был посланником и пестником богов и выполнял всяческие их поручения.

И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе палм, под говором ручья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журчанье...
И видит вдруг: прекрасная змия,
Приманчивой блистая чешуею,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, — я пленник твой послушный...
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорит Марии простодушной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообразь,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии тот же час.
Чтоб усладить молодого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потонули
Не стыдно ли?»

«Попы вас обманули!
И Еву я не погубил, а спас!»
«Спас! от кого?»

«От бога».

«Враг опасный!»
«Он был влюблен...»
«Послушай, берегись!»

«Он к ней пылал —»

«Молчи!»

«— любовью страстной,

Она была в опасности ужасной».

«Змия, ты лжешь!»

«Ей богу!»

«Не божись».

«Но выслушай...»

Подумала Мария:

Не хорошо в саду, наедине,
Украдкою внимать наветам змия,
И кстати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ: он верно не погубит
Своей рабы, — за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,
Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? где зло? пустое, вздор! —
Подумала, и ухо преклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею;
Желаний огонь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:

«С рассказом Моисея¹

Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

«Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;

Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять адамовых детей,
Чтоб властвовать их легкими сердцами,
Улыбкою блаженства им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты — младая Ева
В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову супругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь? и что за наслажденье?
На небесах как будто в заточенье
У ног его молился да молился,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую творец
Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье,
Награда вся дьячков осиплых пенью,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

«Мне стало жаль моей прелестной Евы;
Решился я, создателю на зло,

¹ Рассказ о создании мира, о первых людях и их грехопадении содержится в первой книге библии «Бытие», одной из пяти книг, приписываемых Моисею.

Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливым знак, любви символ призывный)
Открыли ей неясную мечту.
Проснулись неясные желанья;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви — моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой
Заботливый, неловкий и немой,
Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажденья
И закипев душой терялся в нем...
И не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм, — и юная земля
Любовников цветами покрывала.

«Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи.
Во тьме ночной смыкал он редко очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рай.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости веселые права,

Томленье чувств, восторги, слезы счастья,
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адам несчастлив от меня?
Не думаю, но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
«Что ж? — думала, — быть может, прав
дукавий;

Слышала я: ни почестями, ни славой,
Ни золотом блаженства не купить;
Слышала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что такое...»
А между тем вниманье молодое
Ловило всё в рассказах сатаны:
И действия и странные причины,
И смелый слог и вольные картины...
(Охотники мы все до новизны.)
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало —
И новое явленье перед ней:
Мария зрит красавца молодого
У ног своих... Не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит,
Другую мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст катается игриво
До милых тайн... Всё для Марии диво,
Всё кажется ей ново, мудрено, —
А между тем румянец не стыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный жар и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит: но вдруг не стало мочи,

К лукавому склонив свою главу,
Едва дыша, закрыла томны очи,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья.
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспоминанья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и строгой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлетела,
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя!

Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;
Ее тебе приятен был разврат...
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить, но близок, близок час!
Вот меркнет свет, заката луч угас.
Всё тихо. Вдруг над девою утомленной
Шумя парит архангел окрыленный, —
Посол любви; блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...
Пред ним восстав, смутился мрачный бес
И говорит: «Счастливец горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты

Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?»
Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий и шуточный:
«Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадежный,
Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный.
Иль я тебя заставлю трепетать!»
«Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!» —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И кинулись в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединив крест на крест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежни дни, весной,
Оставя класс, мы бегали на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увертливым врагом,
И, наконец, желая кончить разом,

С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом.
Схватив врага за мягкие власы,
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;¹
По счастью проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный,
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклоненный
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала:
И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь она краснела и молчала,
Ее груди дерзнул коснуться он...

¹ Плещет — радостно приветствует, выражает восторг.

«Оставь меня!» — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры,
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь;
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу,
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путем обратным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благодатным:
«Что нового?» — «Я сделал всё, что мог,
Я ей открыл». — «Ну что ж она?» — «Готова!»
И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей
Всех удалил, как древний бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек угасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!¹

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине

¹ В «Илиаде» Гомера изображается, согласно греческим мифам, как главный бог Зевс потрясает бровями, отчего колеблется весь Олимп — местопребывание богов, бывших по большей части детьми Зевса от разных матерей.

Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готова тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою склонила,
И, счастлива в прелестной наготе,
Сама своей дивилась красоте.
Но между тем в задумчивости нежной
Она грешит — прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятежной.
Смеешься ты, лукавый сатана!
И что же! вдруг мохнатый, белокрылый
В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, копышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Всевышний царь, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,

Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой попрежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил.
Смиранных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье:
Храни меня, вземли мое моленье!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!
Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком осеребрит,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смиренность,
Молю тебя, пошли мне вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь!

Не стая воронов слеталась
 На груды тлеющих костей.
 За Волгой, ночью, вокруг огней
 Удалых шайка собиралась.
 Какая смесь одежд и лиц,
 Племен, наречий, состояний!
 Из хат, из келий, из темниц
 Они стеклися для стяжаний!
 Здесь цель одна для всех сердец —
 Живут без власти, без закона.
 Меж ними зрится и беглец
 С берегов воинственного Дона,¹
 И в черных локонах еврей,
 И дикие сыны степей,
 Калмык, башкирец безобразный,
 И рыжий финн, и с ленью праздной
 Везде кочующий цыган!
 Опасность, кровь, разврат, обман —
 Суть узы страшного семейства;
 Тот их, кто с каменной душой
 Прошел все степени злодейства;
 Кто режет хладною рукой
 Вдовицу с бедной сиротой,
 Кому смешно детей стенанье,
 Кто не прощает, не щадит,
 Кого убийство веселит,
 Как юношу любви свиданье.

Затихло всё, теперь луна
 Свой бледный свет на них наводит,

¹ Имеется в виду беглый донской казак.

И чарка пенного вина
 Из рук в другие переходит.
 Простерты на земле сырой
 Иные чутко засыпают:
 И сны зловещие летают
 Над их преступной головой.
 Другим рассказы сокращают
 Угрюмой ночи праздный час;
 Умолкли все — их занимает
 Пришельца нового рассказ,
 И всё вокруг его внимает:

«Нас было двое: брат и я.
 Росли мы вместе; нашу младость
 Вскормила чуждая семья:
 Нам, детям, жизнь была не в радость;
 Уже мы знали нужды глас,
 Сносили горькое презренье
 И рано волновало нас
 Жестокой зависти мученье.
 Не оставалось у сирот
 Ни бедной хижинки, ни поля;
 Мы жили в горе, средь забот,
 Наскучила нам эта доля,
 И согласились меж собой
 Мы жребий испытать иной:
 В товарищи себе мы взяли
 Булатный нож да темну ночь:
 Забыли робость и печали,
 А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая!
 Житье в то время было нам,
 Когда погибель презирая,
 Мы всё делили неполам.
 Бывало только месяц ясный
 Взойдет и станет средь небес,
 Из подземелия мы в лес
 Идем на промысел опасный.

За деревом сидим и ждем:
Идет ли поздною дорогой
Богатый жид иль поп убогий. —
Всё наше! всё себе берем.
Зимой бывало в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем, и стрелой
Летим над снежной глубиной.
Кто не боялся нашей встречи?
Завидели в харчевне свечи —
Туда! к воротам, и стучим,
Хозяйку громко вызываем,
Вошли — всё даром: пьем, едим,
И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы;
Не долго братья пировали,
Поймали нас — и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами,
И вынести больше брата мог.
В цепях, за душными стенами
Я уцелел — он изнемог.
С трудом дыша, томим тоскою,
В забвеньи, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу
Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...
Воды, воды!..» но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился
И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновал
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал
И поминутно призывал
К себе товарища и друга.

Он говорил: «где скрылся ты?
Куда свой тайный путь направил?
Зачем мой брат меня оставил
Средь этой смрадной темноты?
Не то ли сам от мирных пашен
Меня в дремучий лес сманил,
И ночью там, могуч и страшен,
Убийству первый научил?
Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,
Тяжелым машет кистенем¹
И позабыл в завидной доле
Он с товарище своим!..»
То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.
Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил;
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
«Брат! сжался над его слезами!
Не режь его на старость лет...
Мне дряхлый крик его ужасен...
Пусти его — он неопасен;
В нем крови капли теплой нет...
Не смейся, брат, над сединами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчит за нас он божий гнев!..»
Я слушал, ужас одолев;
Хотел унять больного слезы
И удалить пустые грезы.
Он видел пляски мертвецов,
В тюрьму пришедших из лесов,
То слышал их ужасный шопот,

¹ Кистень — разбойничье оружие: железный набалдашник на короткой рукоятке, подвешенной на кисть руки.

То вдруг погони близкий топот,
И дико взгляд его сверкал,
Стояли волосы горою,
И весь как лист он трепетал.
То мнил уж видеть пред собою
На площадях толпы людей,
И страшный ход до места казни,
И кнут и грозных палачей...
Без чувств, исполненный боязни,
Брат упал ко мне на грудь.
Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болезнь ужасная прошла,
И с нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильней
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залетной птицы.

По улицам однажды мы,
В цепях, для городской тюрьмы
Сбирали вместе подаянье,
И согласились в тишине
Исполнить давнее желанье;
Река шумела в стороне,
Мы к ней — и с берегов высоких
Бух! поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим,
Бьем волны дружными ногами,
Песчаный видим островок,
И рассекая быстрый ток

Туда стремимся. Вслед за нами
Кричат: «лови! лови! уйдут!»
Два стража издали плывут,
Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд
Отягощенные водою...
Погоню видим за собою;
Но смело, полные надежд,
Сидим и ждем. Один уж тонет,
То захлебнется, то застонет
И как свинец пошел ко дну.
Другой проплыл уж глубину,
С ружьем в руках, он в брод упрямо,
Не внемля крику моему,
Идет, но в голову ему
Два камня полетели прямо —
И хлынула на волны кровь;
Он утонул — мы в воду вновь,
За нами гнаться не посмели,
Мы берегов достичь успели
И в лес ушли. Но бедный брат...
И труд и волн осенний хлад
Недавних сил его лишили:
Опять недуг его сломил,
И злые грезы посетили.
Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвертый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул,
И на груди моей уснул.

Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Всё ждал, очнется ли мертвец?

И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет, как нет!
Пиры, веселые ночлеги,
И наши буйные набеги —
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий;
Окаменел мой дух жестокий
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти в тоске глубокой
За старца брат меня молил».

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Многие так же как и я, посещали
сей фонтан; но иных уже нет, другие
странствуют далече.

Сади. ¹

Гирей сидел, потупя взор;
Янтарь² в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Всё было тихо во дворце;
Благоговев, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон.

Один в своих чертогах он;
Свободней грудь его вздыхает.
Живее строгое чело
Волнение сердца выражает.
Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.

Что движет гордою душою?
Какою мыслью занят он?
На Русь ли вновь идет войною,
Несет ли Польше свой закон,
Горит ли местию кровавой,
Открыл ли в войске заговор,

¹ Саади или Сади (1184—1291) — знаменитый персидский поэт.

² Янтарь — здесь в значении янтарного мундштука кальпана — восточного курительного прибора.

Страшится ли народов гор,
Иль козней Генуи¹ лукавой?

Нет, он скушает бранной славой,
Устала грозная рука;
Война от мыслей далека.

Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру² сердце отдала?

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хладной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.
Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов теченье.
В гареме жизнью правит лень;
Мелькает редко наслажденье.
Младые жены, как-нибудь
Желая сердце обмануть,

¹ *Генуя* — итальянская республика, достигшая своего расцвета в XIII—XVI вв. и в свое время владевшая крупными колониями в Крыму. В конце XV в. генуэзцы были вытеснены из Крыма турками. Независимость крымского ханства, воцарение династии Гиреев и перенесение столицы Крыма в Бахчисарай относятся ко времени, когда Генуя уже не имела колоний в Крыму и «козни» вызывались вопросами о торговых привилегиях для генуэзских купцов.

² *Гяур* — по-турецки иноверец, не-магометанин.

Меняют пышные уборы,
Заводят игры, разговоры,
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов¹ густых
Гуляют легкими роями.
Меж ними ходит злой эвнух,³
И убежать его напрасно:
Его ревнивый взор и слух
За всеми следует всечасно.
Его стараньем заведен
Порядок вечный. Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана³
Не строже наблюдает он.
Его душа любви не просит;
Как истукан, он переносит
Насмешки, ненависть, укор,
Обиды шалости нескромной,
Презренье, просьбы, робкий взор,
И тихий вздох, и ропот томный.
Ему известен женский нрав;
Он испытал, сколь он лукав
И на свободе и в неволе:
Взор нежный, слез упрек немой
Невластны над его душой;
Он им уже не верит боле.

Раскинув легкие волосы,
Как идут пленницы младые
Купаться в жаркие часы,
И льются волны ключевые
На их волшебные красы,
Забав их сторож неотлучный,

¹ *Явор* — то же, что платан, — крупное дерево с листьями, похожими на листья клена.

² *Эвнух* или *евнух* — скопец, сторож гарема, наблюдатель за ханскими женами.

³ *Коран* — священная книга магометан.

Он тут; он видит, равнодушный,
Прелестниц обнаженный рой;
Он по гарему в тьме ночной
Неслышными шагами бродит:
Ступая тихо по коврам,
К послушным крадется дверям,
От ложа к ложу переходит;
В заботе вечной, ханских жен
Роскошный наблюдает сон,
Ночной подслушивает лепет;
Дыханье, вздох, малейший трепет,
Всё жадно примечает он:
И горе той, чей шопот сонный
Чужое имя призывал,
Или подруге благосклонной
Порочны мысли доверял!

Что ж полон грусти ум Гирея?
Чубук в руках его потух;
Недвижим и дохнуть не смея,
У двери знака ждет эвнух.
Встает задумчивый властитель:
Пред ним дверь настежь. Молча, он
Идет в заветную обитель
Еще недавно милых жен.

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет¹ носили ароматный

¹ Шербет — сироп из фруктовых и цветочных соков.

И песнью звонкой и приятной
Вдруг огласили весь гарем.

ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ

1

«Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир,¹ узревший Меку,²
На старости печальных лет.

2

«Блажен, кто славный брег Дуная³
Своею смертью освятит:
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.

3

«Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя».

Они поют. Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема?
Увы, печальна и бледна,
Похвал не слушает она;
Как пальма, смятая грозюю,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей.

Он изменил!.. Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?

¹ Факир — магометанский монах, аскет.

² Мека или Мекка — город в Аравии, родина Магомета, место религиозного паломничества магометан.

³ Берега Дуная были местом постоянных войн России и Турции; Крымское ханство как страна, зависевшая от Турции, принимала участие в этих войнах.

Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.
Чей голос выразит сильней
Порывы пламенных желаний?
Чей страстный поцелуй живей
Твоих язвительных лобзаний?
Как сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрел твои красоты
И ночи хладные часы
Проводит мрачный, одинокий
С тех пор, как польская княжна
В его гарем заключена.

Недавно юная Мария
Узрела небеса чужие;
Недавно милою красой
Она цвела в стране родной;
Седой отец гордился ею
И звал отрадою своею.
Для старика была закон
Ее младенческая воля.
Одну заботу ведал он,
Чтоб дочери любимой доля
Была, как вешний день, ясна,
Чтоб и минутные печали
Ее души не помрачали,
Чтоб даже замужем она
Воспоминала с умилением
Девичье время, дни забав,
Мелькнувших легким сновидением.
Всё в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.
Природы милые дары
Она искусством украшала;

Она домашние пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельмож и богачей
Руки Мариной искали,
И много юношей по ней
В страданье тайном изнывали.
Но в тишине души своей
Она любви еще не знала
И независимый досуг
В отцовском замке меж подруг
Одним забавам посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы татар
На Польшу хлынули рекою:
Не с столь ужасной быстротою
По жатве стелется пожар.
Обезображенный войною,
Цветущий край осиротел;
Исчезли мирные забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замок опустел
Тиха Мариина светлица.
В домово́й церкви, где кругом
Почиют мощи хладным сном,
С короной, с княжеским гербом,
Воздвиглась новая гробница...
Отец в могиле, дочь в плену.
Скупой наследник в замке правит
И тягостным ярмом бесславит
Опустошенную страну.

Увы! Дворец Бахчисарая¹
Скрывает юную княжну:

¹ Бахчисарай — столица Крымского ханства с конца XV в. до завоевания ханства русскими (1783). Здесь находился дворец хана, выстроенный в начале XVI в. Дворец этот славился своею роскошью и красотой. Он был сожжен русскими войсками в 1736 г., но затем отстроен заново. В дальнейших войнах он снова значительно пострадал, и

В неволе тихой увядая,
Мария плачет и грустит.
Гирей несчастную щадит:
Ее унынье, слезы, стоны
Тревожат хана краткий сон,
И для нее смягчает он
Гарема строгие законы.
Угрюмый сторож ханских жен
Ни днем, ни ночью к ней не входит;
Рукой заботливой не он
На ложе сна ее возводит;
Не смеет устремиться к ней
Обидный взор его очей;
Она в купальне потаенной
Одна с невольницей своей;
Сам хан боится девы пленной
Печальный возмущать покой;
Гарема в дальнем отделенье
Позволено ей жить одной:
И, мнится, в том уединенье
Сокрылся некто неземной.
Там день и ночь горит лампада
Пред ликом девы пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Там упованье в тишине
С смиренной верой обитает,
И сердцу всё напоминает
О близкой лучшей стороне...
Там дева слезы проливает
Вдали завистливых подруг;
И между тем, как всё вокруг

В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок.
Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений,
Хранит один святой залог,
Одно божественное чувство...

.....
.....
Настала ночь; покрылись тенью
Тавриды¹ сладостной поля;
Вдали под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья;
За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит.
Токрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.
Дворец утих; уснул гарем,
Объятый негой безмятежной;
Не прерывается ничем
Спокойство ночи. Страж надежный,
Дозором обошел эвнух.
Теперь он спит; но страх прилежный
Тревожит в нем и спящий дух.
Измен всечасных ожиданье
Покоя не дает уму.
То чей-то шорох, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый неверным слухом,
Он пробуждается, дрожит,

сохранившиеся до настоящего времени части не дают полного о нем представления. Пушкин посетил Бахчисарай по пути с южного берега Крыма в Симферополь, в сентябре 1820 г. В эти годы большим распространением пользовалась легенда, не имеющая исторических оснований, что одно из помещений дворца было комнатой Марии Потоцкой, одной из жен хана Керим-Гирея, будто бы похищенной им польки. Показывали также ее могилу

¹ Таврида — Крым.

Напуганным прикинув ухом...
Но всё кругом его молчит;
Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И с милой розой неразлучны
Во мраке соловьи поют;
Эвнух еще им долго внемлет,
И снова сон его объемлет.

Как милы темные красы
Ночей роскошного востока!
Как сладко льются их часы
Для обожателей пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Всё полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!

Все жены спят. Не спит одна.
Едва дыша, встает она;
Идет; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьме ночной
Ступает легкою ногой...
В дремоте чуткой и пугливой
Пред ней лежит эвнух седой.
Ах, сердце в нем неумолимо:
Обманчив сна его покой!..
Как дух, она проходит мимо.

Пред нею дверь; с недоуменьем
Ее дрожащая рука
Коснулась верного замка...
Вошла, взирает с изумленьем...
И тайный страх в нее проник.
Лампады свет уединенный,

Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный...
Грузинка, всё в душе твоей
Родное что-то пробудило,
Всё звуками забытых дней
Невнятно вдруг заговорило.
Пред ней покоилась княжна,
И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись
И, слез являя свежий след,
Улыбкой томной озарялись:
Так озаряет лунный свет
Дождем отягощенный цвет;
Спорхнувший с неба, сын эдема,¹
Казалось, ангел почивал
И сонный слезы проливал
О бедной пленнице гарема...
Увы, Зарема, что с тобой!
Стеснилась грудь ее тоской,
Невольно клонятся колени,
И молит: «сжался надо мной,
Не отвергай моих молений!»...
Ее слова, движенье, стон
Прервали девы тихий сон.
Княжна со страхом пред собою
Младую незнакомку зрит;
В смятенье, трепетной рукою
Ее подьемля, говорит:
«Кто ты?.. Одна, порою ночью,
Зачем ты здесь?» — «Я шла к тебе:
Спаси меня; в моей судьбе
Одна надежда мне осталась...
Я долго счастьем наслаждалась,
Была беспечней день от дня...

¹ Эдем — рай (по библии — название цветущего сада, где жили первые люди). Здесь в поэтическом употреблении — воображаемое обиталище совершенных, непорочных существ. Сын эдема — ангел.

И тень блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здесь, далеко,
Далеко... но минувших дней
Предметы в памяти моей
Доныне врезаны глубоко.
Я помню горы в небесах,
Потоки жаркие в горах,
Непроходимые дубравы,
Другой закон, другие нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человека в вышине
Над парусами...

Страх и горе

Доныне чужды были мне;
Я в безмятежной тишине
В тени гарема расцветала
И первых опытов любви
Послушным сердцем ожидала.
Желанья тайные мои
Сбылись. Гирей для мирной неги
Войну кровавую презрел,
Пресек ужасные набеги
И свой гарем опять узрел.
Пред хана в смутном ожиданье
Предстали мы. Он светлый взор
Остановил на мне в молчанье,
Позвал меня... и с этих пор
Мы в непрерывном упоенье
Дышали счастьем; и ни раз
Ни клевета, ни подозренье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущала нас.
Мария, ты пред ним явилась...
Увы, с тех пор его душа

Преступной думой омрачилась!
Гирей, изменою дыша,
Моих не слушает укоров;
Ему докучен сердца стон;
Ни прежних чувств, ни разговоров
Со мною не находит он.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
И так послушай: я прекрасна;
Во всем гареме ты одна
Могла б еще мне быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь:
Зачем же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мне: он мой;
На мне горят его лобзанья,
Он клятвы страшные мне дал,
Давно все думы, все желанья
Гирей с моими сочетал;
Меня убьет его измена...
Я плачу; видишь, я колена
Теперь склоняю пред тобой,
Молю, винить тебя не смея,
Отдай мне радость и покой,
Отдай мне прежнего Гирея...
Не возражай мне ничего;
Он мой: он ослеплен тобою.
Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана¹
Между невольницами хана
Забыла веру прежних дней,
Но вера матери моей
Была твоя) клянись мне ею
Зарему возвратить Гирею...

¹ Алкоран — то же, что Коран. Здесь в значении «магометанство».

Но слушай: если я должна
Тебе... кинжалом я владею,
Я близ Кавказа рождена».

Сказав, исчезла вдруг. За нею
Не смеет следовать княжна.
Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей;
Но голос их ей смутно внятен,
Он странен, он ужасен ей.
Какие слезы и моления
Ее спасут от посрамленья?
Что ждет ее? Ужели ей
Остаток горьких юных дней
Провести наложницей¹ презренной?
О боже! если бы Гирей
В ее темнице отдаленной
Забыл несчастную навек,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ее пресек;
С какою б радостью Мария
Оставила печальный свет!
Мгновенья жизни дорогие
Давно прошли, давно их нет!
Что делать ей в пустыне мира?
Уж ей пора, Марию ждут,
И в небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовут.

.....
Промчались дни; Марии нет.
Мгновенно сирота почила.
Она давно-желанный свет,
Как новый ангел, озарила.
Но что же в гроб ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болезнь, или другое зло,
Кто знает? Нет Марии нежной!..

¹ Наложница — любовница.

дворец угрюмый опустел;
Его Гирей опять оставил;
С толпой татар в чужой предел
Он злой набег опять направил;
Он снова в бурях боевых
Несется мрачный, кровожадный:
Но в сердце хана чувств иных
Гайтся пламень безотрадный.
Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю, и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха,
И что-то шепчет, и порой
Горючи слезы льет рекой.

Забывший, преданный презренью,
Гарем не зрит его лица;
Гам, обреченные мученью,
Под стражей хладного скопца
Стареют жены. Между ними
Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немymi
В пучину вод опущена.
В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и ее страданье.
Какая б ни была вина,
Ужасно было наказание¹

Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И села мирные России,
В Тавриду возвратился хан
И, в память горестной Марии,
Воздвигнул мраморный фонтан¹
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена

¹ Описываемый Пушкиным фонтан сооружен в 1756 г. и существует в настоящее время.

Магометанская луна¹
(Символ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали
О сыне, падшем на войне.
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.

Покинув север наконец,
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец,
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где, бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.
Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.
Я видел ветхие решетки,
За коими, в своей весне,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине.
Я видел ханскоё кладбище,
Владык последнее жилище.

¹ Луна считается у магометан священной, и изображение полумесяца является таким же религиозным знаком, как крест у христиан.

Сии надгробные столбы,
Венчанны мраморной чалмою,
Казалось мне, завет судьбы
Гласили внятной молвою.
Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом всё тихо, всё уныло,
Всё изменилось... но не тем
В то время сердце полно было:
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!..

.....
Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чистая душа
Являлась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема?

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную...
.....

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу, и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!²
Приду на склон приморских гор,

¹ На бахчисарайском магометанском кладбище памятники над мужскими могилами украшены каменными изображениями чалмы — магометанского головного убора в форме повязки.

² Салгир — речка в Крыму.

Воспоминаний тайных полный,
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край, очей отрада!
Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада;
Всё чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-дага...¹

ЦЫГАНЫ

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность весел их ночлег
И мирный сон под небесами.
Между колесами телег,
Полу-завешенных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалкий
И песни жен и крик детей
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак, да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальное глядит,
Ночным подернутое паром.

¹ Аю-даг — гора в Крыму около Гурзуфа, выдающаяся в море скалистым мысом.

Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака;
Земфиры нет как нет, и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, дева говорит,
Веду я гостя: за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала.
Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду».

С т а р и к

Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш, привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле;
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй, иль песни пой
И села обходи с медведем.

А л е к о

Я остаюсь.

З е м ф и р а

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашел, поля покрыты мглой
И сон меня невольно клонит...

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходит,
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дети, ложе неги».
И с шумом высыпал народ,
Шатры разобраны, телеги
Готовы двинуться в поход;
Всё вместе тронулось: и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его щепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки¹ говор, скрип телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно;
Но всё так живо-непьющюно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной.

¹ *Волынка* — народный духовой музыкальный инструмент.

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет.
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда,
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славой

Манила дальняя звезда,
Неждано роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром не редко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в ведро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но, боже, как играли страсти
Его послушную душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирели?
Они проснутся: погоди.

Земфира

Скажи, мой друг, ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволюдушных городов!
Там люди в кучах, за оградой
Не дышат утренней прохладой,
Ни, вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,

Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений¹ приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Земфира

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!

Алеко

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий;
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье.

Старик

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.²
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание.)

¹ Предрассуждений — предрассудков.

² Здесь имеется в виду римский поэт Овидий (43 г. до нашего летоисчисления — 17 г. нашего летоисчисления), сосланный в 9 г. до нашего летоисчисления императором Августом в город Томы, близ устья Дуная. Житель полудня — южанин.

Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной:
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя.
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный.
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье,
Он ждал: придет ли избавленье.
И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальный град вспоминая,
И завещал он умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Алеко

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне: что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий

Или под сенью дымной кущи¹
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде, попрежнему, находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен как они;
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Всё тот же он, семья всё та же;
Он прежних лет не помня даже,
К бытью цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени
И упоенье вечной лени
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги
Близ молдаванского² двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет и ревет,
И цепь докучную грызет.
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет;
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Земфира

Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж.
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Алеко

Молчи, Земфира, я доволен...

¹ Куща — палатка, шатер (славянское слово).

² Молдаване — коренные жители Бессарабии.

Земфира

Так понял песню ты мою?

Алеко

Земфира!..

Земфира

Ты сердиться волси,

Я песню про тебя пою.

(Уходит и поет: Старый муж и проч.).

Старик

Так, помню, помню: песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,¹
Ее бывало в зимню ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронила песня эта
Глубоко в памяти моей.

—

Всё тихо; ночь; луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробужден.
«О мой отец, Алеко страшен:
Послушай, сквозь тяжелый сон
И стонет и рыдает он».

Старик

Не тронь его, храни молчанье.
Слышал я русское преданье:

¹ Кагул — левый приток Дуная в Бессарабии.

Теперь полуночной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной

Земфира

Отец мой! шепчет он: Земфира!

Старик

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

Земфира

Его любовь постыла мне,
Мне скучно, сердце воли просит,
Уж я... но тише! слышишь? он
Другое имя произносит.

Старик

Чье имя?

Земфира

Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно;
Я разбужу его.

Старик

Напрасно,
Ночного духа не гони;
Уйдет и сам.

Земфира

Он повернулся;
Привстал; зовет меня; проснулся.
Иду к нему. — Прощай, усни.

Алеко

Где ты была?

Земфира

С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил,
Во сне душа твоя терпела
Мученья. Ты меня страшил:
Ты сонный скрежетал зубами
И звал меня.

Алеко

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты.

Земфира

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

Старик

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красотой.
Не плачь, тоска тебя погубит.

Алеко

Отец! она меня не любит.

Старик

Утешься, друг; она дитя,
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.

Взгляни: под отдаленным сводом
Гудяет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит,
И вот, уж перешла в другое
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься!

Алеко

Как она любила!
Как нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела,

Старик

Послушай, расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль —
(Вот видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль)
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком¹ паша

¹ Буджак — южная часть Бессарабии. Бессарабия была присоединена к России в 1812 г., а до того составляла владение Турции.

С высоких башен Акермана¹ —
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела,
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела;
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею
Как солнцем любовался я,
И наконец назвал мою.

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды, близ кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал!.. с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ними никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

А леко

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной

¹ Аккерман — крепость в южной Бессарабии.

И хищникам и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

Старик

К чему? вольнее птицы младость
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость,
Что было, то не будет вновь.

А леко

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь;
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

Молодой цыган

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган

Одно... но доле! на прощанье.

Земфира

Прощай, покамест не пришел.

Цыган
Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира
Сегодня; как зайдет луна,
Там, за курганом над могилой...

Цыган
Обманет! не придет она.

Земфира
Беги — вот он. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо: страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним,
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим.

Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шопот слышит он
Над обесславленной могилой.

1 - й г о л о с

Пора —

2 - й г о л о с

Постой!

1 - й г о л о с

Пора, мой милый.

2 - й г о л о с

Нет, нет! постой,ждемся дня.

1 - й г о л о с

Уж поздно.

2 - й г о л о с

Как ты робко любишь.

Минуту!

1 - й г о л о с

Ты меня погубишь.

2 - й г о л о с

Минуту!

1 - й г о л о с

Если без меня

Проснется муж...

А л е к о

Проснулся я.

Куда вы? не спешите оба;
Вам хорошо и здесь у гроба.

Земфира
Мой друг, беги, беги!

Алеко
Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!
(Вонзает в него нож.)

Земфира
Алеко!

Цыган
Умираю!

Земфира
Алеко! ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью
О, что ты сделал?

Алеко
Ничего.
Теперь дыши его любовью.

Земфира
Нет, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная.

Алеко
Умри ж и ты!
(Поражает ее.)

Земфира
Умру любя.

Восток, денницей¹ озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу в стороне копали,
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На всё. Когда же их закрыли
Последней горстью земной,
Он молча, медленно склонился,
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; — оставь же нас,
Прости! да будет мир с тобою».

Сказал и шумною толпою

¹ Денница — утренняя заря.

Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега,
И скоро всё в дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьмется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.
В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,¹
Где старый наш орел двуглавый,¹
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.

¹ То есть — где русские принудили Турцию уступить территорию (Бессарабии), установить новые границы (после войны 1812 года по Бухарестскому миру).

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Пора, пора! рога трубят;
 Псаря в охотничьих уборах
 Чем свет уж на конях сидят,
 Борзые прыгают на сворах.
 Выходит барин на крыльцо,
 Всё, подбочась, обозревает;
 Его довольное лицо
 Приятной важностью сияет.
 Чекмень¹ затянутый на нем,
 Турецкий нож за кушаком,
 За пазухой во фляжке ром,
 И рог на бронзовой цепочке.
 В ночном чепце, в одном платочке,
 Глазами сонными жена
 Сердито смотрит из окна
 На сбор, на псарную тревогу.
 Вот мужу подвели коня;
 Он холку хватать и в стремя ногу,
 Кричит жене: не жди меня!
 И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября
 (Презренной прозой говоря)
 В деревне скучно: грязь, ненастье,
 Осенний ветер, мелкий снег,
 Да вой волков. Но то-то счастье
 Охотнику! не зная нег,
 В отъезжем поле² он гарцует,

¹ Чекмень — кафтан.

² Отъезжее поле — дальняя осенняя охота.

Везде находит свой ночлег,
 Бранится, мокнет и пирует
 Опустошительный набег.

А что же делает супруга,
 Одна в отсутствии супруга?
 Занятий мало ль есть у ней?
 Грибы солить, кормить гусей,
 Заказывать обед и ужин,
 В анбар и в погреб заглянуть.
 Хозяйки глаз повсюду нужен:
 Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша
 (Ах, я забыл ей имя дать!
 Муж просто звал ее Наташа,
 Но мы — мы будем называть
 Наталья Павловна), к несчастью,
 Наталья Павловна совсем
 Своей хозяйственной частью
 Не занималась, затем,
 Что не в отеческом законе
 Она воспитана была,
 А в благородном пансионе
 У эмигрантки Фальбала.¹

Она сидит перед окном;
 Пред ней открыт четвертый том
 Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей —
 Роман классический, старинный,

¹ Эмигрировавшие из Франции во время революции сто-
 ронники монархии часто занимались преподаванием, со-
 держали пансионы, где воспитание детей производилось
 в аристократическом духе. Пушкин подбирает в насмешку
 фамилию эмигрантки-воспитательницы: Фальбала, устарев-
 шее название оборки у юбки, означало вообще вышедшие
 из моды украшения женских платьев.

Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась
Кругом мальчишки хохотали;
Меж тем печально под дождем
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел...
Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?...
Уж не она ли?... Боже мой!
Вот ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону
Бежит, обрадована звуку,
Глядит и видит: за рекой
У мельницы коляска скачет,
Вот на мосту — к нам точно... нет,
Поворотила влево. Вослед
Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг... о радость! косогор;
Коляска на бок. — Филька! Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска:
Сейчас возьми ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он?... беги проведать!
Скорей, скорей!

Слуга бежит.

Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль накинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть,
И ждет: да скоро ль, мой творец!
Вот едут, едут наконец.
Забрызганный в дороге дальней,
Опасно раненый, печальный,
Кой-как тащится экипаж;
Вслед барин молодой хромает;
Слуга-француз не унывает
И говорит: *allons, courage!*¹
Вот у крыльца; вот в сени входят.
Покамест барину теперь
Покой² особенный отводят
И настезь отворяют дверь,
Пока *Picard*³ шумит, хлопочет,
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь⁴ едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов.

¹ Ну, смелее! (произносится: «алён, кураж»).

² Покой — комната.

³ Пикар.

⁴ Петрополь — то же, что Петербург (название, употребленное в поэзии).

Цветных платков, чулков à jour,¹
С ужасной книжкой Гизота,²
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,³
С bons-mots⁴ парижского двора,
С последней песней Беранжера,⁵
С мотивами Россини, Пера,⁶
Et cetera, et cetera.⁷

Уж стол накрыт; давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо;
Дверь отворилась, входит граф;
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?
Граф отвечает: ничего.
Идут за стол; вот он садится
К ней подвигает свой прибор

¹ Ажурных (произносится: «ажур»).

² Гизот или Гизо (1787—1874) — французский историк и политический деятель, идеолог крупной буржуазии; до революции 1830 г. был в оппозиции к королевскому режиму и выступал с резкой критикой правительственной политики.

³ Вальтер Скотт (1771—1832) — английский романист. Исторические романы его пользовались огромным успехом в 20-е годы XIX в.

⁴ Остроты (произносится: «бонмо»). Французский двор до революции отличался любовью к светскому остроумию, причем остроты короля и приближенных передавались как события первостепенной важности. Царствование Бурбонов после реставрации (с 1814 по 1830 г.) воскресило все обычаи старого порядка, в том числе и светское остроумие, которое в эти годы было уже устарелым.

⁵ Беранжер или Беранже (1780—1857) — французский поэт, автор либеральных песен, пользовавшихся огромной популярностью.

⁶ Россини (1792—1868) — известный итальянский композитор, автор многих популярных опер. Пер или Паер (1771—1839) — итальянский композитор, автор опер, пользовавшихся известностью, особенно во Франции.

⁷ И так далее, и так далее (произносится: «этсетера, этсетера»).

И начинает разговор:
Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх.
«А что театр?» — О! сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.¹
Тальма² совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс,³ увы! стареет.
За то Потье, le grand Potier!⁴
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один. —
«Какой писатель нынче в моде?»
— Всѣ d'Arlincourt и Ламартин.⁵ —
«У нас им также подражают».
— Нет! право? так у нас умы
Уж развиваться начинают.
Дай бог, чтоб просветились мы! —
«Как тальи носят?» — Очень низко,
Почти до... вот по этих пор.
Позвольте видеть ваш убор;
Так... рюши,⁶ банты, здесь узор;
Всѣ это к моде очень близко. —
«Мы получаем Телеграф».⁷

¹ Очень плохо, совершенно ничтожно (произносится: «се бьен мове, са фе питье»).

² Тальма (1763—1826) — французский актер-трагик, расцвет деятельности которого относится к периоду Империи (1804—1815).

³ Марс (1779—1847) — французская драматическая актриса.

⁴ «Великий Потье» (произносится: «Ле гран Потье»). Потье (1775—1838) — французский актер-комик, игравший в маленьких бульварных театрах.

⁵ Дарленкур (1789—1856) — французский романист, автор «ужасных» фантастических романов из феодального времени. Ламартин (1790—1869) — французский поэт романтик.

⁶ Рюши — украшение из заглаженного в складки тюля или из кружев.

⁷ «Московский Телеграф» — широко распространенный журнал оппозиционного направления, издававшийся Н. Полевым. В нем между прочим был отдел мод, в котором помещались раскрашенные модные картинки.

— Ага! хотите ли послушать
Прелестный водевиль?¹ — И граф
Поет. «Да, граф, извольте ж кушать».
— Я сыт. — «И так...»

Из-за стола

Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Граф, о Париже забывая,
Дивится, как она мила.
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой; хозяйки взор
То выражается приветно,
То вдруг потуплен безответно.
Глядишь — и полночь вдруг на двор.
Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостинной свечки догорели.
Наталья Павловна встает:
Пора, прощайте! ждут постели.
Приятный сон!.. С досадой встав,
Полувлюбленный нежный граф
Целует руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница — прости ей, боже! —
Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ее затей:
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит,
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно

О графе, о делах его,
Не пропускает ничего —
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: полно, надоела!
Спросила кофту и чепец,
Легла и вытти вон велела.

Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Picard¹ ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною,² будильник
И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен:
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно;
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил —
И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу — бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский —

¹ *Водевиль* — здесь в значении модной песенки.

¹ Мосье Пикар (француз, лакей графа Нулина).
² Щипцы, которыми снимали нагар со свечки.

Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит, точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею,
Ловить минутную затею.
Но время не ушло: теперь
Отворена конечно дверь —
И тотчас, на плечи накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый¹
Отправился на всё готовый.

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит
Дорогу ощупью находит,
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрипит. Вот он подходит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медную замка;

¹ Тарквиний — последний царь Рима. Им была обещана Лукреция, которая вследствие того закололась. Ее муж, мстя царю, организовал восстание, в результате которого Тарквиний был изгнан, а в Риме учреждена республика (509 г. до нашего летоисчисления). На тему о Тарквинии и Лукреции Шекспир написал поэму, чтение которой навело Пушкина на мысль о «Графе Нулине».

Дверь тихо, тихо уступает;
Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно поживает,
Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает —
И вдруг упал к ее ногам.
Она .. Теперь с их позволения
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Наталии Павловны моей
И разрешить, что делать ей.

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла,
Совсем смутив ее сначала...
Но вдруг опомнилась она,
И гнева гордого полна,
А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха
Дает пощечину, да, да!
Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую;
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая,
Но шпигосоматый, вдруг залая,
Прервал Параши крепкий сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,

Воображайте, воля ваша!
Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей
Зевая занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей
О чем он думает, не знаю;
Но вот его позвали к чаю.
Что делать? Граф, преодолев
Неловкий стыд и тайный гнев,
Идет.

Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мило,
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передней. Входят. Кто же?
«Наташа, здравствуй».

— Ах, мой боже!

Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин. —

«Рад сердечно я.

Какая скверная погода!
У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж.
Наташа! там у огорода
Мы затравили русака.
Эй, водки! Граф, прошу отведасть:
Прислали нам издалека.

Вы с нами будете обедать?»
— Не знаю, право, я спешу. —
«И, полно, граф, я вас прошу.
Жена и я, гостям мы рады.
Нет, граф, оставайтесь!»

Но, с досады

И все надежды потеряв,
Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар всё скоро уложил,
И граф уехал... Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена всё мужу рассказала
И подвиг графа моего
Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. — Почему ж?
Муж? — Как не так. Совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак.
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

ПОЛТАВА

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men
Had pass'd to the triumphant Czar.

Byron ¹

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленья сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Богат и славен Кочубей (¹).
Его луга необозримы; ²
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора (²)

¹ «Власть и военная слава, неверные как и люди, их суетные почитатели, перешли на сторону торжествующего царя». Байрон (цитата из поэмы Байрона «Мазепа»).

² К словам, отмеченным цифрами в скобках, даны примечания Пушкиным (помещены после текста поэмы).

Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.
Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не золотом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей (³).

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлеелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот
Она стройна. Ее движенья
То лебеда пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.
Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной
В молодой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной.
За то завидных женихов
Ей шлет Украина и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ — и вот
За ней сам Гетман сватов шлет. (⁴)

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;

Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазела ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит,
Орла послуша тяжкий лет;
Одна в сених невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

И вся полна негодованьем
К ней мать идет, и с содроганьем
Схватив ей руку, говорит:
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И охладев как неживая
Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говорит. Отец и мать

Ей сердце ищут успокоить,
Боязнь и горесть разогнать,
Тревогу смутных дум устроить...
Напрасно. Целые два дня,
То молча плача, то стена,
Мария не пила, не ела.
Шатаясь, бледная как тень,
Не зная сна. На третий день
Ее светлица опустела

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шопот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит,
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея
Коснулась роковая весть:
Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор! Отец и мать
Молву не смеют понимать.
Тогда лишь истина явилась
С своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы младой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков,
Томилась тайно, воздыхала
И на приветы женихов

Молчаньем гордым отвечала;
Зачем так тихо за столом
Она лишь Гетману внимала,
Когда беседа ликовала
И чаша пенилась вином;
Зачем она всегда певала
Те песни, кои он слагал, (*)
Когда он беден был и мал,
Когда молва его не знала;
Зачем с неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звон литавр и клики
Пред бунчуком и булавой
Малороссийского владыки (*).

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей,
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Пóлтаву:
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубей.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.¹
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл¹ скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,²
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг (*).

Украйна глухо водновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб Гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый Гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украйну,
Молве, казалось, не внимал,
И равнодушно пировал.

«Что ж Гетман? юноши твердили,
Он изнемог; он слишком стар;
Труды и годы угасили
В нем прежний, деятельный жар.
Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?»

¹ Карл XII — шведский король, одержал несколько побед над русскими, в частности под Нарвой в 1700 г., был разбит под Полтавой в 1709 г.

² Наполеон, шедший в 1812 г. на Москву теми же местами, что и Карл,

¹ Паладин — рыцарь; речь идет о шведском короле.

Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко ⁽⁸⁾,
Иль Самойлович молодой ⁽⁹⁾,
Иль наш Палей ⁽¹⁰⁾, иль Гордеенко ⁽¹¹⁾
Владели силой войсковою;
Тогда б в снегах чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссии печальной
Освобождались уж полки ⁽¹²⁾».

Так, своеволием пылая,
Роптала юность удалая,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана ¹ счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно

Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды
С тех пор как жив не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирает;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель!
Скрежеща мыслит Кочубей,
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,

¹ Богдан Хмельницкий (ум. в 1657 г.) — гетман, вождь украинских казаков в их борьбе против Польши.

В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе,¹ корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полною наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа, в оны дни
Как солью, хлебом и елеем²
Делились чувствами они.
Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы
Наедине вели они —
Пред Кочубеем Гетман скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.
Так, было сердце Кочубея
В то время предано ему.
Но в горькой злобе свирепея,
Теперь позыву одному
Оно послушно; он голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит —
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
«В бессильной горести, ко гробу

Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всею виновна дочь одна.
Но он и дочери прощает:
Пусть богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,
Забыв и небо и закон...»

А между тем орлиным взором
В кругу домашнем ищет он
Себе товарищей отважных,
Неколебимых, непродажных.
Во всем открылся он жене⁽¹³⁾:
Давно в глубокой тишине
Уже донос он грозный копит,
И гнева женского полна
Нетерпеливая жена
Супруга злобного торопит.
В тиши ночной, на ложе сна,
Как некий дух, ему она
О мщенье шепчет, укоряет,
И слезы льет, и ободряет,
И клятвы требует — и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра⁽¹⁴⁾ заодно.
И оба мыслят: «одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К ногам положит не робея?»

Между полтавских казаков,
Презренных девою несчастной,
Один с младенческих годов
Ее любил любовью страстной.

¹ Дыба — орудие пытки.

² Елей — масло растительное (славянское слово); делится хлебом, солью и елеем — иметь общую пищу, общий стол.

Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,
В тени украинских черешен,
Бывало, он Марию ждал,
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.
Когда наехали толпою
К ней женихи, из их рядов
Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Марии огласился,
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила, —
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.
Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло¹ булат² его блестит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

¹ *Стекло* — стекло.

² *Булат* — шашка, оружие.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца,
Ретивый конь потеха тоже —
Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на Гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем,
Неужасаемый ничем,
Мазепа козни продолжает.
С ним полномощный Езуит⁽¹⁵⁾¹
Мятеж народный учреждает
И шаткий трон ему сулит.
Во тьме ночной они как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цыфр² Универсалов⁽¹⁶⁾,
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.³

¹ *Езуит* — член «Общества Иисуса», католического монашеского ордена, преследовавшего политическую цель укрепления власти папы.

² *Цыфр* — шифр, секретная запись.

³ *Вассал* — термин феодального средневекового строя: землевладелец, подчиненный другому, более крупному, и связанный с ним клятвенными обязательствами (обычно военной службой); вассальные обязательства распространялись и на целые государства (княжества, графства и проч.).

Клятвы вассалов — здесь обязательства Украины и ее частей (воеводств), как независимого государства по отношению к России. Речь идет о переговорах Мазепы с польским королем о присоединении Украины к Польше.

Какой-то нищий во дворец
Неведомо отколе ходит,
И Орлик (17), гетманов делец,
Его приводит и выводит.
Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным (18) мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Страшают буйную ватагу
Самодержавием Пегра.
Мазепа всюду взор кидает,
И письма шлет из края в край:
Угрозой хитрой подымает
Он на Москву Бахчисарай.
Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,¹
Во стане Карл и царь. Не дремлет
Его коварная душа;
Он, думой думу развивая,
Верней готовит свой удар;
В нем не слабеет воля злая,
Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул,
Когда пред ним внезапно грянул
Упавший гром! когда ему,
Врагу России самому,
Вельможи русские (19) послали
В Полтаве писанный донос,
И вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,

Донос оставя без вниманья,
Сам царь Иуду¹ утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает бог, и видит свет:
Он бедный Гетман двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу (20)
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украйны
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана (21)
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя²
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго быв его друзьями!...»
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей (22)...

¹ Очаков — в это время центр обширной Очаковской области, расположенной на западном берегу Черного моря, принадлежавшей Турции и находившейся под управлением турецкого военного и гражданского начальника — пашы.

¹ Иуда — здесь предатель, изменник (по евангельскому рассказу об апостоле Иуде, выдавшем Иисуса властям).

² Белый царь — русский царь (название, употреблявшееся у народов Азии).

Чьей казни?.. старец непреклонный!
Чья дочь в объятиях его?
Но хладно сердца своего
Он заглушает ропот сонный.
Он говорит: «в неравный спор
Зачем вступает сей безумец?
Он сам, надменный вольнодумец,
Сам точит на себя топор.
Куда бежит, зажавши вежды?¹
На чем он основал надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искипит.
Любовник Гетману уступит,
Не то моя прольется кровь».

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
К душе свирепой и развратной
Так сильно ты привлечена?
Кому ты в жертву отдана?
Его кудрявые седины,
Его глубокие морщины,
Его блестящий, впалый взор,
Его лукавый разговор
Тебе всего, всего дороже:
Ты мать забыть для них могла,
Соблазном посланное ложе
Ты отчей сени предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старик заворожил,
Своими тихими речами
В тебе он совесть усыпил;
Ты на него с благоговеньем

¹ Зажавши вежды — закрыв глаза (вежды — по-славянски веки).

Возводишь ослепленный взор,
Его лелеешь с умилением —
Тебе приятен твой позор,
Ты им, в безумном упоеньи,
Как целомудрием горда —
Ты прелесть нежную стыда
В своем утратила паденьи... .

Что стыд Марии? что молва?
Что для нее мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава,
Когда с ней Гетман забывает
Судьбы своей и труд и шум,
Иль тайны смелых, грозных дум
Ей деве робкой открывает?
И дней невинных ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, как туча, затмевает:
Она унылых пред собой
Отца и мать воображает;
Она, сквозь слезы, видит их
В бездетной старости, одних,
И мнится, пеням их вникает... .
О, если б ведала она,
Что уж узнала вся Украина!
Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа мрачен. Ум его
Смущен жестокими мечтами.
Мария нежными очами
Глядит на старца своего.
Она, обняв его колени,
Слова любви ему твердит.
Напрасно: черных помышлений

Ее любовь не удалит.
Пред бедной девой с невниманьем
Он хладно потупляет взор,
И ей на ласковый укор
Одним ответствует молчаньем.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встает она
И говорит с негодованьем:

«Послушай, Гетман: для тебя
Я позабыла всё на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое,
Но ни о чем я не жалею —
Ты помнишь: в страшной тишине.
В ту ночь, как стала я твоею,
Меня любить ты клялся мне.
Зачем же ты меня не любишь?»

М а з е п а

Мой друг, несправедлива ты.
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

М а р и я

Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласк моих бежишь;
Теперь они тебе докучны;
Ты целый день в кругу старшин,
В пирах, разездах — я забыта;
Ты долгой ночью иль один,
Иль с нищим, иль у Езуита.

Любовь смиренная моя
Встречает хладную суровость.
Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

М а з е п а

И ты
Ревнива? мне ль, в мой ли лета
Искать надменного привета
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старик суровый,
Как праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорные оковы
И жен притворством искушать?

М а р и я

Нет, объяснись без отговорок
И просто, прямо отвечай.

М а з е п а

Покой души твоей мне дорог,
Мария; так и быть: узнай.

Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам приспело;
Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово всё: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спорах,

Быть может, трон воздвигну я.
Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой Езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.
Чрез руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.
Вот важные тебе признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Рассеяны ль?

М а р и я

О, милый мой,
Гы будешь царь земли родной!
Твоим сединам как пристанет
Корона царская!

М а з е п а

Постой,
Не всё свершилось. Буря грядет;
Кто может знать, что ждет меня?

М а р и я

Я близ тебя не знаю страха –
Ты так могущ! О, знаю я:
Трон ждет тебя.

М а з е п а

А если плаха?..

М а р и я

С тобой на плаху, если так.
Ах, пережить тебя могу ли?
Но нет: ты носишь власти знак.

М а з е п а

Меня ты любишь?

М а р и я

Я! люблю ли?

М а з е п а

Скажи: отец или супруг
Тебе дороже?

М а р и я

Милый друг,
К чему вопрос такой? тревожит
Меня напрасно он. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей в позор; быть может,
(Какая страшная мечта!)
Моим отцом я проклята,
А за кого?

М а з е п а

Так я дороже
Тебе отца? Молчишь...

М а р и я

О боже!

М а з е п а

Что ж? отвечай.

М а р и я

Реши ты сам.

М а з е п а

Послушай: если было б нам,
Ему иль мне, погибнуть надо,
А ты бы нам судьей была,
Кого б ты в жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

М а р и я

Ах, полно! Сердце не смущай!
Ты искуситель.

М а з е п а

Отвечай!

М а р и я

Ты бледен; речь твоя сурова...
О, не сердись! Всем, всем готова
Тебе я жертвовать, поверь;
Но страшны мне слова такие.
Довольно.

М а з е п а

Помни же, Мария,
Что ты сказала мне теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой-Церковью¹ сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо всё кругом;
Но в замке шопот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленьи,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Завтра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит. Но, боже правый!
К ногам злодея, молча, пасть

¹ Белая Церковь — местечко в 100 км к югу от Киева.

Как бессловесное созданье,
Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и с нею честь,
Друзей с собой на плаху весть,
Над гробом слышать их проклятья,
Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья,
Не завещая никому
Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу,
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,
Где знал и труд и мирный сон,
И всё, чем в жизни наслаждался,
Что добровольно бросил он,
И для чего? —

Но ключ в заржавом
Замке гремит — и пробужден
Несчастный думает: вот он!
Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую кровь и тело
Принесший мне, да укреплюсь,
Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед всеильным, бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,

Он гостя узнает иного:
Свирепый Орлик перед ним.
И отвращением томим,
Страдалец горько вопрошает:
Ты здесь, жестокий человек?
Зачем последний мой ночлег
Еще Мазепа возмущает?

Орлик

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей

Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.

Орлик

Еще признанья
Пан Гетман требует.

Кочубей

Но в чем?
Давно сознался я во всем,
Что вы хотели. Показанья
Мои все ложны. Я лукав,
Я строю козни. Гетман прав.
Чего вам более?

Орлик

Мы знаем,
Но ты несчетно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке (23) укрываем.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имение сполна
В казну поступит войсковую —
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?

Кочубей

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь богу снести.

Орлик

Старик, оставь пустые бредни:
Сегодня покидая свет,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай ответ,
Когда не хочешь пытки новой:
Где спрятал деньги?

Кочубей

Злой холоп!
Окончишь ли допрос нелепый?
Повремени: дай лечь мне в гроб,
Тогда ступай себе с Мазепой
Мое наследие считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам всё расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради господина молю,
Теперь оставь меня в покое.

Орлик

Где спрятал деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги где, скажи,

Иль выйдет следствие плохое.
Подумай: место нам назначь.
Молчишь? — Ну, в пытку. Гей, палач! (24)

Палач вошел...

О, ночь мучений!

Но где же Гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?
В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной,
Близ ложа крестницы младой
Сидит с поникшею главой
Мазепа тихий и угрюмый.
В его душе проходят думы,
Одна другой мрачней, мрачней.
«Умрет безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чем ближе
Цель Гетмана, тем тверже он
Быть должен властью облечен,
Тем перед ним склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нет:
Доносчик и его клевет¹
Умрут». Но, бросаю взор на ложе,
Мазепа думает: «о боже!
Что будет с ней, когда она
Услышит слово роковое?
Досель она еще в покое —
Но тайна быть сохранена
Не может долее. Секира,
Упав поутру, загремит
По всей Украине. Голос мира
Вокруг нее заговорит!..
Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.

¹ Клевет — союзник, помощник.

В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань...
Всё, что цены себе не знает,
Всё, всё, чем жизнь мила бывает,
Бедняжка принесла мне в дар,
Мне старцу мрачному — и что же?
Какой готовлю ей удар! — »
И он глядит: на тихом ложе
Как сладок юности покой!
Как сон ее лелеет нежно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... содрогаясь
Мазепа отвращает взгляд,
Встает и тихо пробираясь
В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Но мрачны странные мечты
В душе Мазепы: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою.
И летней, теплой ночи тьма
Душна, как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный стон
Как бы из замка слышит он.
То был ли сон воображенья,
Иль плач совы, иль зверья вой,
Иль пытки стон, иль звук иной —

Но только своего волненья
Преодолеть не мог старик
И на протяжный слабый крик
Другим ответствовал — тем криком,
Которым он в весельи диком
Поля сраженья оглашал,
Когда с Забелой, с Гамалеем,¹
И — с ним... и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса
Объемлет ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины рощ и волны рек.
Раздался утра шум игривый,
И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит,
Дремой объята, и слышит
Сквозь легкий сон, что кто-то к ней
Вошел и ног ее коснулся.
Она проснулась — но скорей
С улыбкой взор ее сомкнулся
От блеска утренних лучей.
Мария руки протянула
И с негой томною шепнула:
«Мазепа, ты?..» Но голос ей
Иной отвечает... о боже!
Вздвогнув, она глядит... и что же?
Пред нею мать...

М а т ь

Молчи, молчи;

Не погуби нас: я в ночи
Сюда прокралась осторожно

С единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебе одной
Свирепство их смягчить возможно.
Спаси отца.

Д о ч ь (в ужасе)

Какой отец?

Какая казнь?

М а т ь

Иль ты доньше
Не знаешь?.. нет! ты не в пустыне,
Ты во дворце; ты знать должна,
Как сила Гетмана грозна,
Как он врагов своих карает,
Как государь ему внимает —
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершают суд свирепый
Когда читают приговор,
Когда готов отцу топор —
Друг другу, вижу, мы чужие...
Опомнись, дочь моя! Мария,
Беги, пади к его ногам,
Спаси отца, будь ангел нам:
Твой взгляд злодеям руки свяжет,
Ты можешь их топор отвести.
Рвись, требуй — Гетман не откажет:
Ты для него забыла честь,
Родных и бога.

Д о ч ь

Что со мною?

Отец... Мазепа... казнь — с мольбою
Здесь, в этом замке мать моя —
Нет, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

¹ Забела (1580—1689) — «генеральный обозный», украинский деятель, участник восстания Хмельницкого. Гамалей или Гамалея (ум. ок. 1696 г.) — «генеральный есаул», военный и политический деятель.

Мать

Бог с тобою,

Нет, нет — не грёзы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отец ожесточенный
Бесчестья дочери не снес
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на Гетмана донес —
Что в истязаниях кровавых
Сознался в умыслах лукавых,
В стыде безумной клеветы,
Что, жертва смелой правоты,
Врагу он выдан головою,
Что пред Громадой войсковою,
Когда его не осенит
Десница вышняя господня,²
Он должен быть казнен сегодня,
Что здесь покамест он сидит
В тюремной башне.

Дочь

Боже, боже!..

Сегодня! — бедный мой отец!

И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут.
Бьют в бубны. Скачуг сердюки.⁽²⁵⁾
В строях ровняются полки.
Толпы кипят. Сердца трепещут.
Дорога, как змеинный хвост,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помост.

¹ Громада войсковая — казачий войсковой круг, казачье войско.

² То есть если не спасет его чудо (буквально, если бог не защитит его своей рукой).

На нем гуляёт, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топёр тяжелый,
То шутит с чернию веселой.
В гремучий говор всё слилось:
Крик женский, брань, и смех, и ропот.
Вдруг восклицанье раздалось
И смолкло всё. Лишь конский топот
Был слышен в грозной тишине.
Там, окруженный сердюками,
Вельможный Гетман с старшинами
Скакал на вороном коне.
А там по Киевской дороге
Телега ехала. В тревоге
Все взоры обратили к ней.
В ней, с миром, с небом примиренный,
Могущей верой укрепленный,
Сидел безвинный Кочубей,
С ним Искра, тихий, равнодушный,
Как агнец, жребию послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликов¹ громогласных.
С кадил куренье поднялось.
За упокой души несчастных
Безмолвно молится народ,
Страдальцы за врагов. И вот
Идут они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Как будто в гробе тьмы людей
Молчат. Тонор блеснул с размаху,
И отскочила голова.
Всё поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.
Зарделась кровию трава —
И сердцем радуясь во злобе
Палач за чуб поймал их обе

¹ Лики — церковный хор.

И напряженною рукой .
Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный
Идет, рассыпавшись, домой,
И про свои работы вечны
Уже толкует меж собой.
Пустеет поле понемногу.
Тогда чрез пеструю дорогу
Перебежали две жены.
Утомлены, запылены,
Они, казалось, к месту казни
Спешили полные боязни.
«Уж поздно», кто-то им сказал
И в поле перстом указал.
Там роковой намест ломали,
Молился в черных ризах поп
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой
Мазепа, грозен, удалялся
От места казни. Он терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто к нему не приближался,
Не говорил он ничего;
Весь в пене мчался конь его.
Домой приехав, что Мария?
Спросил Мазепа. Слышит он
Ответы робкие, глухие. . .
Невольным страхом поражен,
Идет он к ней; в светлицу входит:
Светлица тихая пуста —
Он в сад, и там смятенный бродит:
Но вокруг широкого пруда,
В кустах, вдоль сений безмятежных
Всё пусто, нет нигде следов —
Ушла! — Зовет он слуг надежных,
Своих проворных сердюков.

Они бегут. Храпят их кони —
Раздался дикий клик погони
Верхом — и скачут молодцы
Во весь опор, во все концы.

Бегут мгновенья дорогие.
Не возвращается Мария.
Никто не ведал, не слышал,
Зачем и как она бежала —
Мазепа молча скрежетала.
Затихнув, челядь трепетала.
В груди кипучий яд нося,
В светлице Гетман заперся.
Без ложа там во мраке ночи
Сидел он, не смыкая очи,
Нездешней мукою томим.
Поутру, посланные слуги
Один явились за другим.
Чуть кони двинулись. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,¹
Всё было пеною покрыто,
В крови, растеряно, избито —
Но ни один ему принести
Не мог о бедной деве весть.
И след ее существованья
Пропал как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно в даль
Вождю Украины не мешает.
Твердея в умысле своем,
Он с гордым шведским королем
Свои сношенья продолжает.

¹ Чепрак — подстилка под седло.

Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он, окружась толпой врачей,
На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья:
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бранный мир оставить;
Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря¹ зовет
К одру сомнительной кончины:
И на коварные седины
Елей таинственный² течет.

Но время шло. Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых, вражеских могил
Готова шведам тризну тайну.
Незапно³ Карл поворотил
И перенес войну в Украину.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет — и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Так оный хитрый кардинал,

¹ *Архипастырь* — архиерей.

² Речь идет о церковном обряде помазания слеем, который совершали над умирающим.

³ *Незапно* — старинная форма слова «внезапно».

Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здрав, и молод стал.¹

И весть на крыльях полетела.
Украина смутно зашумела.
«Он перешел, он изменил,
К ногам он Карлу положил
Бунчук покорный». Пламя пышет,
Встает кровавая заря
Войны народной.

Кто опишет
Негодование, гнев царя? (²⁶)
Гремит анафема² в соборах;
Мазепы лик терзает кат. (²⁷)
На шумной Раде, в вольных спорах
Другого Гетмана творят.
С брегов пустынных Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспешно призваны Петром.
Он с ними слезы проливает.
Он их, лаская, осыпает
И новой честью и добром.
Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украину едет в царский стан.
Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель (²⁸) смелый
И запорожский атаман.
И ты, любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,
Твой близок день, ты вал Полтавы
Вдали завидел наконец.

¹ *Кардинал Монтальт* (1521—1590) — был избран римским папой под именем Сикста V в 1585 г. Перед избранием притворился больным и хилым, но когда выяснились результаты голосования, отбросил костыль и громким голосом запел благодарственную песнь. *Тиара* — знак папского достоинства, особой формы корона.

² *Анафема* — церковное проклятие.

И царь туда ж помчал дружины.
Они как буря притекли —
И оба стана средь равнины
Друг друга хитро облегли:
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И злобясь видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастливых нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незабываемый штыков.

Но он решил: завтра бой.
Глубокий сон во стане шведа.
Лишь под палаткою одной
Ведется шопотом беседа.

«Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы не к стати:
Расчет и дерзкий и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? дал я промах важный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчик бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать, ⁽²⁹⁾
Ответствовать на бомбу смехом; ⁽³⁰⁾
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражьей стану;
Свалить как нынче казака
И обменять на рану рану; ⁽³¹⁾
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк вертеться он судьбу

Принудить хачет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастьем верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродягой
Увлекся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед
Как дева робкая».

Орлик

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

Мазепа

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решила непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовым ¹
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые

¹ Азов — укрепленный город, при впадении Дона в Азовское море. В 1695—1696 гг. происходила осада Азова, принадлежавшего Турции, русскими войсками. В осаде участвовал Петр I.

Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее — как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.
Так, обо мне воспомянъе
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье;
Я терн в листьях его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова как во дни былые
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там:
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,

Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен¹ сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.²
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра
Толпой любимцев окруженный
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровнясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки присмирев
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая
Далече глянуло ура:
Полки увидели Петра.

¹ Розен (1688—1769) — шведский генерал; во время Полтавского сражения отвел войска в крепостные укрепления, но был атакован и сдался.

² Шлипенбах — шведский генерал, командовавший конницей в Полтавском сражении. Был взят в плен Меншиковым.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев¹ благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,²
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.³

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины;
И грянул бой, Полтавский бой!

¹ Шереметев, граф (1652—1719) — русский генерал, участник Полтавского сражения. Среди сотрудников Петра Шереметев был один из немногих потомков старого боярства.

² Брюс (1670—1735) — русский генерал, командовал под Полтавой артиллерией. Боур (1667—1717) — русский генерал, родом швед. Под Полтавой командовал конницей на правом фланге. Репнин (1668—1726) — русский генерал, под Полтавой командовал пехотой.

³ Меншиков (1670—1729) — один из ближайших сотрудников Петра, главный участник Полтавского сражения.

В огне, под градом раскаленным,
Стеной живую отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами,¹ саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, рязят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волненья,
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу,
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волненье боя.
Уж на коня не вскочит он,
Одрых в изгнанье сиротей,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, увидет

¹ Бразды — удила, уздечка.

Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратился.
У Войнаровского¹ в руках
Мушкетный² ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на Гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.
Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит:⁽³²⁾
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Как роем черной саранчи.

¹ Войнаровский (ум. в 1740 г.) — племянник и ближайший сотрудник Мазепы. Его ссылке в Сибирь посвящена поэма Рылеева «Войнаровский».

² Мушкет — ружье старинного образца.

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.

Но где же первый, званный гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил Полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?⁽³³⁾

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и Гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом
Степей широких полукруг,
С ним старый Гетман скачет рядом.
Пред ними хутор... Что же вдруг
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Он стороной во весь опор?
Иль этот запустелый двор,

И дом, и сад уединенный,
И в поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узнал ли ты сию обитель,
Сей дом, веселый прежде дом,
Где ты, вином разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутил бывало за столом?
Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал,
И сад, откуда ночью темной
Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют.
На бреге синего Днепра
Между скалами чутко дремлют
Враги России и Петра.
Шадят мечты покой героя,
Урон Полтавы он забыл.
Но сон Мазепы смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то наклонился.
Он вздрогнул как под топором...
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?.. Мария... ты ли?»

М а р и я

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас
Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас.

М а з е п а

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

М а р и я

Послушай, хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?
Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья — видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой

Любовник ей внимал жестокий.
Но, вихрю мыслей предана,
Однако ж, говорит она,
Я помню поле... праздник шумный...
И чернь... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...
Но где ж ты был?.. С тобою розно
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей... уж поздно.
Ах, вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,

В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь.

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты¹ у берегу Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает».
Но Гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыханье стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколенье миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране — где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил

¹ Драбанты — военная стража, гвардия.

Бендер¹ пустынные раскаты,²
Где бродят буйволы рога
Вокруг воинственных могил —
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыв Мазепу с давних пор;
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой³ доныне,
Грозя, гремит о нем собор.
Но сохранилась могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила.⁽³⁴⁾
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат. Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемую тьмою
От нас закрыты. Лишь порою

¹ Бендеры — город Бессарабии, куда бежал Карл XII после поражения.

² Раскаты — крепостные сооружения для установки артиллерии.

³ По распоряжению правительства православная церковь прокляла Мазепу («предала анафеме»). Имя Мазепы упоминалось до середины XIX в. при провозглашении анафемы в соборах во время специальной церковной службы в первое воскресенье великого поста.

Слепой украинский певец,¹
Когда в селе перед народом
Он песни Гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

ПРИМЕЧАНИЯ ПУШКИНА

(¹) Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судия, один из предков нынешних графов.

(²) Хутор — загородный дом.

(³) У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.

(⁴) Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали.

(⁵) Предание приписывает Мазепе несколько песен, до ныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепой. Она замечательна не в одном историческом отношении.

(⁶) Бунчук и булава — знаки гетманского достоинства.

(⁷) Смолр. «Мазепу» Байрона.

(⁸) Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

(⁹) Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I.

(¹⁰) Симеон Палей, хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск, но жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении.

(¹¹) Костя Гордеенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.

(¹²) 20 000 казаков было послано в Лифляндию.

(¹³) Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, *гордая и высокоумная*.

(¹⁴) Искра, полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивший с ним его умысел и участь.

(¹⁵) Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно.

(¹⁶) Так назывались манифесты гетманов.

(¹⁷) Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

(¹⁸) Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени.

(¹⁹) Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должны лежать ужас суда и казни доносителей.

(²⁰) В 1705 году. Смолр. примечания к «Истории Малороссии» Бантыш-Каменского.

(²¹) Во время неудачного похода в Крым, Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

(²²) В своих письмах он жаловался, что доносители пытали слишком легко, и неотступно требовал их казни, сравнивая себя с Сусанною,¹ неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом.

(²³) Деревня Кочубея.

(²⁴) Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске Гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

(²⁵) Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

(²⁶) Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украину в повиновении.

«1708 ноября 7-го числа, по Указу Государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в Гетманы Полковника Стародубского Ив. Скоропадского.

«8-го числа приехали в Глухов Киевский, Черниговский и Переяславский Архиепископы.

«А 9-го дня предали клятве Мазепу оные Архиеереи публично; того же дня и персону (куклу) оного изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за ве-

¹ Сусанна — по библейскому преданию добродетельная еврейка, которую оклеветали старцы, безуспешно пытавшиеся соблазнить ее. Приговоренная за мнимое преступление к смерти, она была спасена пророком Даниилом, изблачившим ложные показания старцев.

¹ Слепцы — бандуристы, игравшие на бандуре (струнный инструмент) и певшие «думы» — украинские песни исторического содержания. Как отмечает Пушкин, среди этих дум некоторые, по преданию, сочинил Мазепа.

ревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили.

«В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих из-менников...» (*Журнал Петра Великого*).

(²⁷) Малороссийское слово. По-русски палач.

(²⁸) Чечель отчаянно защищал Батурин против войск кн. Меншикова.

(²⁹) В Дрезден к королю Августу. Смолр. *Voltaire. Hist. de Charles XII.*¹

(³⁰) Ах, Ваше Величество! бомба... — «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктую? Пиши». Это случилось гораздо после.

(³¹) Ночью, Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу.

(³²) Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям кн. Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. *Ибо (сказано в Журн. Петра Вел.) непобедимые господа Шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута.* Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом кн. Меншиковым.

(³³) L'Empereur Mo-covite, pénétre d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чем и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

...Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.²

(³⁴) Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы

¹ Вольтер, «История Карла XII».

² «Московский император, проникнутый радостью, которую не старался скрывать, принимал на поле битвы пленников, которых ему приводили толпою, и всё спрашивал: «где же брат мой Карл?» Тогда взяв в руки стакан вина, он сказал: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Реншильд спросил его: — Кому он оказывает честь, называя так? «Шведских генералов» — отвечал царь. — Ваше величество поступили неблагоприятно, — ответил грэф, — обойдись так жестоко с своими учителями» (цитата из «Истории Карла XII» Вольтера).

родственникам и похоронены в Киевской Лавре; над их гробом высечена следующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о нас неведущий,
Елицы зде естесмо положены суши,
Понеже нам страсть и смерть повеле молчати,
Сей камень возопиет о нас ти вещати,
И за правду и верность к Монарсе нашу,
Страдания и смерти испыймо чашу,
Злуданьем Мазепы, всевечно правы,
Посеченны заставше топором во главы;
Почиваем в сем месте Матери Владычне,
Подающия всем своим рабам живот вечный.

Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены средь обозу войскового, за Белою Церковью на Борщаговце и Ковшевом, благородный Василий Кочубей, Судия генеральный; Иоанн Искра, Полковник Полтавский. Привезены же тела их июля 17 в Киев и того же дня в обители святой Печерской на сем месте погребены».¹

¹ «Кто ты, прохожий, не знающий нас, положенных здесь? Так как казнь и смерть принудила нас к молчанию, этот камень возгласит о нас: за правду и верность монарху мы испили чашу страдания и смерти, злодейством Мазепы, неизменно правые, мы были обезглавлены топором. Здесь покоимся в месте, посвященном божьей матери, дающей своим рабам вечную жизнь. Года 1708, июля 15, казнены среди войскового обоза за Белой Церковью в Борщаговце и Ковшевом благородный Василий Кочубей, генеральный судья, и Иван Искра, полтавский полковник. Их тела привезены 17 июля в Киев и погребены в Печерском монастыре в тот же день на этом месте».

ДОМИК В КОЛОМНЕ

I

Четырестопный ямб¹ мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.²
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пущусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.

II

А чтоб им путь открыт широкий, вольный,
Глаголы тотчас им я разрешу...
Вы знаете, что рифмой наглагольной³

¹ *Четырехстопный ямб* — стихотворный размер, которым написана большая часть поэм Пушкина (кроме «Гавриилиады», «Домика в Коломне» и «Анжелло»). В этом размере ударения падают на четные слоги, причем последнее (четвертое) ударение падает на восьмой слог, входящий в рифму. Каждые два слога (один неударный и один с ударением) составляют стопу. Четырехстопный ямб был в большом употреблении у поэтов в 20-х годах XIX в. в России.

² *Октава*, строфа, которой написан «Домик в Коломне», состоит из восьми стихов, из которых первый рифмуется с третьим и пятым, второй — с четвертым и шестым, а два последние рифмуют между собой. Октавы обычно пишутся пятистопным ямбом. Эта строфа итальянского происхождения. В английской литературе ее употребил Байрон в некоторых своих поэмах. «Домик в Коломне» написан в духе этих поэм Байрона.

³ *Наглагольная рифма* — состоящая из глагольного окончания. Напр.: «хрипела — смотрела», «пылает — отдыхает». Так как подбирать подобные рифмы очень легко, они считались плохими, и их по возможности избегали.

Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Так писывал Шихматов¹ богомольный,
По большей части так и я пишу.
К чему? скажите; уж и так мы голы.
Отныне в рифме буду брать глаголы.

III

Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую статью, —
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сбересть я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

IV

Ну, женские и мужские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги
И по три в ряд в октаву заезжай!
Не бойтесь, мы не будем слишком строги:
Держись вольней и только не плошай,
А там уже привыкнем, слава богу,
И выедем на ровную дорогу.

V

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!

¹ *Шихматов* (1783—1837) — поэт, писавший на религиозно-темы. Он совершенно не употреблял глагольных рифм. Шихматов принадлежал к старому направлению в литературе и поэтому подвергался насмешкам со стороны молодых поэтов, сверстников Пушкина.

Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан,¹ иль сам Наполеон.

VI

Немного отдохнем на этой точке.
Что? перестать или «пустить на пе»?...²
Признаться вам, я в пятистопной строчке
Люблю цезуру³ на второй стопе.
Иначе, стих то в яме, то на кочке,
И хоть лежу теперь на канаве,⁴
Всё кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VII

Что за беда? не всё ж гулять пешком
По невскому граниту, иль на бале
Лощить паркет, или скакать верхом
В степи киргизской. Поплетусь-ка дале,

¹ *Тамерлан* или Тимур (1336—1405) — татарский завоеватель, объединивший под своей властью среднеазиатские племена и создавший огромное государство с столицей Самаркандом.

² *На пе* — карточный термин: в случае выигрыша поставить на карту ту же ставку, что в первый раз. Здесь в значении «повторить еще раз».

³ *Цезура* — остановка, перерыв в середине стиха и на определенном месте. «Домик в Коломне» написан пятистопным ямбом, размером, в котором ударения попадают на четные слоги стиха, так что последнее ударение, пятое, приходится на рифму. В таких стихах до «Домика в Коломне» Пушкин соблюдал цезуру после второй стопы, т. е. после четвертого слога. Так написана «Гавриилада». В следующих стихах цезура отмечена знаком тире:

Воистину — еврейки молодой
Мне дорого — душевное спасенье...

В «Домике в Коломне» подобной цезуры нет.

⁴ *Канаве* — диван, кушетка.

Со станции на станцию шажком,
Как говорят о том оригинале,
Который, не кормя, на рысаке
Приехал из Москвы к Неве-реке.

VIII

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
Его не обогнал бы. Но Пегас¹
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек-муз уж не прельщает нас.
И табор свой с классических вершинок²
Перенесли мы на толкучий рынок.

IX

Усядья, муза; ручки в рукава,
Под лавку ножки! не вертись, резвушка!
Теперь начнем. — Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью. У Покрова³
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой.⁴ Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

¹ *Пегас* — по греко-римской мифологии крылатый конь, возносящий поэтов на вершину Геликона, где течет источник вдохновения. Этот источник (Пушкин называет его колодцем) Ипокрена потек от удара копытом Пегаса.

² *Классические вершинки* — возвышенный стиль старой «классической» поэзии, от которой отошел Пушкин и его современники-«романтики».

³ *Покрова* — церковь в Коломне (теперь б. Покровская площадь, на которой находится эта церковь, называется площадью Тургенева).

⁴ Речь идет о полицейской будке. Городская полиция в эти годы состояла из постовых «будочников», которые жили в специальных будках. Будка, о которой говорит Пушкин, находилась на углу Прядильной улицы и нынешнего проспекта Маклина.

X

Дни¹ три тому, туда ходил я вместе
 С одним знакомым перед вечерком.
 Лачужки этой нет уж там. На месте
 Ее построен трехэтажный дом.
 Я вспомнил о старушке, о невесте,
 Бывало, тут сидевших под окном,
 О той поре, когда я был моложе,
 Я думал: живы ли они? — И что же?

XI

Мне стало грустно: на высокий дом
 Глядел я косо. Если в эту пору
 Пожар его бы обхватил кругом,
 То моему б озлобленному взору
 Приятно было пламя. Станным сном
 Бывает сердце полно; много вздору
 Приходит нам на ум, когда бредем
 Одни или с товарищем вдвоём.

XII

Тогда блажен, кто крепко словом правит
 И держит мысль на привязи свою,
 Кто в сердце усыпляет или давит
 Мгновенно прошипевшую змию;
 Но кто болтлив, того молва прославит
 Вмиг извергом. . . Я воды Леты² пью,
 Мне доктором запрещена унылость:
 Оставим это, — сделайте мне милость!

XIII

Старушка (я стократ видал точь-в-точь
 В картинах Рембрандта³ такие лица)

¹ Дни вместо «дня» — разговорная форма, употребительная в языке Пушкина.

² Лета — по греко-римской мифологии одна из адских рек: пивший ее воду всё забывал.

³ Рембрандт (1606—1669) — знаменитый голландский художник. Среди его картин — много портретов, отличаю-

Носила чепчик и очки. Но дочь
 Была, ей-ей, прекрасная девица:
 Глаза и брови — темные как ночь,
 Сама бела, нежна, как голубица;
 В ней вкус был образованный. Она
 Читала сочиненья Эмина,¹

XIV

Играть умела также на гитаре
 И пела: «Стонет сизый голубок»,²
 И «Выду ль я»,³ и то, что уж постаре,
 Всё, что у печки в зимний вечерок
 Иль скучной осенью при самоваре
 Или весною, обходя лесок,
 Поет уныло русская девица,
 Как музы наши грустная певица.

XV

Фигурно⁴ иль буквально: всей семьей,
 От ямщика до первого поэта,
 Мы все поем уныло. Грустный вой
 Песнь русская. Известная примета!
 Начав за здравие, за упокой
 Сведем как раз. Печалию согрета
 Гармония и наших муз, и дев.
 Но нравится их жалобный напев.

XVI

Параша (так звалась красотка наша)
 Умела мыть и гладить, шить и плести;

щихся реализмом изображения; некоторые портреты изображают старых женщин.

¹ Эмин (1735—1770) — романист; его романы, отличавшиеся запутанной фабулой, в XIX в. стали достоянием менее культурных читателей из мещан.

² «Стонет сизый голубочек» — популярная чувствительная песенка И. Дмитриева, написанная в 1792 г.

³ «Выду ль я на реченьку» — чувствительная песенка Нелединского-Мелецкого (1796).

⁴ Фигурно — в переносном смысле.

Всем домом правила одна Параша,
Поручено ей было счету весть,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный труд ей помогала несть
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XVII

Старушка-мать, бывало, под окном
Сидела; днем она чулок вязала,
А вечером, за маленьким столом,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тем, весь обегала дом,
То у окна, то на дворе мелькала,
И кто бы ни проехал иль ни шел,
Всех успевала видеть (зоркий пол!).

XVIII

Зимой ставни закрывались рано,
Но летом до-ночи растворено
Всё было в доме. Бледная Диана¹
Глядела долго девушке в окно.
(Без этого ни одного романа
Не обойдется; так заведено!)
Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка — на луну еще смотрела

XIX

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромный,
Да стражи дальный крик, да бой часов —
И только. Ночь над мирною Коломной²

¹ Диана — здесь луна (по имени богини греко-римской мифологии).

² Коломна — часть города в старом Петербурге, населенная мелкими ремесленниками и бедными чиновниками. Вошла в состав нынешнего Октябрьского района г. Ленинграда

Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени. Сердце девы томной
Ей слышать было можно, как оно
В упругое толкалось полотно.

XX

По воскресеньям, летом и зимою,
Вдова ходила с нею к Покрову,
И становилась перед толпою
У крылоса¹ налево. Я живу
Теперь не там,² но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

XXI

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! всё гляжу направо,
Всё на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.

XXII

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось нежно;
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе надменной и суровой.

¹ Крылос — разговорная форма литературного слова «клирос»: огражденная для хора передняя часть церкви у иконостаса.

² После окончания лицея Пушкин жил в Коломне, на Фонтанке, недалеко от Покровской церкви.

XXIII

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла,
И, верно, в список жертв меня внесла.

XXIV

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна¹ ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам,² — она была несчастна.
Блаженнее стократ ее была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV

Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русы,
Косыночка крест-на-крест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы —
Наряд простой: но пред ее окном
Всё ж ездили гвардейцы черноусы,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

XXVI

Меж ими кто ее был сердцу ближе,
Или равно для всех она была

¹ Фортуна — счастье, судьба.

² Фимиам — ароматное курение, употребляемое в церкви как знак религиозного почитания; здесь в значении уважения, успеха, всеобщего почитания.

Душою холодна, увидим ниже.
Покамест мирно жизнь она вела,
Не думая о балах, о Париже,
Ни о дворе (хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоф-фурьера).¹

XXVII

Но горе вдруг их посетило дом:
Стряпуха, возвратясь из бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаем и вином,
И уксусом, и мятною припаркой
Ее лечили. В ночь пред рождеством
Она скончалась. С бедною кухаркой
Они простились. В тот же день пришли
За ней, и гроб на Охту² отвезли.

XXVIII

Об ней жалели в доме, всех же боле
Кот Васька. После вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не доле —
Жить можно без кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу божьей воле.
Старушка кличет дочь. «Параша!» — «Я!»
— «Где взять кухарку? сведай у соседки,
Не знает ли. Дешевые так редки». —

XXIX

— «Узнаю, маменька». И вышла вон,
Закутавшись. (Зима стояла грозно,
И снег скрыпел, и синий небосклон
Безоблачен, в звездах, сиял морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сон
Ее клонил тихонько; было поздно,

¹ Гоф-фурьер — старший лакей при дворе.

² Охта — петербургский пригород, где жили мелкие торговцы вразнос (молочницы) и бедные ремесленники; здесь находилось кладбище для бедных.

Когда Параша тихо к ней вошла,
Сказав: — «Вот я кухарку привела».

XXX

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка, и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разбирая.
— «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха. — «Всё, что будет вам угодно»,
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI

Вдове понравился ее ответ.
— «А как зовут?» — «А Маврой». — «Ну,
Мавруша,

Живи у нас; ты молода, мой свет;
Гоняй мужчин. Покойница Феклуша
Служила мне в кухарках десять лет,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смей». —

XXXII

Проходит день, другой. В кухарке толку
Довольно мало: то переварит,
То пережарит, то с посудой полку
Уронит; вечно всё пересолит,
Шить сядет — не умеет взять иголку;
Ее бранят — она себе молчит;
Везде, во всем уж как-нибудь подгадит.
Параша бьется, а никак не сладит.

XXXIII

Поутру, в воскресенье, мать и дочь
Пошли к обедне. Дома лишь осталась

Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болели зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но в церкви вдруг
На старую вдову нашел испуг.

XXXIV

Она подумала: «в Маврушке ловкой
Зачем к пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядит плутовкой!
Не вздумала ль она нас обокрасть,
Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Так думая, старушка обмирала
И наконец, не вытерпев, сказала:

XXXV

— «Стой тут, Параша. Я схожу домой,
Мне что-то страшно». Дочь не разумела,
Чего ей страшно. С паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетела;
В ней сердце билось, как перед бедой.
Пришла в лачужку, в кухню посмотрела, —
Мавруши нет. Вдова к себе в покой
Вошла — и что ж? о боже! страх какой!

XXXVI

Пред зеркальцом Параша, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что с моей вдовой?
«Ах, ах!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та, второпях, с намыленной щекой
Через старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула в сени, прямо на крыльцо,
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

XXXVII

Обедня кончилась; пришла Параша.
«Что, маменька?» — «Ах, Пашенька моя!
Мавруша...» — «Что, что с ней?» --
«Кухарка наша...»

Опомниться досель не в силах я...
За зеркальцом... вся в мыле...»

— «Воля ваша,

Мне право ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?» — «Ах, она разбойник!
Она здесь брилась!.. точно мой покойник!»

XXXVIII

Параша покраснела или нет,
Сказать вам не умею; но Маврушки
С тех пор как не было, — простыл и след;
Ушла, не взяв в уплату ни полушки
И не успев наделать важных бед.
У красной девушки и у старушки
Кто заступил Маврушу? признаюсь,
Не ведаю, и кончить тороплюсь.

XXXIX

— «Как! разве всё тут? шутите!»
— «Ей-богу».

— «Так вот куда октавы нас вели!
К чему ж такую подняли тревогу,
Скликали рать и с похвалбою шли?
Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравоченья?»
— «Нет... или есть: минуточку терпенья...»

XL

Вот вам мораль: по мнению моему,
Кухарку даром нанимать опасно;
Кто ж родился мужчиною, тому

Рядиться в юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется же ему
Брить бороду себе, что несогласно
С природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего...»

ПРОЩЕННЫЕ СТРОФЫ «ДОМИКА В КОЛОМНЕ»¹

После строфы III:

У нас война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны² (но хрип ваш приумолк),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский полк?³
Уж люди! мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стаде волк.
Все с ревом так и лезут в бой кровавый,
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

Поэты Юга,⁴ вымыслов отцы,
Каких чудес с октавой не творили?
Но мы ленивцы, робкие певцы,
На мелочах мы рифмы заморили,
Могучие нам чужды образцы.
Мы новых стран себе не покорили,

¹ Эти строфы были опущены Пушкиным при напечатании «Домика в Коломне».

² Хрипуны — насмешливое обращение к молодым офицерам-франтам.

³ Ширванский полк сформирован в 1724 г.; участвовал в войнах с Персией и Турцией в 1826—1829 гг., где, между прочим, выдержал оборону крепости Шуши против персидского войска.

⁴ Поэты Юга — итальянские эпические поэты Ариосто (1474—1553), автор «Неистового Роланда», и Тассо (1544—1595), автор «Освобожденного Иерусалима», фантастических поэм, написанных октавами.

И наших дней изнеженный поэт
Чуть смыслит свой уравнивать куплет.

Октавы трудны (взяв уловку лисью,¹
Сказать я мог, что кисел виноград).
Мне видно с ними над Парнасской высью
Век не бывать. Не лучше ли назад
Скорей вести свою дружину рысью?
Уж рифмами кой-как они бренчат —
Кой-как уж до конца октаву эту
Я дотянул. Стыд русскому поэту!

Но возвратиться всё ж я не хочу
К четырехстопным ямба, мере низкой.
С гекзаметром². . . о, с ним я не шучу:
Он мне не в мочь. А стих Александрийский?³
Уж не его ль себе я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкий.
И с жалом даже — точная змия;
Мне кажется, что с ним управлюсь я.

Он вынянчен был мамкою не дурой —
(За ним смотрел степенный Буало),⁴

¹ Намек на известную басню «Лисица и виноград» (Лафонтена и Крылова): голодная лисица увидела виноград, но не могла его достать; уходя, она утешала себя тем, что виноград будто бы зелен.

² Гекзаметр — размер, заимствованный у древних греков: стих без рифмы с шестью ударениями, отделенными друг от друга двумя или одним неударным слогом. Этим размером Гнедич перевел «Илиаду», а Жуковский «Одиссею». Пушкин редко употреблял этот размер.

³ Александрийский стих — шестистопный ямб с цезурой после шестого слога; стих этот был самым употребительным в XVIII в. в больших произведениях. Этим размером Пушкин написал «Анжелю». В XIX в. этот размер стал выходить из употребления.

⁴ Буало (1636—1711) — французский поэт, автор сатир и поэмы «Искусство поэзии», в которой изложены строгие

Шагал он чинно, стянут был цезурой.
Но пудреной пиитике¹ на зло
Растреплен он свободно цезурой —
Учение не в прок ему пошло —
Hugo² с товарищи,³ друзья природы,
Его гулять пустили без цезуры.

От школы прежней он уж далеко,
Он предался совсем другим уставам.
Как резвая покойница Жоко⁴
Александрийский стих по всем составам⁵
Развинчен, гнется, прыгает легко,
Ломается, на диво костоправам —

правила, являвшиеся руководящими для поэтов «классического» направления. Буало писал строгим классическим александрийским стихом. Направление Буало было одобрено Людовиком XIV и является выражением в поэзии идеологии французского абсолютизма и социальных слоев, на которые абсолютизм опирался. После французской революции Буало стал подвергаться суровой критике.

¹ Пиитика или поэтика — учение о поэзии: здесь Пушкин понимает «Искусство поэзии» Буало и вообще правила классицизма, называя их «пудреными» т. е. характерными для высших классов дореволюционной Франции, когда носили пудренные парики.

² Гюго (1802—1885) — французский поэт, глава романтиков; среди прочих нововведений в стихах Гюго александрийский стих приобрел большую гибкость и свободу; в частности остановка на цезуре в середине александрийского стиха не так сильна и строга, как у поэтов-классиков.

³ С товарищи — славянский оборот, вместо «с товарищами». Здесь имеются в виду молодые французские поэты-романтики, друзья Гюго, провозгласившие свободу от стеснительных правил классицизма во имя большей естественности («друзья природы», т. е. природы, естественности).

⁴ Жоко — обезьяна в мелодраме «Жоко, или бразильская обезьяна», шедшей с большим успехом во Франции в 1825 г. а затем ставившейся в России. Роль Жоко исполняли акробаты.

⁵ Составы — суставы.

Они ворчат: уймется ль негодяй,
Какой повеса! Экий разгильдяй!..

О, что б сказал поэт-законодатель,¹
Гроза несчастных, мелких рифмачей,
И ты, Расин,² бессмертный подражатель,
Певец влюбленных женщин и царей,
И ты, Вольтер,³ философ и ругатель,
И ты, Делиль,⁴ парнасский муравей,
Что б вы сказали, сей соблазн увидя —
Наш век обидел вас, ваш стих обидя.

У нас его недавно стали гнать
(Кто первый — можете у Телеграфа⁵
Спросить и хорошенько всё узнать —)
Он годеи, говорят, для эпиграфа⁶
Да можно им, порою, украшать
Гробницы или мрамор кенотафа;⁷
До наших мод, благодаря судьбе,
Мне дела нет: беру его себе.

¹ Поэт-законодатель — Буало.

² Расин (1639—1699) — французский драматический писатель, главный представитель классической трагедии, друг Буало. Трагедии Расина отличались чистотой и звучностью александрийского стиха.

³ Вольтер (1694—1778) — свободомыслящий поэт и философ XVIII в. (см. стр. 48).

⁴ Делиль (1738—1813) — французский поэт классического направления, автор многочисленных «описательных» поэм, писанных александрийским стихом. В 30-х годах авторитет Делиля, пользовавшегося до того славой одного из лучших поэтов Франции, стал сильно падать, и Пушкин о нем отзывался насмешливо.

⁵ См. прим. на стр. 179.

⁶ Эпиграф — здесь в значении короткого стихотворения, содержащего в краткой формулировке какую-нибудь мысль, вроде стихотворного изречения.

⁷ Кенотаф — пустое надгробие, сооружаемое в чью-нибудь память не на месте погребения.

После строфы VIII:

И там копышутся себе в грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой.
Кто с жабой, кто с лягушками в связи,
Кто раком пятится, кто вьется змейкой...
Но, Муза, им и в шутку не грози —
Не то тебя покромом телогрейкой¹
Оборванной, и вместо похвалы
Поставим в угол Северной Пчелы.²

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя в Москве журналы прозовут,
Или Газетою Литературной³
Ты будешь призвана на барский суд.
Ведь нынче время споров, брани бурной,
Друг на друга словесники идут,
Друг друга жмут, друг друга колют, губят,
И хором про свои победы трубят.

Читатель, можешь там глядеть на всех,
Но издали и смейся то над теми,
То над другими: верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми.
Но сам в толпу не суйся... или смех

¹ Телогрейка — в критической статье о поэзии Дельвига московский критик Киреевский допустил выражение: «телогрейка новейшего уныния». Выражение это было осмеяно в разных журналах.

² «Северная Пчела» — газета реакционного направления, издававшаяся Булгариним и являвшаяся неофициальным органом правительства Николая I. В эти годы в «Северной Пчеле» печатались статьи, направленные против Пушкина.

³ «Литературная Газета» — газета, выходившая каждые пять дней под редакцией Дельвига при ближайшем участии Пушкина. Сотрудники «Газеты» были объявлены враждебными журналами «литературными аристократами», почему критические статьи ее Пушкин называет «барскими».

Плохой уж выдет: шутками одними
Тебя как шапками и враг и друг
Соединясь все закидают вдруг.

*

Тогда давай бог ноги... Потому-то
Здесь имя подписать я не хочу —¹
Порой я стих повертываю круто,
Всё ж видно, не впервой я им верчу,
А как давно? того и не скажу-то.
На критиков я еду, не свищу,
Как древний богатырь — а как наеду...
Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

*

Покамест, можете принять меня
За старого, обстреленного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало толка.
У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
Отведена особенная полка —
А может быть впервой хочу послать
Свою тетрадку в мокрую печать.

*

Ах, если бы меня под легкой маской
Никто в толпе забавной не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого критик строго пощелкал!
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.

*

А вероятно, не заметят нас,
Меня с октавами моими купно.

¹ Пушкин первоначально предполагал печатать «Домик в Коломне» без подписи. Печатавая эту повесть за подписью, он исключил эти строфы.

Однако ж нам пора. Ведь я рассказ
Готовил — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю вас.
Язык мой враг мой: всё ему доступно,
Он обо всем болтать себе привык!..
Фригийский раб,¹ на рынке взяв язык,

*

Сварил его (у господина Копа²
Коптят его). Езоп его потом
Принес на стол... Опять! зачем Езопа
Я вплеп с его вареным языком
В мои стихи — что вся прочла Европа,
Нет нужды вновь беседовать о том...
Насилу-то, рифмач я безрассудный,
Отделался от сей октавы трудной.

¹ Фригийский раб — Эзоп (VI в. до нашего летосчисления), греческий баснописец, был рабом из Фригии (в Малой Азии). О нем существует рассказ, что когда хозяин его приказал ему купить на рынке лучшее, что есть, он купил язык, объяснив свой выбор тем, что язык — источник истины и знания; когда ему велели купить худшее, что он найдет, он снова купил язык, сказав, что язык — источник лжи и ссор.

² Кол — содержатель гостиницы и ресторана в Москве, на Тверской площади. В этой гостинице останавливался Пушкин в 1830 г. проездом из Петербурга в Болдино.

АНДЖЕЛО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В одном из городов Италии счастливой
Когда-то властвовал предобрый, старый Дук,¹
Народа своего отец чадолюбивый,
Друг мира, истины, художеств и наук.
Но власть верховная не терпит слабых рук,
А доброте своей он слишком предавался.
Народ любил его, и вовсе не боялся.
В суде его дремал карающий закон
Как дряхлый зверь уже к ловитве неспособный.
Дук это чувствовал в душе своей незлобной,
И часто сетовал. Сам ясно видел он,
Что хуже дедушек с дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенок уж кусал,
Что правосудие сидело сложа руки
И по носу его ленивый не щелкал.

II

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный,
Хотел восстановить порядок упущенный;
Но как? Зло явное, терпимое давно,
Молчанием суда уже дозволено,
И вдруг его казнить совсем несправедливо
И странно было бы — тому же особливо,
Кто первый сам его потворством ободрял.
Что делать? долго Дук терпел и размышлял.

¹ Дук — герцог — титул владетельных князей некоторых мелких итальянских государств.

Размыслив наконец, решился он на время
Предать иным рукам верховной власти бремя,
Чтоб новый властелин расправой новой мог
Порядок вдруг завести и был бы крут и строг.

III

Был некто Анджело. Муж опытный, не новый
В искусстве властвовать; обычаем суровый,
Бледнеющий в трудах, ученьи и посте,
За нравы строгие прославленный везде,
Стеснивший весь себя оградой законной,
С нахмуренным лицом и с волей непреклонной,
Его-то старый Дук наместником нарек,
И в ужас ополчил и милостью облек,
Неограниченны права ему вручая.
А сам, докучного вниманья избегая,
С народом не простясь, incognito,¹ один
Пустился странствовать как древний паладин.²

IV

Лишь только Анджело вступил во управление,
И всё тотчас другим порядком потекло,
Пружины ржавые опять пришли в движенье,
Законы поднялись, хватая в когти зло,
На полных площадях, безмолвных от боязни,
По пятницам пошли разыгрываться казни,
И ухо стал себе почесывать народ
И говорить: «Эхе! да этот уж не тот».

V

Между законами забытыми в ту пору
Жестокий был один. Закон сей изрекал
Прелюбодею смерть. Такого приговору
В том городе никто не помнил, не слышал.
Угрюмый Анджело в громаде уложенья

¹ Инкогнито — под чужим именем.

² Паладин — странствующий рыцарь.

Ее смутить не мог неведомый ей мир
Своею суетой и праздными речами.)
— Теперь, примолвил он, осталось лишь

мольбами

Вам тронуть Анджело — и вот о чем просил
Вас братец. «Боже мой, — девица отвечала,
Когда б от слов моих я пользы ожидала!..
Но сомневаюсь; во мне не станет сил...»
— Сомненья нам враги, тот с жаром возразил,
Нас неудачею предатели страшат,
И благо верное достать не допускают.
Ступайте к Анджело, и знайте от меня,
Что если девица, колена преклоня
Перед мужчиною и просит и рыдает,
Как бог он всё дает, чего ни пожелает.

IX

Девица, отпросясь у матери честной,
С усердным Луцио к вельможе поспешила,
И на колена став, смиренно мольбой
За брата своего наместника молила.
«Девица, отвечал суровый человек,
Спасти его нельзя — твой брат свой отжил век;
Он должен умереть». Заплакав, Изабела
Склонилась перед ним и прочь идти хотела,
Но добрый Луцио девицу удержал.
«Не отступайте так, он тихо ей сказал,
Просите вновь его, бросайтесь на колени,
Хватайтесь за плащ, рыдайте; слезы, пени,
Все средства женского искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишком холодны,
Как будто речь идет меж вами про иголку.
Конечно, если так, не будет верно толку.
Не отставайте же! еще!»

X

Она опять
Усердно мольбой стыдливо умолять
Жестокосердного блюстителя закона.

«Поверь мне, говорит, ни царская корона,
Ни меч наместника, ни бархат судии,
Ни полководца жезл² — все почести сии —
Земных властителей ничто не украшает
Как милосердие; оно их возвышает.
Когда б во власть твою мой брат был облечен,
А ты был Клавдио, ты мог бы пасть как он,
Но брат бы не был строг как ты».

XI

Ее укором

Смущен был Анджело. Сверкая мрачным взором,
«Оставь меня, прошу», сказал он тихо ей;
Но дева скромная и жарче и смелей
Была час от часу. «Подумай, — говорила, —
Подумай, если тот, чья праведная сила
Прощает и целит, судил бы грешных нас
Без милосердия; скажи: что было б с нами?
Подумай — и любви услышишь в сердце глас,
И милость нежная твоими дхнет устами,
И новый человек ты будешь».

XII

Он в ответ:

«Поди; твои мольбы пустая слов утрата.
Не я, закон казнит. Спасти нельзя мне брата,
И завтра он умрет».

Изабела

Как, завтра! что? нет, нет:

Он не готов еще, казнить его не можно...
Ужели господа пошлем неосторожно
Мы жертву наскоро. Мы даже и цыплят

¹ Здесь перечисляются внешние признаки, принадлежащие разным должностям. В западных государствах судьи носят мантии, которые раньше шились из бархата; полководцам в знак их военной власти вручался особый жезл.

Не бьем до времени. Так скоро не казнят.
Спаси, спаси его: подумай в самом деле,
Ты знаешь, государь, несчастный осужден
За преступление, которое доселе
Прошлось каждому; постраждет первый он.

А н д ж е л о

Закон не умирал, но был лишь в усыпленье,
Теперь проснулся он.

И з а б е л а

Будь милостив!

А н д ж е л о

Нельзя.

Потворствовать греху есть то же преступленье,
Карая одного, спасаю многих я.

И з а б е л а

Ты ль первый изречешь сей приговор ужасный?
И первой жертвою мой будет брат несчастный.
Нет, нет: будь милостив. Ужель душа твоя
Совсем безвинная? спросись у ней: ужели
И мысли грешные в ней отроду не тлели?

XIII

Невольно он вздрогнул, поникнул головой
И прочь идти хотел. Она: «постой, постой!
Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя... прями мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Пред утренней зарей в полунощной тиши,
Молитвами любви, смирения и мира,
Молитвами святых, угодных небу дев,

В уединении умерших уж для мира,
Живых для господ».

Смущен и присмирив,
Он ей свидание на завтра назначает
И в отдаленные покои поспешает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

День целый Анджело безмолвный и угрюмый
Сидел уединясь, объят одною думой,
Одним желанием. Всю ночь не тронул сон
Усталых вежд его. «Что ж это? мыслит он,
Ужель ее люблю, когда хочу так сильно
Услышать вновь ее и взор мой усладить
Девичьей прелестью? По ней грустит умильно
Душа... или когда святого уловить
Захочет бес, тогда приманкою святою
И манит он на крюк? Нескромной красотой
Я не был от роду к соблазнам увлечен,
И чистой девою теперь я побежден.
Влюбленный человек доселе мне казался
Смешным, и я его безумству удивлялся.
А ныне!..»

II

Размышлять, молиться хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно. Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной. В унынье погружен,
Устами праздными жевал он имя бога,
А в сердце грех кипел. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него,
Как дельная, давно затверженная книга,
Несносным сделалось. Скучал он; как от ига
Отречься был готов от сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народ бессмысленно дивился,

Ценил он ни во что и сравнивал с пером,
Носимым в воздухе летучим ветерком...
.

По утру к Анджело явилась Изабела
И странный разговор с заместником имела...

III

Анджело

Что скажешь?

Изабела

Волю я твою пришла узнать.

Анджело

Ах, если бы ее могла ты угадать!..
Твой брат не должен жить... а мог бы.

Изабела

Почему же

Простить нельзя его?

Анджело

Простить? что в мире хуже
Столь гнусного греха? Убийство легче.

Изабела

Да,

Так судят в небесах, но на земле, когда?

Анджело

Ты думаешь? Так вот тебе предположение:
Что если б отдали тебе на разрешение —
Оставить брата влечь ко плахе на убой,
Иль искупить его, пожертвовав собой
И плоть предав греху?

Изабела

Скорее, чем душою,
Я плотью жертвовать готова.

Анджело

Я с тобою
Теперь не о душе толкую... дело в том:
Брат осужден на казнь; его спасти грехом
Не милосердие ль?

Изабела

Пред богом я готова
Душою отвечать: греха в том никакого,
Поверь, и нет. Спаси ты брата моего!
Тут милость, а не грех.

Анджело

Спасешь ли ты его,
Коль милость на весах равно с грехом потянет?

Изабела

О пусть моим грехом спасенье брата станет!
(Коль только это грех.) О том готова я
Молиться день и ночь.

Анджело

Нет, выслушай меня,
Или ты слов моих совсем не понимаешь,
Или понять меня нарочно избегаешь,
Я проще изъяснюсь: твой брат приговорен.

Изабела

Так.

А н д ж е л о

Смерть изрек ему решительно закон.

И з а б е л а

Так точно.

А н д ж е л о

Средство есть одно к его спасенью.

(Всё это клонится к тому предположению,
И только есть вопрос и больше ничего.)
Положим: тот, кто б мог один спасти его
(Наперсник судии, иль сам по сану властный
Законы толковать, смягчить их смысл ужасный),
К тебе желаньем был преступным воспален,
И требовал, чтоб ты казнь брата искупила
Своим падением, не то — решит закон.
Что скажешь? как бы ты в уме своем решила?

И з а б е л а

Для брата, для себя решилась бы скорей,
Поверь, как яхонты носить рубцы бичей
И лечь в кровавый гроб спокойно как на ложе,
Чем осквернить себя.

А н д ж е л о

Твой брат умрет.

И з а б е л а

Так что же?

Он лучший путь себе конечно изберет.
Бесчестием сестры души он не спасет.
Брат лучше раз умри, чем гибнуть мне навечно

А н д ж е л о

За что ж казалось тебе бесчеловечно
Решение суда? Ты обвиняла нас
В жестокосердии. Давно ль еще? Сейчас

Ты праведный закон тираном называла,
А братний грех едва ль не шуткой почитала.

И з а б е л а

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себе самой
Противуречила я, милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

А н д ж е л о

Я твоим признаньем ободрен.
Так, женщина слаба, я в этом убежден
И говорю тебе: будь женщина, не боле —
Иль будешь ничего. Так покорися воле
Судьбы своей.

И з а б е л а

Тебя я не могу понять.

А н д ж е л о

Поймешь: люблю тебя.

И з а б е л а

Увы! что мне сказать?
Джюльету брат любил, и он умрет, несчастный.

А н д ж е л о

Люби меня, и жив он будет.

И з а б е л а

Знаю: властный
Испытывать других, ты хочешь.

А н д ж е л о

Нет, клянусь,
От слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся честью.

Изабела

О много, много чести!
И дело честное!.. Обманчик! демон лести!
Сейчас мне Клавдио свободу подпиши,
Или поступок твой и черноту души
Я всюду разгласю — и полно лицемерить
Тебе перед людьми.

Анджело

И кто же станет верить?
По строгости моей известен свету я;
Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя
И самый приговор над братней головою
Представят твой донос безумной клеветою.
Теперь я волю дал стремлению страстей.
Подумай и смирись пред волею моей;
Брось эти глупости: и слезы, и моления,
И краску робкую. От смерти, от мученья
Тем брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его от плахи роковой.
До завтра от тебя я стану ждать ответа.
И знай, что твоего я не боюсь извета.
Что хочешь, говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнет ложь моя.

IV

Сказал, и вышел вон, невинную девицу
Оставя в ужасе. Поднявши к небесам
Молящий, ясный взор и чистую десницу,
От мерзостных палат спешит она в темницу.
Дверь отворилась ей; и брат ее глазам
Представился.

V

В цепях, в унынии глубоком,
О светских радостях стараясь не жалеть,
Еще надеясь жить, готовясь умереть,

Безмолвен он сидел, и с ним в плаще широком
Под черным куколем¹ с распятием в руках
Согбенный старостью беседовал монах.
Старик доказывал страдальцу молодому,
Что смерть и бытие равны одна другому,
Что здесь и там одна бессмертная душа
И что подлунный мир не стоит ни гроша. —
С ним бедный Клавдио печально соглашался,
А в сердце милою Джульетой занимался.
Отшельница вошла: мир вам! — очнулся он
И смотрит на сестру, мгновенно оживлен.
«Отец мой, — говорит монаху Изабела, —
Я с братом говорить одна бы здесь хотела».
Монах оставил их.

VI

Клавдио

Что ж, милая сестра,

Что скажешь?

Изабела

Милый брат, пришла тебе пора.

Клавдио

Так нет спасенья?

Изабела

Нет, иль разве поплатиться
Душой за голову?

Клавдио

Так средство есть одно?

Изабела

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья готов
смягчиться.

¹ Куколь — монашеская одежда.

В нем милосердие бесовское: оно
Тебе дарует жизнь за узы муки вечной.

К л а в д и о

Что? вечная тюрьма?

И з а б е л а

Тюрьма — хоть без оград,
Без цепи.

К л а в д и о

Изъяснись, что ж это?

И з а б е л а

Друг сердечный,
Брат милый! Я боюсь... Послушай, милый брат,
Семь, восемь лишних лет ужель тебе дороже
Всегдашней чести? Брат, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? миг. И много ли терпеть?
Раздавленный червяк при смерти терпит то же,
Что терпит великан.

К л а в д и о

Сестра! или я трус?

Или идти на смерть во мне не станет силы?
Поверь, без трепета от мира отрешусь,
Коль должен умереть; и встречу ночь могилы
Как деву милую.

И з а б е л а

Вот брат мой! узнаю;

Из гроба слышу я отцовский голос. Точно:
Ты должен умереть; умри же беспорочно.
Послушай, ничего тебе не утаю:
Тот грозный судия, святоша тот жестокий,
Чьи взоры строгие во всех родят боязнь,
Чья избранная речь шлет отроков на казнь,

Сам демон, сердце в нем черно как ад глубокий
И полно мерзостью.

К л а в д и о

Наместник?

И з а б е л а

Ад облек
Его в свою броню. Лукавый человек!..
Знай: если б я его бесстыдное желанье
Решилась утолить, тогда бы мог ты жить.

К л а в д и о

О нет, не надобно.

И з а б е л а

На гнусное свиданье,
Сказал он, нынче в ночь должна я поспешить,
Иль завтра ты умрешь.

К л а в д и о

Нейди, сестра.

И з а б е л а

Брат милый!
Бог видит: ежели одной моей могилкой
Могла бы я тебя от казни искупить,
Не стала б более иголки дорожить
Я жизнью моей.

К л а в д и о

Благодарю, друг милый!

И з а б е л а

Так завтра, Клавдио, ты к смерти будь готов.

Клавдио

Да, так... и страсти в нем кипят с такою силой!
Иль в этом нет греха иль из семи грехов¹
Грех этот меньший. Как? Такого прегрешенья
Там верно не казнят. Для одного мгновенья
Ужель себя сгубить решился б он навек?
Нет, я не думаю. Он умный человек.
Ах, Изабела!

Изабела

Что? что скажешь?

Клавдио

Смерть ужасна!

Изабела

И стыд ужасен.

Клавдио

Так — однако ж... умереть,
Идти неведомо куда, во гробе тлеть
В холодной тесноте... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным,
И всё, что грезится отчаянной мечте...
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе... будет раем
В сравненьи с тем, чего за гробом ожидаем!

Изабела

О, боже!

¹ По учению церкви, существуют «семь смертных грехов»: гордость, зависть, скупость, сластолюбие (половая распущенность), чревоугодие (обжорство и пьянство), гнев и леность; эти грехи являются источником всех прочих грехов и преступлений и ведут людей к гибели

Клавдио

Друг ты мой! сестра! позволь мне жить...
Уж если будет грех спасти от смерти брата,
Природа извинит.

Изабела

Что смеешь говорить?

Трус! тварь бездушная! от сестрина разврата
Себе ты жизни ждешь!.. Кровосмеситель! нет,
Я думать не могу, нельзя, чтоб жизнь и свет
Моим отцом тебе даны. Прости мне, боже!
Нет, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То всё-таки б теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитв за смерть твою имею,
За жизнь — уж ни одной.

Клавдио

Сестра, стой, стой!
Сестра, прости меня!

VII

И узник молодой

Удерживал ее за платье. Изабела
От гнева своего насилу охладела,
И брата бедного простила, и опять,
Лаская, начала страдальца утешать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Монах стоял меж тем за дверью отпертою
И слышал разговор меж братом и сестрою.
Пора мне вам сказать, что старый сей монах
Не что иное был, как Дук переодетый.
Пока народ считал его в чужих краях
И сравнивал шутя с бродящею кометою,

Скрывался он в толпе, всё видел, наблюдал
И соглядатаем незрмым посещал
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображение живое Дук имел;
Романы он любил и, может быть, хотел
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.¹
Младой отшельницы подслушав весь рассказ,
В растроганном уме решил он тот же час
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кос-что... Он тихо в дверь вошел,
Девицу отозвал и в уголок отвел.
«Я слышал всё, сказал, — ты похвалы достойна,
Свой долг исполнила ты свято: но теперь
Предайся ж ты моим советам. Будь покойна,
Всё к лучшему придет; послушна будь и верь».
Тут он ей объяснил свое предположенье
И дал прощальное свое благословенье.

II

Друзья! поверите ль, чтоб мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зеркало,
Желанья женские навеки привязало
И нежной красоте понравиться могло?
Не чудно ли? Но так. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человек, сей грешник — был любим.
Душою нежною, печальной и смиренной,
Душой отверженной мучителем своим.
Он был давно женат. Летунья легкокрыла
Младой его жены молва не пощадила,
Без доказательства насмешливо коря;
И он ее прогнал, надменно говоря:
«Пускай себе молвы неправо обвиненье,

¹ Гарун-Аль-Рашид — халиф (царь) Багдада, жил в VIII в. В арабских сказках «Тысяча и одна ночь» он часто упоминается как мудрый государь, и про него рассказывается, как он переодетый ходил по улицам Багдада и осведомлялся о жизни багдадских граждан.

Нет нужды. Не должно коснуться подозренье
К супруге Кесаря».¹ С тех пор она жила
Одна в предместии, печально изнывая.
Об ней-то вспомнил Дук, и дева молодая
По наставлению монаха к ней пошла.

III

Марьяна под окном за пряжею сидела
И тихо плакала. Как ангел Изабела
Пред ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома с ней,
И часто утешать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчас объяснила.
Марьяна, только лишь настанет ночи мгла,
К палатам Анджело идти должна была,
В саду с ним встретиться под каменной оградой
И, наградив его условленной наградой,
Чуть внятным шопотом, прощаяся, шепнуть
Лишь только то: «теперь о брате не забудь».
Марьяна бедная сквозь слезы улыбалась,
Готовилась дрожа — и дева с ней рассталась.

IV

Всю ночь в темнице Дук последствий ожидал
И, сидя с Клавдио, страдальца утешал.
Пред светом снова к ним явилась Изабела.
Всё шло как надобно: сейчас у ней сидела
Марьяна бледная, с успехом возвратясь
И мужа обманув. Денница занялась —

¹ Кесарь — Цезарь (100—44 гг. до нашего летоисчисления), государственный деятель и полководец Рима, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти и тем положивший конец республиканскому строю. Ему приписывают выражение: «Жена Цезаря не должна возбуждать даже подозрения»: он развелся со своей женой после того, как в дом жены проник мужчина, добивавшийся ее любви; хотя жена Цезаря и не ответила взаимностью и Цезарь не предъявил ей никакого обвинения, но этой фразой он объяснил судьям причину развода.

Вдруг запечатанный приказ приносит вестник
Читают: что ж? Начальнику тюрьмы. Наместник
Немедля узника приказывал казнить
И голову его в палаты предъявить.

V

Замыслив новую затею, Дук представил
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
И казнь остановил, а к Анджело отправил
Другую голову, велев обречь и снять
Ее с широких плеч разбойника морского,
Горячкой в ту же ночь умершего в тюрьме,
А сам отправился, дабы вельможу злого,
Столь гнусные дела творящего во тьме,
Пред светом обличить.

VI

Едва молва невнятно
О казни Клавдио успела пробежать,
Пришла другая весть. Узнали, что обратно
Ко граду едет Дук. Народ его встречать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совестью, предчувствием стесненный,
Туда же поспешил. Улыбкой добрый Дук
Приветствует народ, теснящийся вокруг,
И дружно к Анджело протягивает руку.
И вдруг раздался крик — и прямо в ноги Дуку
Девица падает. «Помилуй, государь!
Ты щит невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!..» — Анджело бледнеет и трепещет
И взоры дикие на Изабелу мечет...¹
Но победил себя. Оправиться успев,
«Она помешана, сказал он, видев брата
Приговоренного на смерть. Сия утрата
В ней разум потрясла...»

Но обнаружа гнев

¹ Мечет — вместо «мечет» (бросает) — старинная форма.

И долго скрытое в душе негодование,
«Всё знаю, молвил Дук, всё знаю! наконец
Злодейство на земле получит воздаянье.
Девица, Анджело! за мною, во дворец!»

VII

У трона во дворце стояла Мариана
И бедный Клавдио. Злодей, увидя их,
Затрепетал, челом поникнул и утих;
Всё объяснилось, и правда из тумана
Возникла; Дук тогда: «что, Анджело, скажи,
Чего достоин ты?» Без слез и без боязни
С угрюмой твердостью тот отвечает: «казни.
И об одном молю: скорее прикажи
Вести меня на смерть». —

«Иди, сказал властитель,

Да гибнет судия — торгош и обольститель»;
Но бедная жена, к ногам его упав,
— Помилуй, — молвила, — ты, мужа мне отдав
Не отымай опять; не смейся надо мною.
«Не я, но Анджело смеялся над тобою, —
Ей Дук отвечает, — но о твоей судьбе
Сам буду я печись.¹ Останутся тебе
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему». — Мне лучшего не надо
Помилуй, государь! не будь неумолим,
Твоя рука меня соединила с ним!
Ужели для того так долго я вдовела?
Он человечеству свою принес лишь дань.
Сестра! спаси меня! друг милый Изабела!
Проси ты за него, хоть на колени стань,
Хоть руки подыми ты молча. —

Изабела

Душой о грешнике, как ангел, пожалела
И пред властителем колена преклоня,
«Помилуй, государь, — сказала. — За меня

¹ Печись — заботиться.

Не осуждай его. Он (сколько мне известно,
И как я думаю) жил праведно и честно,
Покамест на меня очей не устремил
Прости же ты его!»

И Дук его простил.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ

(ОТРЫВОК ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ)

Начнем ab ovo:¹

Мой Езерский
Происходил от тех бождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил берега морей.²
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода³
(Гласит софийский хронограф).⁴
При Ольге,⁵ сын его Варлаф
Приял крещенье в Цареграде
С приданным греческой княжны.
От них два сына рождены,
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб, а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

¹ «С самого начала», буквально: от яйца (предполагается Леды). Произносится: «аб ово». Выражение основано на греческом мифе о происхождении древних греков Кастора и Поллукса и их сестер Елены и Клитемнестры из яиц, снесенных Ледой, возлюбленной Юпитера, к которой он явился под видом лебедя. Так как Елена была поводом к Троянской войне, воспетой в поэмах Гомера, то яйца Леды рассматривались как первопричина многих событий величайшей важности.

² Имеются в виду варяги, захватом славянских городов положившие начало Руси.

³ «Был очень грозным военачальником».

⁴ *Софийский хронограф* — собрание новгородских летописей, относящееся к XV в.

⁵ *Ольга* — киевская княгиня, правившая Русью с 945 по 955 г.

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью,
И в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке ¹
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен как комар
Задами тяжкими татар.
За то со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар,
Между Непрядвою и Доном, ²
Ударя с тыла в табор их
С дружиной суздальцев своих.

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамол и смут во дни кровавы
Блестят Езерских имена.
Они и в войске, и в совете,
На воеводстве, и в ответе ³
Служили доблестно царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких *пересев*. ⁴

¹ Битва при Калке 1224 г. — первое сражение русских с татарами, в котором русские были совершенно разбиты.

² Между Непрядвою и Доном находится Куликово поле, где произошло сражение в 1380 г. между русскими и татарами, окончившееся победой русских. С этого сражения начинается постепенное освобождение русских княжеств от власти татар.

³ В посольстве. *Прим. Пушкина.*

⁴ *Пересесть кого-нибудь* — старинное выражение, значит занять место выше. *Прим. Пушкина.*

Когда от думы величавой
Приял Романов свой венец,
Как под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вѣроги смирились:
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе,
При императоре Петре...
Но извините: статья может,
Читатель, вам я досадил;
Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой.

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав, ¹ князь Курбский, ² иль Ермак, ³
Или Митюшка целовальник, ⁴
Вам всё равно. Конечно, так
Вы презираете отцами,
Их славой, честью, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещения ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою *собственных заслуг*,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

¹ Мстислав — один из русских князей XI в., сын Владимира; известен своими походами против хазар и черкесов.

² Князь Курбский (1528—1583) — государственный деятель при Иоанне IV, представитель боярской партии, бежал в Польшу в 1564 г. и вел оттуда полемику против царя Иоанна.

³ Ермак — атаман донских казаков, завоеватель Сибири (XVI в.).

⁴ Целовальник — кабатчик, продавец в винной лавке.

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;
Но каюсь: новый Ходаковский,¹
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды; что спроста
Из бар мы лезем в tiers-état,²
Что нам не впрок пошли науки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,³
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,⁴
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва⁵

Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел двенадцать тысяч душ;
Из них отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

¹ Известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад. *Прим. Пушкина.*

Ходаковский — псевдоним историка Чернецкого (1784 — 1825 г.)

² Третье сословие: буржуазия; произносится: «тьерзэ́та».

³ *Князь Пожарский* (1578—1642)—вождь ополчения, освободившего Москву от занимавших ее поляков; Пожарский не имел потомства.

⁴ *Фиглярин* — браинье прозвище Булгарина, издателя «Северной Пчелы»; на страницах ее велась борьба с группой писателей, близких Пушкину, которых Булгарин называл «литературной аристократией».

⁵ *Геральдический лев* — обычное условное изображение льва на гербах многих дворянских родов.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВЕСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. И. Берхом.¹

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял он,² дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем Шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено

¹ Берх (1781—1834) — автор книги «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге». В этой книге дано подробное описание наводнения 7 ноября 1824 г.

² Он — Петр 1, основатель Петербурга.

В Европу прорубить окно; ⁽¹⁾¹
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги² в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся:
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная³ вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,

¹ К словам, помеченным цифрами в скобках, даны примечания Пушкиным. Они помещены после текста поэмы.

² Флаги — корабли различных государств.

³ Порфира — особая мантия, знак императорской власти. Порфиноносный — здесь в значении сохраняющий права на почести, оказываемые царям; буквально: носящий порфиру.

Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,¹
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю злымы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз
И блеск и шум и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.²
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,³
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни⁴ дым и гром,

¹ Адмиралтейская игла — золоченый шпиль на здании Адмиралтейства.

² Пунш — напиток, смесь рома и пряностей; пунш пили в горячем виде и предварительно зажигали.

³ Марсово поле — ныне поле Жертв революции — большая площадь, на которой прежде производились парады и военные учения.

⁴ Речь идет о Петропавловской крепости, с которой производились выстрелы в торжественных случаях.

Когда полнощная¹ царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет,
И чуя вешни дни, ликует. (?)

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора...
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей оградыстройной,
Нева металась как больно
В своей постели беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И востер дул печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно

¹ Полнощная — северная, т. е. русская.

Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.¹
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина²
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом³ и молвой
Оно забыто. Наш герод
Живет в Коломне, где-то служит —
Дичится знатных и не тужит
Ни о почившей родне,
Ни о забытой старине.

И так, домой пришел,⁴ Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненьи разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливы,
Ума не дальнего, ленивы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода

¹ «Медный всадник» написан через три года после окончания «Евгения Онегина», над которым Пушкин работал в течение семи лет.

² Карамзин (1766—1826) — писатель, оказавший большое влияние на Пушкина и его сверстников; здесь упоминается как автор «Истории Государства Российского». Пушкин хочет сказать, что герой происходил из знатного старинного рода, и его предки занимали важные посты, принимали участие в исторических событиях, упоминаемых в истории Карамзина.

³ Свет — высший дворянский круг.

⁴ Пришел — старинная форма, вместо «придя».

Не унималась; что река
Всё прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли¹
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...⁽³⁾

Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редает мгла ненастной ночи,
И бледный день уж настает...
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...²
И спорить стало ей не в мочь...
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова.
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом хлопоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало. Всё вокруг

¹ В эти годы на Неве еще не было постоянных мостов. Мосты были плывучие, наводные. В случае опасности сильного наводнения, ледохода эти мосты разводились, и переправа через Неву прекращалась.

² Слово «их» относится к морю и буре.

Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь¹ как Тритон²
По пояс в воду погружен...

Осада! приступ! Злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! всё гибнет: кров и пища!
Где будет взять?

В тот грозный год

Покойный царь³ еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе, скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны⁴ озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.

¹ Петрополь — Петербург.

² Тритон — по греко-римской мифологии морское божество.

ство.

³ Александр I; Пушкин, относившийся к политике Александра I отрицательно и считавший его слабым и безвольным, и здесь изобразил бессилие царя в борьбе с наводнением.

⁴ Стогны — площади (славянское слово).

Царь молвил. — Из конца в конец
По ближним улицам и дальным
В опасный путь, средь бурных вод
Его пустились генералы⁽⁴⁾
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда на площади Петровой,¹
Где дом в углу вознесся новый,²
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижимый, страшно бледный
Евгений. Он страшился бедный
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились.
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже! там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,

¹ Петровская площадь — ныне площадь Декабристов.

² Описанный Пушкиным дом принадлежал князю Лобанову-Ростовскому; он построен архитектором Монферраном (строителем Исаакиевского собора) в 1823 г. Стоящие перед домом львы — работы итальянского скульптора Тришкорни. Дом существует и в настоящее время (проспект Шошала, угол пр. Майорова).

Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива, были здесь ворота,
Снесло их видно. Где же дом?
И полон сумрачной заботы,
Всё ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей,
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей¹
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний всё вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки.

Граф Хвостов,²

¹ Багряница — плащ или мантия красного (багряного) цвета; торжественное одеяние; здесь образно описывается алый отблеск зари.

² Хвостов (1757—1835) — бездарный стихотворец. В «Невском альманахе» на 1825 г. напечатано было его «Послание о наводнении Петрополя». Он был предметом постоянных насмешек; насмешкой над ним являются и настоящие

Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятельный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирает дороги
Уж никогда; казалось — он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни се, ни житель света
Ни призрак мертвый...

стихи Пушкина, где Хвостов поставлен рядом с чиновниками и торгашами, вернувшись к будничной своей работе.

Раз он спал
 У невской пристани. Дни лета
 Клонились к осени. Дышал
 Ненастный ветер. Мрачный вал
 Плескал на пристань, ропща пени
 И бясь об гладкие ступени,
 Как челобитчик¹ у дверей
 Ему не внемлющих судей.
 Бедняк проснулся. Мрачно было:
 Дождь капал, ветер выл уныло,
 И с ним вдали во тьме ночной
 Перекликался часовой...
 Вскочил Евгений; вспомнил живо
 Он прошлый ужас; горопливо
 Он встал; пошел бродить, и вдруг
 Остановился, и вокруг
 Тихонько стал водить очами
 С боязнью дикой на лице.
 Он очутился под столбами
 Большого дома. На крыльце
 С поднятой лапой как живые
 Стояли львы сторожевые,
 И прямо в темной вышине
 Над огражденною скалою
 Кумир с простертою рукою
 Сидел на бронзовом коне. (6)

Евгений вздрогнул. Прояснились
 В нем страшно мысли. Он узнал
 И место, где потоп играл,
 Где волны хищные толпились,
 Бунтуя злобно вокруг него,
 И львов, и площадь, и того,
 Кто неподвижно возвышался
 Во мраке медною главой,

¹ Челобитчик — проситель, истец (от старинной формулы, которою начинались официальные прошения: «быю челом»).

Того, чьей волей роковой
 Под морем город основался...
 Ужасен он в окрестной мгле!
 Какая дума на челе!
 Какая сила в нем сокрыта!
 А в сем коне какой огонь!
 Куда ты скачешь, гордый конь,
 И где опустишь ты копыта?
 О мощный властелин судьбы!
 Не так ли ты над самой бездной
 На высоте уздой железной
 Россию поднял на дыбы?

Кругом подножия кумира
 Безумец бедный обошел
 И взоры дикие навел
 На лик державца полумира.
 Стеснилась грудь его. Чело
 К решетке хладной прилегло,
 Глаза подернулись туманом,
 По сердцу пламень пробежал,
 Вскипела кровь. Он мрачен стал
 Пред горделивым истуканом
 И зубы стиснув, пальцы сжав,
 Как обуянный силой черной,
 «Добро, строитель чудотворный!»
 Шепнул он злобно задрожав.
 «Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
 Бежать пустился. Показалось
 Ему, что грозного царя,
 Мгновенно гневом возгоря,
 Лицо тихонько обращалось...
 И он по площади пустой
 Бежит и слышит за собой —
 Как-будто грома грохотанье —
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой.
 И озарен луною бледной,
 Простерши руку в вышине,

За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне;
И во всю ночь, безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свели на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

ПРИМЕЧАНИЯ ПУШКИНА

(1) Альгаротти¹ где-то сказал: Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe.²

(2) Смотри стихи кн. Вяземского к графине З***.³

(3) Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший Петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений Oleszkiewicz.⁴ Жаль только, что описание его неточно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

(4) Граф Милорадович⁵ и генерал-адъютант Бенкендорф.⁶

(5) Смотри описание памятника в Мицкевиче.⁷ Оно заимствовано из Рубана⁸ — как замечает сам Мицкевич.

¹ Альгаротти (1712—1764) — итальянский писатель, был в России и в 1739 г. издал письма о России, где находится цитируемая Пушкиным фраза.

² «Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу».

³ В стихотворении Вяземского, посвященном графине Завадовской, «Разговор 7 апреля 1832 г.» имеются стихи:

Я Петербург люблю с его красотою стройной,
С блестящим поясом роскошных островов,
С прозрачной ночью, дня соперницей беззнойной,
И с свежей зеленью молодых его садов.

⁴ «Олешкевич», сатирическое стихотворение Мицкевича (1798—1855) из его сборника 1832 г.

⁵ Милорадович (1771—1825) — петербургский генерал-губернатор, убит во время событий 1825 г.

⁶ Бенкендорф (1783—1844) — в 1824 г. генерал-лейтенант, начальник кирасирской дивизии, с 1826 г. стоял во главе политической полиции в качестве шефа жандармов. Пушкин находился под его непосредственным наблюдением.

⁷ У Мицкевича в том же сборнике имеется стихотворение «Памятник Петра Великого». В этом стихотворении описывается встреча Мицкевича и Пушкина у памятника.

⁸ Рубан (1739—1795) — мелкий писатель XVIII в., поэт и журналист. Им издано в 1779 г. «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга»; ему же принадлежит пользовавшаяся большой известностью стихотворная надпись к статуе Петра.

Не для бесед и ликований,
 Не для кровавых совещаний,
 Не для расспросов кунака,¹
 Не для разбойничей потехи
 Так рано съехались адехи²
 На двор Гасуба старика.
 В неожиданой встрече сын Гасуба
 Рукой завистника убит
 Вблизи развалин Татартуба.³ —
 В родимой сакле он лежит.
 Обряд творится погребальный,
 Звучит уныло песнь муллы.⁴
 В арбу⁵ впряженные волю
 Стоят пред саклею⁶ печальной,
 Двор полон тесною толпой,
 Подъемлют гости скорбный вой
 И с плачем бьют нагрудны брони,
 И внемля шум небоевой,
 Мягутся спутанные кони.

¹ *Кунак* — у кавказских горцев друг, пользующийся правами родственника.

² *Адехи* или *адыгейцы* — черкесы. Пушкин неправильно придает этому слову более широкое значение, называя адехами всех северокавказских горцев. В данном случае речь идет о чеченцах.

³ *Татартуб* — развалины на левом берегу Терека. Место это считалось священным и стало убежищем беглецов, скрывающихся от властей и от личных врагов.

⁴ *Мулла* — магометанский священник.

⁵ *Арба* — горная повозка на Кавказе, телега.

⁶ *Сакля* — хижина горных селений.

Все ждут. Из сакли наконец
 Выходит между жен отец,
 Два узденя¹ за ним выносят
 На бурке хладный труп. Толпу
 По сторонам раздаться просят,
 Слагают тело на арбу
 И с ним кладут снаряд воинский,
 Неразряженную пищаль,²
 Колчан и лук, кинжал грузинский
 И шашки крестовую сталь,
 Чтобы крепка была могила,
 Где храбрый ляжет почивать,
 Чтоб мог на зов он Азраила³
 Исправным воином восстать.

В дорогу шествие готово,
 И тронулась арба. За ней
 Адехи следуют сурово,
 Смирняя молча пыл коней. —
 Уж потухал закат огнистый,
 Златя нагорные скалы,
 Когда долины каменистой
 Достигли тихие волю.
 В долине той враждою жадной
 Сражен наездник молодой,
 Там ныне тень могилы хладной
 Воспримет труп его немой...

Уж труп землю взят. Могила
 Завалена. Толпа вокруг
 Мольбы последние творила.
 Из-за горы явились вдруг
 Старик седой, с ним отрок стройный.
 Дают дорогу пришлецу —

¹ *Узденя* — у кавказских горцев помещик, владевший крепостными, начальник, подчиненный князю.

² *Пищаль* — ружье (старинное название).

³ *Азраил* — у магометан ангел смерти, по призыву которого должно произойти воскресение мертвых.

И старец скорбному отцу
Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе,
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь —
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнул. Смотрит торопливо
Гасуб на отрока. Тазит,
Главу потупя молчаливо,
Ему недвижим предстоит.
И в горе им Гасуб любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,
Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дня, три ночи с кунаками
Его он хочет угощать
И после честью провожать
С благословеньем и дарами.
Ему ж, отец печальный мнит,
Обязан благом я бесценным:
Слугой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.

Проходят дни. Печаль заснула
В душе Гасуба. Но Тазит

Всё дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле вскормленный олень
Всё в лес глядит, всё в глушь уходит.
Он любит — по крутым скалам
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дольного¹ куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...

Но отец

Уже Тазитом недоволен.
«Где ж», мыслит он, «в нем плод наук,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик».

Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дни в ауле нет его,
На третий он домой приходит.

¹ Дольный — земной (буквально — низкий).

Отец
Где был ты, сын?
Сын
В ущельи скал,
Где прорван каменный берег
И путь открыт на Дариал.¹

Отец
Что делал там?
Сын
Я слушал Терек.²

Отец
А не видал ли ты грузин
Иль русских?
Сын
Видел я, с товаром
Тифлисский ехал армянин.

Отец
Он был со стражей?

Сын
Нет, один.

Отец
Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его,
И не прыгнул к нему с утеса? —

¹ Дариал — Дарьяльское ущелье, где теперь проходит Военно-грузинская дорога (на границе Грузии и Верхней Осетии)

² Терек — река на Северном Кавказе, в районе расселения горских народностей. Терек протекает по Дарьяльскому ущелью.

Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает.
Потом является домой.

Отец
Где был?
Сын
за белую горой.

Отец
Кого ты встретил?
Сын
На кургане
От нас бежавшего раба.

Отец
О милосердая судьба,
Где ж он? ужели на аркане
Ты беглеца не притащил?

— Тазит опять главу склонил.

Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодование.
«Нет», мыслит он, «не заменит
Он никогда другого брата —
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают злата;
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды,
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать

Коней с ногайскими¹ быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе² нагружать».

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
На третий, бледен как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
Где был ты?

Сын
Около станиц
Кубани, близ лесных границ
.....

Отец
Кого ты видел?

Сын
Супостата.

Отец
Кого? кого?

Сын
Убийцу брата.

¹ Ногайцы — татары, кочевавшие в степях Северного Кавказа и занимавшиеся скотоводством.

² Анапа — город на Черноморском побережье Кавказа, основан турками в 1781 г., присоединен к России в 1829 г. Действие «Газита» относится ко времени, когда Анапа принадлежала Турции и являлась торговым портом для горских народностей Кавказа, продававших в рабство пленников.

Отец

Убийцу сына моего!..
Тазит! где голова его?
Подай... мне череп этот нужен
Дай нагляжусь!

Сын

Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Отец

Ты долга крови не забыл!..
Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стenanьем,
Его змеиным издыханьем!..
Где ж голова?.. подай... нет сил...

— Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи,
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец, ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин.
Будь проклят мной — поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И как волченка затерзали —

Чтоб ты — — — беги... беги скорей.
Не оскверняй моих очей!» —
— Сказал и на землю лег — и очи
Закрыв. И так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Был темен синий небосклон.
Луна, блистая, восходила
И скал вершины серебрила.
Тазита трижды он позвал.
Никто ему не отвечал...

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы
В пыли несясь во весь опор,
Стрелой шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. — Жены, девы
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы.
Но между юношей один
Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стремнин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего,
И горе им: он сын изгнанный,
Она любовница его...

О, было время!.. с ней украдкой
Видался юноша в горах,
Он пил огонь отравы сладкой
В ее смятеньи, в речи краткой,

В ее потупленных очах,
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,
С подружкой резвой говоря —
И вдруг — садилась и бледнела
И, отвечая, не глядела,
И разгоралась как заря;
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованный кувшин
Волною звонкой наполняла.
И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: «твоя мне дочь
Давно мила — по ней тоскую,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою,
Я беден — но могуч и молод,
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей приверженный супруг».

.....

БРАТКИЕ СПРАВКИ О ПОЭМАХ ПУШКИНА

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Поэма начата была Пушкиным еще в лицее, в 1817 г. Работал он над ней по окончании лицея в 1818 и 1819 гг. и окончил 26 марта 1820 г. В поэме отразились прочитанные Пушкиным сказочные и фантастические произведения, русские и иностранные.

Поэма — первое крупное произведение молодого поэта — вызвала оживленные споры в журналах, разделившихся на два лагеря: сторонников старого, нападавших на поэму, и сторонников нового, защищавших ее.

В 1828 г. Пушкин переиздал поэму, сопроводив ее предисловием, в котором привел выдержки из критических статей 1820 г. К этому изданию написан и пролог. Для нового издания Пушкин просмотрел текст первого издания и исправил ошибки. Но кроме исправлений он внес в это издание изменения цензурного порядка, смягчив эротические описания, устранив упоминания Вольтера и пр. Подобная переработка объяснялась опасениями Пушкина в связи с его тяжелым политическим положением: именно в это время он подвергался систематическому преследованию со стороны правительства. В виду цензурного происхождения смысловых поправок, внесенных Пушкиным в издание 1828 г., в настоящем издании во всех таких случаях воспроизводится текст 1820 г., а из второго издания берутся только стилистические поправки.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

«Повесть» (как ее назвал Пушкин) начата была в августе 1820 г. в Гурзуфе, куда Пушкин приехал с Кавказа с семейством генерала Раевского. Закончена в Каменке 20 февраля 1821 г. Вышла в свет отдельным изданием в августе 1822 г. Это первая «романтическая» поэма, на которой отразилось влияние восточных поэм Байрона. Посвящение поэмы обращено к сыну генерала Раевского Н. Н. Раевскому. В издании 1822 г. оно было сильно искажено цензурой. Основная тема поэмы — столкновение двух куль-

тур: европейской и первобытной — обычно в эти годы и ведет начало от учения Ж. Ж. Руссо о развращающем влиянии цивилизации на человечество. В эпилоге Пушкин выразил свое сочувствие завоевательной политике России на Кавказе. Хотя этот эпилог и вызвал недовольство у некоторых русских либералов, но выраженные в нем взгляды уживались с левыми политическими убеждениями не только у Пушкина. Многие представители тайных обществ также считали государственной необходимостью для России колонизационное движение на Кавказ.

Поэма вызвала многочисленные подражания и имела огромный успех у читателей.

ГАБРИИЛИАДА

Поэма написана в апреле 1821 г. в пасхальные дни. Пушкин сообщил ее некоторым своим знакомым, и вскоре она получила широкое распространение. В 1828 г. эта поэма дошла до правительства, и по настоянию духовенства дело было передано на расследование, причем за следствием наблюдал сам Николай I. Пушкин на допросах упорно отрицал свое авторство. После того как Пушкин написал письмо лично Николаю I, дело было прекращено.

Авторство Пушкина подтверждается нахождением в его черновиках плана одной части поэмы, свидетельством Вяземского, что у него был полный собственноручный список поэмы, присланный ему Пушкиным, и свидетельством канцлера Горчакова, говорившего, что в письме к Николаю I содержалось признание Пушкина. Повидимому это признание сопровождалось какими-нибудь условиями, которые принимал на себя Пушкин. Во всяком случае в последние годы своей жизни он истреблял копии поэмы, которые находил.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ

Данное произведение является отрывком поэмы, над которой Пушкин работал в 1821—1822 гг. и которую сжег в 1823 г. «Братья разбойники» были напечатаны сперва в альманахе Рыльева и Бестужева «Полярная Звезда» на 1825 г., а в 1827 г. вышли отдельным изданием с подзаголовком: «писано в 1822 году».

Пушкин в данном отрывке стремится к наибольшему реализму слова, что в частности выразилось в употреблении нескольких слов, считавшихся слишком грубыми для поэзии

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Поэма написана в 1822—1823 гг. Замысел относится ко времени посещения Пушкиным Бахчисарая во время его поездки по Крыму в 1820 г. Само предание о пленнице Бахчисарайского гарема Пушкин слышал повидимому от Н. Н. Раевского еще до ссылки на юг.

З качестве источника сведений о Бахчисарайском ханском дворце и о полячке Потоцкой, которая будто бы была пленницей в гареме хана, Пушкин присоединил к тексту поэмы выписку из «Путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола». Эта выписка содержит подробное описание дворца; описывая кладбище, Муравьев отмечает один надгробный памятник:

«Прежде, нежели оставить сию юдолю сна непробудного, я укажу тебе отсюда на холм, влево от верхней садской террасы, на коем стоит красивое здание с круглым куполом: это мавзолей прекрасной грузинки, жены хана Керим-Гирея. Новая Заира,¹ силою прелестей своих, она повелевала тому, кому всё здесь повиновалось; но не долго: увял райский цвет в самое утро жизни своей, и безотрадный Керим соорудил *любезной* памятник сей, дабы ежедневно входить в оный и утешиться слезами над прахом незабвенной».

Эту выписку Пушкин сопроводил собственным описанием своей поездки по Крыму в 1820 г.

Издана поэма в марте 1824 г. вместе с предисловием Вяземского, в котором обсуждались основные вопросы спора романтиков с классиками. Как сама поэма, так и предисловие Вяземского вызвали оживленное обсуждение на страницах журналов, и борьба классиков и романтиков разгорелась с особой силой. Сам Пушкин держался в стороне от полемики.

В «Бахчисарайском фонтане» в наибольшей степени отражилось увлечение Пушкина восточными поэмами Байрона.

ЦЫГАНЫ

Поэма начата в Одессе в декабре 1823 г. и закончена уже после высылки из Одессы в с. Михайловском 10 октября 1824 г. Отдельно издана в мае 1827 г. с подзаголовком: «Писано в 1824 году».

Основная идея поэмы обнаруживает наряду с влиянием Байрона непосредственное влияние Ж. Ж. Руссо, которого Пушкин читал на юге. В ней (в изображении Алеко)

¹ Муравьев сравнивает жену Керим-Гирея с героиней одноименной трагедии Вольтера—1732 г. французенкой Заирой, возлюбленной магометанина — князя Оросмана.

дается критика основ современного европейского общества, которому противостоит первобытный строй цыганского табора. Речь отца, играющего роль мудреца, проповедника истины, характеризует социальный идеал, противопоставляемый европейской цивилизации.

ГРАФ НУЛИН

Данная стихотворная повесть написана Пушкиным в с. Михайловском 13 и 14 декабря 1825 г. По свидетельству самого Пушкина, его натолкнуло на мысль написать эту повесть чтение поэмы Шекспира о Лукреции и Тарквинии. Повесть Пушкина первоначально называлась «Новый Тарквиний». «Граф Нулин» был напечатан в альманахе «Северные цветы» на 1828 г. В критике «Граф Нулин» был встречен упреками в безнравственности сюжета.

ПОЛТАВА

Поэма была написана в октябре 1828 г. и вышла в свет отдельным изданием в марте 1829 г. со следующим предисловием, опущенным в дальнейших изданиях:

Предисловие

Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на Юге; обеспечила новые заведения на Севере, и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем.

Ошибка шведского короля вошла в пословицу. Его упрекают в неосторожности, находят его поход в Украину безрассудным. На критиков не угодишь, особенно после неудачи. Карл однако ж сим походом избежал славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего Гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт¹ три дня сряду будет разбит, что наконец 25 т. шведов, предводительствуемых своим королем, побегут перед нарвскими беглецами? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, *яко зело опасного дела.*

¹ Левенгаупт (1659 — 1719) — шведский генерал. Осенью 1708 г., направляясь из Риги на Украину, на соединении с армией Карла XII, был разбит русскими войсками.

В сем походе Карл XII менее, нежели когда-нибудь, вверялся своему счастью: оно уступило гению Петра.

Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковию анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества.

Некто¹ в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиной, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица.

31 января 1829.

В основу сюжета поэмы подожжены исторические события, завершившиеся Полтавским сражением 27 июня 1709 г. Это сражение было решающим в длительной войне России против Швеции, начавшейся в 1700 г. поражением русских войск под Нарвой. После Полтавского сражения, кончившегося разгромом шведской армии, исход войны был предрешен. Вместе с тем Швеция теряла значение великой державы, а Россия приобрела расширение своих владений и значительное международное влияние. Одним из последствий Полтавского сражения было уничтожение последних следов самостоятельности Украины, до тех пор находившейся в подчинении у России, но сохранявшей самостоятельное управление (гетман и воеводы). Гетман Мазепа предполагал отделиться от России, рассчитывая на поражение Петра в войне с Карлом XII. В результате Полтавского сражения он принужден был бежать в Турцию. В силу литературной условности Пушкин связал исторические события на основе изложения любовного приключения, которое является его поэтическим вымыслом. В действительности Мазепа сватался к Матрене Кочубей, получил отказ, но ночью 3 декабря 1704 г. Матрена бежала из дому к Мазепе. Она была немедленно возвращена в родительский дом, однако возникли слухи, что пребывание Матрены у Мазепы было продолжительным. Для Пушкина и его современников представлялось достоверным, что Матрена была любовницей Мазепы.

¹ Аладьян, поместивший в «Невском альманахе» за 1828 г. повесть «Кочубей».

В исторических фактах Пушкин следовал за «Историей Малороссии» Бантыш-Каменского (1822).

Это первое большое произведение Пушкина, написанное после разгрома декабристов. В эти годы для Пушкина особенно остро стоял вопрос о возможности политического сотрудничества с самодержавием Николая I, которому он противопоставлял образ царя-реформатора Петра, Реформаторский смысл деятельности Петра подчеркнут в предисловии. Эпизод из завоевательной деятельности Петра подсказан Пушкину военной обстановкой того времени, когда Николай I вел войны на востоке (Персидская кампания 1827—1828 гг. и Турецкая война, начавшаяся в апреле 1828 г.). Пушкин, сочувственно относившийся к восточной завоевательной политике России, ставил успех войны в зависимость от внутренних реформ. «Полтава» и являлась исторической параллелью к разворачивавшимся событиям.

До Пушкина борьба Мазепы против Петра послужила сюжетом для поэмы Рылеева «Войнаровский» (1825 г.), где симпатии автора лежат на стороне Мазепы.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

Стихотворная повесть эта написана в Болдине в начале октября 1830 г. Повесть эта явилась ответом ряду журналов, обвинявших Пушкина в том, что он, вернувшись из кавказской армии, не воспевает русского оружия и вообще не выбирает для своих произведений серьезных тем. В виде протеста против навязываемых ему тем Пушкин выбрал пустяковый анекдот, который дал ему возможность развернуть реалистическую картину петербургского мещанского быта. Вместе с тем многие строфы посвящены журнальной полемике 1830 года. Пушкин сперва предполагал печатать «Домик в Коломне» анонимно. Впервые появился он в печати в сборнике «Новоселье» в феврале 1833 г., причем полемические строфы были выкинуты, очевидно потому, что журнальная полемика 1830 года к тому времени потеряла свою остроту. Эти строфы напечатаны на стр. 249-255.

АЧДЖЕЛО

Поэма является вольным изложением, а в некоторых эпизодах переводом шекспировской трагедии «Мера за меру». Она написана в Болдине с 24 по 27 октября 1833 г. Поэма появлялась в печати во втором сборнике «Новоселье» в апреле 1834 г. Цензор Никитенко по личному распоряжению министра народного просвещения Уварова сделал несколько исключений, которые Пушкин считал «своевольными и скудоумно бесполезными». Однако по-

гытки Пушкина напечатать эту поэму в более исправном виде ни к чему не привели.

В настоящем издании текст поэмы восстановлен по рукописи и цензурные искажения устранены.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ

Это произведение является отрывком из задуманной Пушкиным поэмы «Езерский», которая не была осуществлена Пушкиным, и оставшимися набросками Пушкин воспользовался в «Медном всаднике». Герой поэмы «Езерский» по видимому тождественен с героем «Медного Всадника» — Евгением. Отрывок написан в первых числах октября 1833 г. и напечатан с цензурными искажениями в «Современнике» в октябре 1836 г. Основная тема отрывка — занимавший Пушкина вопрос о разрушении и упадке старых дворянских родов

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Поэма писалась одновременно с «Анджело» в Болдине в октябре 1833 г. По возвращении в Петербург Пушкин намеревался печатать поэму и уже заключил условие с издателем Смирдиным; однако поэма не была пропущена Николаем I, который, просматривая ее, вычеркнул из нее несколько стихов и потребовал переделки. Пушкин отказался печатать поэму в искаженном виде. Попытки его переделать поэму в требуемом направлении ни к чему не привели.

Поэма описывает наводнение 7 ноября 1824 г., самое большое наводнение в Петербурге за всё время его существования. Пушкин сам этого наводнения не видел, так как находился в это время в с. Михайловском, и изобразил его по описанию, данному в книге Берха, на которую он ссылается.

Центральным образом поэмы является памятник Петру I, изваянный Фальконетом и поставленный при Екатерине II в 1778 г. на площади против Сената на Неве.

В изображении героя поэмы Евгения Пушкин дал образ русского мещанина из деклассированных дворян. Вопрос об обеднении дворянства и картины жизни городского мещанства занимали Пушкина в это время в связи с его размышлениями об исторических судьбах России сравнительно с судьбами Западной Европы, в частности о роли русского самодержавия и русского мещанства.

«Медный Всадник» впервые был напечатан после смерти Пушкина с переделками Жуковского и долгое время печатался в искаженном виде.

ТАЗИТ

Поэма эта, не имеющая названия у Пушкина, начата им вероятно еще в 1829 г. после последней поездки на Кавказ. В 1833 г. он снова принялся за нее, но не кончил. Судя по сохранившимся планам, основной идеей поэмы было столкновение нравственных и бытовых устоев горских племен, основанных на обычаях кровавой мести, воинственном разбое и т. д., с нравственными устоями европейского общества, проникавшими в среду горцев в форме христианства.

Отрывки поэмы долгое время печатались под произвольным и неверным названием «Галуб» (так было прочтено редакторами имя Гасуба).

СОДЕРЖАНИЕ

Руслан и Людмила	3
Кавказский пленник	86
Гаврилиада	112
Братья разбойники	128
Бахчисарайский фонтан	135
Цыганы	153
Граф Нулин	174
Полтава	186
Домик в Коломне	236
Анджело	259
Родословная моего героя	279
Медный всадник	284
Тазит	300
Краткие справки о поэмах Пушкина	310

Ответственный редактор Н. В. Лесючевский
Технический редактор Ал. Кукуричкина
Кор. Ф. Александров Ленгослитиздат № 560.
Ленгорлит 8887 Тираж 100.000 Сдано в на-
бор 21.XII 1934 г. Подписано к печ. 11 III 1935 г.
Бумага 72×94. Авторских л. 26 Бумажных л. 5
Тип. зн. на 1 бум. л. 17760 Цена 1 р. 40 к.
Переплет 60 л. Набрано в тип. „Печатный
двор“ и отпечатано с матриц в типографии
им. Володарского Фонтанка 57. З. каз № 1336.

НАХОДЯТСЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ И В НЕПРОДОЛЖИ-
ТЕЛЬНОМ ВРЕМЕНИ ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗ СЕРИИ МНОГОТИРАЖНЫХ ИЗДАНИЙ
КЛАССИКОВ:

ДОСТОЕВСКИЙ

Записки из мертвого дома

ПУШКИН

Драматические произведения

ПУШКИН

Капитанская дочка и Дубровский

СТЕНДАЛЬ

Пармский монастырь

ШЕВЧЕНКО

Избранный ковзарь

ЩЕДРИН

История одного города